

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ

НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ,

собранные въ елисаветградскомъ и александрійскомъ
уѣздахъ херсонской губерніи

В. Н. Ястребовымъ.

I. СУЕВѢРІЯ И ОБРЯДЫ. II. ЛЕГЕНДЫ, СКАЗКИ И РАЗСКАЗЫ.

12-587

ОДЕССА.

Тип. Шт. Одесскаго военнаго Округа. Тираспольская, № 14.

1894.

2954
21856

Печатано по опредѣленію «Историко-Филологическаго Общества»
при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ.
Предсѣдатель Общества *Θ. Успенскій.*

ОДЕССКАЯ ГОРОДСКАЯ
29. НОЯ. 1913
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

1949
ПРОВЕРено

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Районъ, въ которомъ собраны предлагаемые матеріалы — два сѣверные уѣзда херсонской губерніи — представляетъ самостоятельный научный интересъ, обусловливаемый особенностями историческихъ судебъ его. Оба эти уѣзда съ давнихъ временъ составляли часть Вольностей Запорожскаго Войска, оба вошли потомъ въ составъ Новой Сербіи, послуживъ опорнымъ пунктомъ для колонизаціи новороссійскихъ степей — какъ народной, такъ и правительственной. Сербы, давшіе главный матеріалъ для правительственной колонизаціи этого края въ прошломъ вѣкѣ, по настоящее время растворились въ окружающей русской средѣ безъ остатка, хотя слѣдуетъ предположить, что и они внесли въ нее нѣчто свое; взаимодействіе же остальныхъ народностей, живущихъ здѣсь, продолжается и понынѣ. Такъ вырабатывается особый типъ русской народности — новороссійскій. Этотъ процессъ соединенія, выработки отдельной этнической особи, съ одной стороны, — возможность открытія живыхъ памятниковъ словесной старины, занесенныхъ къ намъ изъ разныхъ угловъ славяно-молдавскаго міра и сохранившейся на мѣстѣ — съ другой, служатъ, на нашъ взглядъ, достаточнымъ оправданіемъ любознательности, направленной на этнографическое изученіе нашего края.

Къ этому изученію привело насъ также и давнишнее наше пребываніе въ центрѣ былой Новой Сербіи — Елсаветградѣ, и память профессора В. И. Григоровича, почившаго здѣсь среди историческихъ и этнографическихъ замысловъ и начинаній.

Матеріалы накопились постепенно, втеченіе многихъ лѣтъ, отчасти путемъ личныхъ наблюденій и записей, отчасти при посредствѣ знакомыхъ намъ лицъ изъ сельскихъ жителей. Помощники эти работали подъ нашимъ руководствомъ, пользуясь программой, изданною къ одес-

скому археологическому съѣзду, и нашими личными указаниями относительно приѣмовъ при записываніи матеріаловъ. Доставленный намъ матеріаль большею частію мы прочитывали и провѣряли совмѣстно съ собирателями.

При всемъ томъ, однако же, мы не могли достигнуть такой фонетической точности въ записяхъ, которая могла бы сдѣлать собранный нами матеріаль вполне пригоднымъ для изученія языка, — нѣкоторыя же изъ нихъ сдѣланы на общемъ литературномъ языкѣ. На основаніи нашего опыта мы присоединяемся къ мнѣнію, что записи, ставящія себѣ цѣлю изученіе діалектовъ, должны быть производимы особо отъ этнографическихъ, въ собственномъ смыслѣ, спеціально къ тому подготовленными и особенно въ этомъ заинтересованными лицами. Что же касается въ особенности Новороссійскаго края, со смѣшаннымъ его населеніемъ, говорящимъ неустановившейся, по большей части, неправильной рѣчью, то здѣсь звуковая исправность записей — дѣло особенно трудное.

При передачѣ текстовъ мы строго слѣдовали записямъ, допуская лишь незначительныя поправки, и то только тамъ, гдѣ въ записяхъ встрѣчались явныя описки, и пользуясь однообразнымъ способомъ при передачѣ звуковъ (разныхъ оттѣнковъ звука и и пр.).

Изъ того сырья, которое накопилось у насъ за десять лѣтъ времени, мы предлагаемъ здѣсь только то, для чего или вовсе не нашли прямыхъ аналогій въ печатныхъ сборникахъ, или нашли варианты, разнящіеся въ подробностяхъ.

Въ группировкѣ нашего матеріала мы избѣгали искусственности и дробности подраздѣленій, располагая, однако, по возможности, вмѣстѣ сходный по содержанію матеріаль.

Лица, записями которыхъ мы пользовались, поименованы въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ текста. Здѣсь же считаемъ своимъ долгомъ выразить свою искреннѣйшую благодарность всѣмъ имъ, а также уважаемому сочлену Е. И. Борису, которому мы обязаны любезной помощью при редактированіи настоящаго сборника.

В. Ястребовъ.

Елисаветградъ,
12 сентября 1893 года.

І. СУЕВѢРІЯ И ОБРЯДЫ.

А. Представленія о внѣшнемъ мірѣ.

Небо народъ представляетъ себѣ въ видѣ свода изъ прозрачнаго матеріала; *свѣтила* — отверстія въ небѣ. Ср. Чуб. I, 1—2.

Солнце и луна — братъ и сестра. Ср. Чуб. I, 8.

Во время *восхода* и *захода* солнца нельзя запрягать скотъ: будетъ тяжело ходить въ работѣ и плохо пить.

Во время *захода* солнца не надо давать спать маленькому ребенку: будетъ кричать цѣлую ночь.

Послѣ *захода* солнца нельзя выносить купели.

Ночью солнце скрывается за мѣловыя горы.

Пятна на лунѣ. Въ одинъ небольшой праздникъ два брата поѣхали возить солому, причемъ, по нечаянности, старшій изъ нихъ поднялъ на вилы младшаго; въ назиданіе людямъ, что въ праздникъ работать нельзя, Богъ и поставилъ ихъ на лунѣ.

— Старшій изъ братьевъ, возвратившись ночью съ гулянки, желая набрать сѣна скоту, по нечаянности наколотъ на вилы младшаго, и въ наказанье Богъ поставилъ его на лунѣ.

— Во время возовицы два брата поссорились за что-то, и старшій въ запальчивости поднялъ младшаго на вилы; въ наказаніе Богъ присудилъ ему держать брата въ такомъ положеніи до страшнаго суда. Варіанты у Чуб., I, 7—9.

свѣтила

При появленіи *молодого мѣсяца* нельзя указывать на него пальцемъ.

Увидавъ въ первый разъ *молодыкъ*, надо прочесть «Отче нашъ» (вар.: перекреститься, обернувшись лицомъ къ нему или на В.) и произнести: «*молодыкъ*, якъ быкъ, *молодыку* на пидповня, а мени на здоровья, *молодыку* золоты рогы, а мени волы та коровы»; или: «*мисяцю* молодой, на тоби хрестъ золотый, тоби на пидповня, мени на здоровья».

На *молодыку* заговариваютъ зубы.

На *молодыку* нельзя садить картофель, сѣять фасоль, горохъ и проч.: уродитъ много, но ничто не созрѣетъ, останется *молодымъ*. Ср. Чуб. I, 9.

На *первой кватырѣ* нельзя рубить лѣсъ.

Третья четверть считается неблагоприятной для нѣкоторыхъ работъ; такъ на третью четверть нельзя рубить деревья, садить и прививать ихъ, садить картофель, сѣять что-либо, солить масло, сыръ, огурцы, квасить капусту, стричь волосы.

На *ущербѣ* въ четвергъ и субботу нельзя деревья рубить: шашель будетъ ѣсть дерево. Ср. Чуб. I, 10.

Въ *понедѣльникъ*, *среду* и *субботу* нельзя сновать, иначе во время тканья пряжа будетъ сѣчься.

Въ *понедѣльникъ* нельзя запрягать въ ярмо неуковъ-быковъ, особенно во время *восхода солнца*: не выучатся ходить въ ярмѣ; нельзя также запрягать и неуковъ-лошадей.

— Нельзя сѣять: посѣвъ будетъ неулаченъ въ зернѣ, хотя обилень будетъ въ соломѣ; но баштанъ садить въ *понедѣльникъ* хорошо.

— Нельзя снимать съ горища яйца: перестанутъ куры нестись (вар.: будутъ нестись на чужомъ горищѣ).

— Кто въ *понедѣльникъ* возить глину, у того въ хатѣ будетъ всякая нечисть: тараканы, сверчки.

— Въ *понедѣльникъ* ничего нельзя давать изъ дому.

— Въ *понедѣльникъ* нельзя надѣвать рубашку, иначе заведутся враги и будутъ нападать.

— Въ *понедѣльникъ* нельзя пускаться въ дальній путь: будетъ несчастье въ дорогѣ.

всѣхъ понедѣлокъ

— Вообще, кто начинает въ понедѣльникъ какую работу, неудача будетъ: кто будетъ шить, тому придется постоянно пороть и пр.

Въ *среду* нельзя кроить одежду: заведутся вши; нельзя также мыть голову и чесаться.

Въ *четвергъ* и *субботу* нельзя ничего садить: шашель поточить, — высохнетъ.

Въ *четвергъ* нельзя золить рубахи, нельзя борщъ квасить.

Въ *четвергъ* и въ *недѣлю* нельзя сыръ откладывать: черви заведутся.

Въ *пятницу* (вар.: также и во всѣ большіе праздники, не исключая и воскресенья) нельзя печь хлѣбъ, «щобъ дитей не спыкты»; нельзя сорочки золить.

Въ *пятницу* нельзя копать глины, — задавить.

Вечеромъ въ *пятницу*, когда жида сядутъ на шабашъ, а воробьи въ гнѣзда, — хорошо садить подсолнухи («все пообидали, и горобци не голодны, не будутъ нападать»).

Въ *пятницу* нельзя чесаться, а то можно вычесать волосъ счастья, если есть.

Въ *пятницу* вечеромъ нельзя прясть. Когда-то давно, «еще за царя Хмѣля, якъ була людей жменя», одна баба пряла вечеромъ въ пятницу, при чемъ у нея что-то вырывало изъ рукъ веретено три раза, отчего она была больна до самой смерти.

Въ *субботу* работать можно только до полдня; нельзя свѣтскія пѣсни пѣть; нельзя мазать дегтемъ сапоги: заведется на пшеницѣ *сажка* (*зона* — порча зерна).

Въ *воскресенье* (вар.: въ праздникъ вообще) до конца церковной службы нельзя выносить сору изъ хаты: крысы расплодятся.

Въ *праздникъ* нельзя въ рѣчкѣ одежду мыть: жаба прицѣпится.

Въ тѣ дни, когда церковь празднуетъ *мученика*, не слѣдуетъ начинать ничего важнаго, иначе будешь только мучиться.

Кругъ около мѣсяца предвѣщаетъ морозъ.

Когда весной начинаетъ *таять* и *капать*, то говорятъ, что весна прогоняетъ зиму, и зима плачетъ.

Затменія объясняютъ себѣ борьбой свѣтилъ небесныхъ съ нечистою силой.

Если во время **затменія** посмотрѣть въ мазницу со смолой, то увидишь, какъ волки рвутъ солнце.

Затменіе предвѣщаетъ страшный судъ; во время затменія затворяютъ окна, зажигаютъ лампы и свѣчи, молятся Богу.

Созвѣдія: *Чепига* имѣетъ очертаніе *чепиги* — острія въ плугѣ, на которое надѣвается лемешъ; *Коромысло* состоитъ изъ трехъ звѣздъ, расположено подъ Чепигой; *Волосожаръ*, иначе — *Квочка и съ курчатами*, *Визъ* (Большая Медвѣдица).

Млечный путь — «шляхъ на Ерусалымъ»; развѣтвленіе его — «шляхъ на святы пещеры». Ср. Чуб. I, 15.

О происхожденіи **млечнаго пути** рассказываютъ: «укравъ цыганъ кострицы съ конопель (вар.: соломы), завязавъ вязку та й понисъ; якъ винъ нисъ кострицю, вона трусылась и падала».

Падающія звѣзды: ихъ беретъ съ неба вѣдьма и кладетъ въ кувшинъ.

На падающую звѣзду не годится смотрѣть, а то умрешь скоро.

Кометы называются въ народѣ *планетами*.

Для отвращенія **грома** надо держать въ домѣ артось.

Во время **грома** читаютъ молитву: «святъ, святъ еси, Боже, Богородице, помилуй насъ!»

Во время **грома** не годится сидѣть на землѣ: подъ сидящимъ можетъ спрятаться чортъ, — Богъ, желая убить чорта, можетъ попасть громовой стрѣлой въ челоуѣка.

Услышавъ вдали **громъ**, въ предотвращеніе его выбрасываютъ на дворъ или на горнице рогачъ, вочергу, лопату.

Во время **грозы** затыкаютъ трубу, закрываютъ и крестятъ окна, зажигаютъ лампадку, зажигаютъ страстную свѣчу. Ср. у Сумцова. Кіев. Ст. XXV, 505.

Громовая стрѣла уходитъ въ землю на 7 сажень и, выходя по одной сажени въ годъ, черезъ семь лѣтъ выходитъ на поверхность земли, при чемъ дѣлается, какъ свѣча, желтою. Ср. Чуб. I, 21.

Затменіе
Гроза
Ткн
Звѣзды

Если *громъ* ударить въ голое дерево, то ворами будетъ плохо красть и наоборотъ, — хорошо, если громъ ударить въ распустившееся дерево.

Пожаръ отъ молніи можно потушить кислымъ молокомъ отъ черной коровы.

Горобына ничь буває тоди, колы здоровый гримъ, молнія, дождь; тоди чортъ старыхъ *горобцивъ* даве, а молодыхъ на свить пускае.

Дождь идетъ изъ подъ солнца — вѣдьма плачетъ. Если *дождь* идетъ черезъ солнце — хлѣбъ и овощи будутъ подпалены солнцемъ.

Радуга называется въ народѣ *коромысломъ* и *росалкой*; посредствомъ ея вода поднимается на небо изъ морей и рѣкъ; если подойдешь къ тому концу радуги, который погруженъ въ воду, то ослѣпнешь. Если радуга концомъ своимъ упирается не въ воду, а въ сушу, то, значитъ, въ этомъ мѣстѣ въ землѣ есть ключъ.

Когда идетъ *дождь съ градомъ*, нельзя въ окно смотрѣть.

Для того, чтобы *градъ* не побилъ нивы, при посѣвѣ по угламъ ея зарываютъ кости четвероногого животного, освященнаго на пасху; закапываютъ ихъ также на дворѣ.

Во время *града* выбрасываютъ на дворъ кочерги, лопаты и рогачи и приговариваютъ: «побый лучше мои кочерги, та не бый мои нивы!» Ср. Чуб., I, 28.

Чтобы уменьшился *морозъ*, надо семь лысыхъ пересчитать. Ср. Чуб. I, 32.

Вихрь — это чортова свадьба; если бросить въ середину вихря свяченый ножъ (который подъ-рядъ 7 лѣтъ святился), онъ будетъ въ крови (вар.: потечетъ черная кровь). Ср. Чуб. I, 35.

— Если бросить свяченымъ ножомъ въ середину *вихря*, а самому упасть на землю и лежать, какъ мертвому, то увидишь, какъ чертенята будутъ нести голву чорта хоронить; ножикъ этотъ нужно носить при себѣ, и онъ будетъ охранять отъ чорта, но если его потеряеш то чортъ убьетъ.

Внутри земли есть большое озеро, которое постоянно подмываетъ землю; когда подмоетъ, она обрушится въ него, и тогда наступитъ конецъ свѣта. Ср. Чуб. I, 38.

крос.

Гдѣ кончается земля, тамъ кипитъ кровавое море. Небо сходится съ землей за Іерусалимомъ, на Оханьскихъ горахъ; эти горы такъ высоки и такъ круты, что на нихъ трудно взобраться. Ср Чуб. I, 36—37.

Земля стоитъ на трехъ желѣзныхъ столбахъ, а столбы — на кить-рыбѣ.

Замысли столбы

Земля стоитъ на китахъ, а киты — на водѣ. Ср. Чуб. I, 37—38.

Пропасти произошли оттого, что земля трескалась во время землетрясеній.

Вола нельзя продавать вмѣстѣ съ налыгачемъ: не будетъ водиться хорошихъ воловъ; для этого покупается новый налыгачъ, и передается изъ поля.

Точно также и лошадей нельзя продавать съ тѣми уздечками, въ которыхъ онѣ до того ходили, иначе домовою будетъ заѣзжать другихъ лошадей, которыхъ купишь послѣ, и онѣ не пойдутъ въ руку.

Купивъ вола или лошадь, кладутъ въ воротахъ поясъ, или полотенце, и когда переведутъ черезъ него скотину, то льютъ ей на лобъ воду, чтобъ знала дорогу съ поля домой. Вар.: такъ дѣлаютъ, чтобы долго держался купленный скоть.

идея ружья

При покупкѣ скотины, берутъ изъ подъ правой ея ноги земли и посыпаютъ и растираютъ ее по спинѣ этой землей.

Если у вола глаза выпуклые, а шерсть на лбу гладкая, или глаза глубоко во лбу, а шерсть «надутая», то это — волъ клятый (злой).

Клятую лошадь узнать по выпуклымъ и краснымъ глазамъ.

При закладкѣ въ ярмо въ первый разъ молодого скота, скотину крестятъ и проищаютъ три раза слѣдующія слова «Святый Грыгорій, навчи ль ходить, навчывъ йисты, навчи жъ хлиба робыть».

Когда Іисусъ Христосъ спрятался отъ жидовъ въ ясляхъ, лошади раскрывали, а овцы прикрывали Его, за это Іисусъ Христосъ благословилъ послѣднихъ *).

*) Это—видоизмѣненіе древне-христіанскаго эсхолографическаго мотива о присутствіи осла и быка при Рождествѣ Христовомъ; въ русской иконографіи оселъ замѣняется конемъ. Прим. Ред.

Если *лошадь* катается по землѣ и перевернется на спину, то значить, — хозяинъ продасть ее съ барышемъ, а если не перевернется, — то съ убыткомъ; поэтому хозяинъ, увидя, что его лошадь катается, приговариваетъ: «а ну, ну, чи вернутця грошы?»

Гдѣ *лошадь* каталась, тамъ нельзя ступать ногою, а то лишаи нападутъ; а если ступишь, надо плюнуть три раза.

Свиньи кричать — къ дождю, — носить солому — къ холоду и вообще къ непогодѣ.

Для того, чтобы *усмирить* напавшихъ *собакъ*, надо: сцѣпить зубы, сжать ротъ и кулаки; крѣпко сжать двѣ дули; показавъ собакѣ дулю, сказать: «какъ моя дуля молчить, такъ и ты молчи»; сказать три раза: «слипый вродывся, нимый зробывся»; присѣсть на корточки.

Якъ *собаки* *выютъ у ночи*, то буде моръ людей, а шобъ ны було мору, кричатъ на нихъ: «на свою голову!» ше й стаканъ перевертають.

Якъ *собака* *вые* вгору, то буде война, а якъ прямо, то буде моръ, а якъ въ землю — то буде мертвецъ. Вар.: мордой вверхъ — къ пожару. *переверн стволы*

Собаки, родившіяся въ мартѣ, бываютъ скоры на бѣгу.

Мартовскаго щенка (вар.: первенца) продѣвають сквозь маточину; тогда вѣдьмы будутъ бояться его, а онъ получаетъ способность давить вѣдьмъ и волковъ и не заблѣветъ мытомъ.

Мартовскаго щенка бросаютъ въ погребъ или въ яму, а въ дверяхъ погреба или надъ ямой кладутъ осиную борону о 7 или 9 зубьяхъ; вѣдьма не можетъ сосчитать до конца (вар.: вѣдьмѣ «полагается» четное число 8) и, боясь, что ошиблась въ счетѣ, начинаетъ сначала и такъ — до разсвѣта; если дѣлать это, пока щенокъ подрастетъ, то онъ станетъ недоступнымъ для вѣдьмъ; въ противномъ случаѣ, мартовскій щенокъ непременно будетъ задушенъ вѣдьмой.

Если постлать *собакъ* постель, то никакой колдунъ, ни колдунья, ни воръ не заговорить ея лая.

Клятую собаку узнають по слѣдующимъ признакамъ: если у нея черное поднебенъе и черно во рту, или если у нея во рту болѣе 21 валика поперекъ поднебенья, или

если глаза расположены слишком близко одинъ отъ другаго, или слишкомъ далеко.

Если отрѣзать у *собаки* крайки ушей и дать ей съѣсть ихъ, она станетъ *клятая*.

Если достать изъ подъ дубовой коры червяка и дать съѣсть собакѣ, то ее не одолѣетъ бѣшеная собака и не повредитъ ей.

Взбѣсившуюся собаку лѣчатъ слѣдующими средствами: даютъ вмѣстѣ съ кормомъ вареный дрокъ, майку, толченый хрусталь.

Если *убитую собаку* перетянуть на другое мѣсто — непременно оживетъ.

Кошка голову подворачиваетъ подъ себя — къ мятели.

Ны можна на коняхъ вызти *кота*, бо ёго вкрадутъ (*вар.*: не повезуть кони).

Если *мыши* ѣдятъ сѣно, то будетъ голодъ.

Если беременная женщина проситъ у кого-нибудь съѣдобнаго, а ей не дадутъ, то *мыши* поѣдятъ одежду у того, кто не исполнилъ ея просьбы.

Чтобы избавиться отъ *крысъ*, ѣдутъ на мельницу и вяжутъ къ возу другого крестьянина завязки (веревочки, которыми завязываютъ мѣшки); тогда крысы перейдутъ къ нему.

Если поймать *летучую мышь*, положить ее въ новый горшокъ, накрыть новой крышкой и поставить въ муравейникъ, то муравьи ее съѣдятъ и оставятъ только кости; между этими костями есть одна косточка, похожая на грабли, а другая на вилы; онѣ употребляются съ волшебными цѣлями.

О происхожденіи медвѣдя: Одинъ бѣдный мужикъ поѣхалъ въ лѣсъ и думалъ было срубить одну приглянувшуюся ему ель, но она проговорила человѣческимъ голосомъ: «не руби меня, я тебѣ пригожусь!» Онъ послушался и, вмѣсто нея, срубилъ другую. Но чрезъ нѣсколько времени снова поѣхалъ въ лѣсъ и срубилъ таки ту заветную ель; вдругъ загремѣлъ громъ, блеснула молнія, а мужикъ упалъ на землю и обратился въ медвѣдя.

Отчего у медвѣдя уши и хвостъ курчавы? Якъ велы ёго до меду, то тягнулы за уши, пока вуха одырвалы,

а потомъ уже за хвоста тягнулы одъ меду и одырвалы хвистъ.

Якъ *вовкз* встритыцца зъ чоловикомъ або зъ худо-бою, то винъ заразы реве, — ото винъ пытае Бога, чи рвать ёго, — и якъ ни, то винъ втиче.

Ишовъ одынъ чоловикъ кудысь Богу молыцца та й лигъ спать на тій гори, де *вовкы* просятъ у Бога йисты; дывыцца винъ: позбигалося богато вовкивъ, задерлы голэвы до неба и выють; колы йиде чоловикъ у сывыи шацци *) и крыкнувъ: «драстуйте, мое стадо». Воны пересталы выть и сталы пытатъ ёго: «можна намъ цёго чолвика зъисты, шо тутъ спыть?» — Ни, неззя, винъ иде Богу молыцца, та й за насъ помолыцца; лучше бижыть у те село та тамъ вивцю украдете, а тамъ корову, та й найистеся. — Вовкы порозбигалыся, а той чоловикъ опять кудысь пойхавъ.

Волкз-чабанз. Ще до Адама сотворивъ Богъ всякый звиръ и скотыночку, та й вивци, и никому було ихъ пасты, а вовкз изнайшовъ ихъ двоичко, баранчыка та ягнычку, попасъ лито, попасъ друге, приплодокъ, якый бувъ, винъ доглядавъ и ны йивъ ёго, каже: ныхай, якъ буде билше, я ще молодой, щось и дыке поймаю. Отто такъ винъ розвивъ ихъ цилу отару. Якся побачивъ Адамивъ сынъ Авыль, прогнавъ вовка зъ ёго семнею, а вивци прысвоивъ. Отъ ще виттоди — якъ вбырецца старый вовкз въ отару, або въ кошару, то вже и видмовыть ны можна, бо винъ, мовъ, свое быре. (с. Плетеный Ташлыкъ. Запис. И. Болѣлый).

Заговоръ овецъ отъ волковъ. Святый Юрій выйды на Осіяньску гору, та заграй у золоту трубу, та склычь вовкивъ и вовчыць, та позатыкай хвостами роты, шобъ ны розявлялы роты на мои ягныци: ни на сиры, ни на билы, ни на рябы, ни на сивы, ни на чорны. (д. Акацатовка [Аникѣевка]. Запис. Алехинъ. Сходный вар. въ с. Верблюжкѣ запис. Л. Котенко).

Одъ чого зайци куци? Чувъ я, шо розказувавъ мій дидъ, шо ще его прадиць бувъ сторожемъ на баштани, мавъ пры соби нижъ и рушныцю, шобъ стрелять на

*) По варр. это Егорий Храбрый. Прим. Ред.

тыхъ гемоньскихъ собакъ, шо грызуть дыни. Оце, бывало, привызе ёму якый добрый чоловикъ хлеба и горнятко масла... Отто разъ и пишовъ дидъ баштанъ оглядаты; вырнувся назадъ до куриня, дывыцца: ныма ни хлеба, ни масла, — а вже та гемоньска собака, шо бидныхъ стороживъ курини обирае, сыдыть да облызуицца, пойившы масло. Подумавъ соби дидъ: и ны чесно быть собакъ, а за шкодлыву собаку позору ны буде! Ны думала собака та й въ умъ йий ны приходило, шо тутъ остаецця вырнуты масло и проплатытыся своею головою. Дидъ звивъ куроць, прыцилывся, та якъ шелепнувъ пулею въ лобъ тую гемоньску собаку. — Эге, каже, товста, нывиряка, багацько куринивъ сиббрала! Доставъ изъ за пояса ніжъ, разризавъ йий пузо и добувъ виттиль горщечкивъ пять масла (бо на баштанахъ ны одынъ куринъ бувае), и було дидови на все лито кашу мазать. Прыйшла осинь, хазяи баштаны повозылы, нипричому диду стало жыть, ни за шо и рукъ зачыпыть, бо такый бидный бувъ, якъ то кажутъ: ни кола, ни двора. А за молоду дидъ любывъ ходыть на охоту. И здумавъ винъ пидъ старистъ зайцивъ поганяты. Иде соби полемъ та дорогою, бачыть винъ: стоять чумаки, а вже давно диду пыть хотилось. Прыйшовъ до чумакивъ воды напыцца, а воны сплять — ныльзя и добудыцца. Одиткнувъ дидъ чопоць въ вылыкый боцци, напывся, та й самъ повалывся, а на те время журавли въ вырий лытили, — побачылы колюжу, та й соби силы, — напылысь, та й воны поснулы, бо чумаки везлы горилку. Прокынувся мий дидъ: эге, каже, — ны бродячи качкы! — быре тыхъ журавливъ, та за поясъ головки втыкае; обибрався кругомъ та й на втикача одъ возивъ, шо въ выннымъ ны буты. Якъ проснувся старый журавль, та якъ закрлыка, якъ наробыть бунту, та замахае крыламы,... якъ пиднялы дида, ажъ до самисичкого неба. Бачыть дидъ, шо горе, выйнявъ ніжъ и ставъ журавлямъ головы ризать; одриже одному — спустыцца ныжче, одриже другому — ище ныжче. Остановылись журавли надъ сусидскимъ горѣдомъ, стали крутыцца та въ стороны дывыцца, шо въ вырий ны збудыцца. Подумавъ дидъ еще одному журавлю голову одризать, шо въ ныжче спу-

стыцца, та поторопывся, ножемъ за поясъ зачыпывся, та такъ разомъ въ болоти по шыю и очутывся, бо якъ водыцца, сусидскый городъ бувъ пры води, и була на ёму хороша капуста. Сыдыть дидъ у болоти, крычыть, рыпытуе, ныхто ёго ны рятуе. Такъ досыдивъ до ночи, а ту капусту повадылысь зайци йисты. Найившись, зайць захотивъ воды напыцца; скочывъ зайць у болото, дидъ вхопывся ёму за хвистъ, та якъ крыкне: «тю на тебе, гемоньскый зайць!» Скочывъ зайць и вырвавъ дида изъ болота. Въ дида хвистъ въ рукахъ остався, а зайць въ поле подався. Черызь те зайци и куцы (с. Плетеный Ташлыкъ. Запис. И. Болѣлый).

Отчего у козловъ хвосты куцые? Сотворывъ Богъ всяку худобу и прыказавъ деякымъ святимъ прыгнать йии до Его на благословеніе. Чортъ же позавидувавъ Богови за таку славу и захотивъ, щобъ и ёго худоба була тамъ. Отъ винъ и сотворывъ кизъ багацько-прыбагацько (вар.: по образу своему и подобію) и самъ ихъ погнавъ. На дорози попався ёму лисъ. Козы ёго ныначе здурилы, та давай чарабкацца на дубы. Чортъ одганявъ-одганявъ ихъ, а дали ёму це и наскучыло, винъ россердився, та котораго цапа побаче, шо лизе на дерыво, та хватъ за хвистъ, а хвистъ и обирвыцца. Такъ винъ усимъ козамъ и поодрывавъ хвосты. Отъ тихъ уже и пишло куце племня. (Новоархангельскъ. Запис. Колодченко-Суббота)

сорока Въ народѣ считаютъ *погаными* ежа, воробья, сороку; ёдятъ галокъ, а воронъ не ёдятъ; голубей ёдятъ, только не рѣжутъ, а давять; ласточекъ не ёдятъ, зайцамъ головы отрываютъ, — не рѣжутъ.

Если есть въ домѣ *новорожденный животный*, нельзя ничего взаимы давать.

Чтобы вернулось *забѣжавшее животное*, нужно кричать въ трубу такъ, какъ зовутъ животное, напр. собаку: ня, ня!

Лѣченіе болѣзней животныхъ.

Бѣльмо у скотины засыпаютъ мелкимъ табакомъ, порохомъ, сахаромъ изъ очеретяной трубочки. Ср. Этн. Обзор. 1891 г. № 4, 179. Жуютъ гвоздику и потомъ дышутъ въ глазъ.

Врочище (опухоль вымени у коровъ). Взять челюстные кости поросенка, освященнаго на Пасху, скорлупу пасхальныхъ яицъ, кусочекъ артоса, просфоры всенощной, маку свяченнаго, пшеницы, сала, столочъ, зажечь и подкуривать вымя, говоря «Отче нашъ», «Богородице Дѣво», а потомъ произнести слѣдующее: «Була соби сова-Врова, а въ тѣи совы було девъять сынивъ, а зъ девъяти стало висимъ, а зъ восьми стало симъ, а зъ семи стало шистъ, а зъ шести стало пѣять. а зъ пѣяти стало чотыри, зъ чотырехъ стало три, зъ трехъ — два, а зъ двоухъ — одинъ, а зъ одного ни одного». При этомъ, окуривая, надо накрестъ прикасаться тупою стороною ножа къ опухоли. (м. Дмитровка. Запис. Н. С. Тобѣлевичъ отъ Марьи Очеретянко).

Если на скотину нападутъ *вши*, вѣшаютъ ей на шею вѣнокъ изъ собачьяго дерева.

Если скоть *кгедзгається*: 1) Зашиваютъ кгедза въ поясокъ, 2) закапываютъ его на тырлѣ, 3) на тырлѣ перекидаютъ возъ вверху колесами, 4) мажутъ рога убитымъ кгедзомъ, 5) замовляютъ заговорами.

Есть болѣзнь скота *жаба*, когда кожа присыхаетъ на спинѣ; для излѣченія спину чѣмъ нибудь накрываютъ и потомъ стараются зубами отодрать кожу.

Въ д. Островской знахарка такъ *заправляла* корову: въ яичную скорлупу положила маку, свяченнаго пшена и зарыла въ сѣняхъ за дверьми.

Если *корова не доитъ*, хозяйка подкуриваетъ ее свяченымъ ладаномъ и ремезовымъ гнѣздомъ.

Для *защиты коровъ отъ вѣдьмъ* надо затворять загонъ бороною, зубьями наружу и въ глухомъ концѣ воротъ забить осиновые колочки клечальные.

Если *вѣдьма доитъ корову*, надо взять у коровы молока и варить, приговаривая: «якъ отъ це молоко кыпытъ, такъ шобъ и коло серця пекло», — вѣдьма придетъ и будетъ спрашивать: «шо це ты варышь? на шо воно тамъ такъ кыпытъ? — отсуньте ёго». Ср. Ивановъ, Сб. Харьк. Ист.-ф. Общ. 3 т., 165, 4.

Если *вѣдьма испортитъ корову*, то въ концѣ загона закапываютъ истрепаый вѣникъ (деркачь), тогда корова снова будетъ давать молоко попрежнему.

Чтобы *корова давала густое молоко* и хорошій сборъ съ него, надо поступать такъ: поздно вечеромъ набрать воды изъ трехъ колодцевъ однимъ ведромъ, поставить послѣднее близъ загона, гдѣ коровы, покрыть крестообразно палочками и, взявъ цилушку хлѣба и дрибокъ соли, говорить: «Вы, зори-зорныци, васъ три сестрыци, вы бачыте и лиса, и горы, и сыне море, а въ синимъ мори стоитъ золота ванна, а въ тый ванни густе молоко, товстый сыръ, жовте масло, повна сметана. Вы, зорныци, три сестрыци, я васъ просю съ хлибомъ святымъ-силлю, дистаньте зъ теи ванны и моимъ коровамъ доброго молока, хорошого збору». На крестообразную перекладину надъ ведромъ кладутъ хлѣбъ и соль, а на другое утро очень рано, чтобы никто не видѣлъ, надо отдать коровамъ хлѣбъ, соль, напоить тою водой, что стояла «противъ зорь», и омыть вымя «на видли» крестообразно. (м. Дмитровка. Запис. Н. С. Тобѣлевичъ отъ Марин Очеретянку).

Перелог (рѣзь въ животѣ): перевязываютъ животъ или бьютъ скотину подъ животъ штанами. *Вар.:* *Перелог* чаще всего бываютъ съ ягнятами: ягненокъ вдругъ горбится, потомъ падаетъ на землю; лѣчение: бьютъ штанами по бокамъ навкрестъ, или же протягиваютъ штаны три раза подъ животомъ.

Признаки *перелоговъ* у лошади: сразу начынае лягать, потымъ встаетъ и потягаецця и пырыстаетъ пастысь. Заговоръ для лошадей: «бигъ песь чырызъ овесъ, якъ песь ны поврыдывъ овсу, то такъ и тоби, чортъ». Произнося эти слова, «треба шапкою вдарыть о праву здуховыну тричи и тричи плюнуть на видли». Такова «молитва» конямъ: «якъ воны ны благословенни, то така йимъ и молитва, а скотови ось якъ: треба пырыхрыстыця та й сказать: «Маты Божа, стань бычкови, (чы тамъ волови, а може тылыци), хай Богъ дае, шобъ помагалось. Ишовъ старый дьякъ съ кривенькою сокыркою церковцю рубать, а въ тый церковци 12 пошивъ, 12 дякивъ и 12 нычытайливъ, вси ни уміють ны пысать, ны чытать, а тильки пырылогы змовлять. Идить соби на очерета та на болота». (с. Плетеный Ташлыкъ. Запис. И. Болѣлый).

«Ишла Прычыста золотымъ мостомъ съ золотою па-терницею, на девяти волахъ, на девяти бузивкахъ, на девяти коровахъ, на девяти вивцяхъ, а вы, перелогы; идить соби чортови у ноги». Этотъ заговоръ произнести три раза и затѣмъ ударить больную скотину шапкой навкрестъ по вздыхвинамъ около кряжа, по головѣ и по кряжу; потомъ три раза протянуть шапку между передними и задними ногами, наконецъ отойти и плюнуть. (Красноглазовка. Запис. А. Янкѣвскій).

«Сыдыть судья на покути, а судейскый пидъ поку-темъ, а чортъ пидъ поломъ. Судьи шапочка, а судейскому чулочки, а чортови перелогы». Послѣ шептанья подуть вокругъ больной скотины и ударить по животу мѣшкомъ съ завязаннымъ въ немъ котомъ. Дал. вар. заговора у Драг., 31, № 26.

«Шовъ Богъ золотымъ мостомъ съ золотымъ хрыстомъ на дсыати волахъ, на дывьяти килкахъ (вар.: на девяти волахъ, на десяти колахъ), а вы, волы, розбижытыся, а вы, килкы, разлитытыся, а вы, пырылогы, дяволови пидъ ноги». (д. Акадатовка. Запис. Алехинъ. Вар. изъ записи Котенка въ с. Верблюжкѣ).

«Летѣвъ перелогъ и переложца, сѣвъ на головѣ, съ го-ловы на спинѣ, со спины на хвостѣ. Тутъ тоби не бувати, тутъ тоби не буяти, изшептую, изгоняю, Божьимъ духомъ пошибаю, отъ жовтой кости и отъ червоной крови». Уда-рить навкрестъ шапкой. (Везнесенскъ. Запис. Никитинъ).

Чтобы на скотину кто-нибудь «не навивъ пристриту» (не сглазилъ), надо, въ ожиданіи перваго теленка, немного срѣзать ей правый рогъ, насыпать туда «усякыхъ свя-тощивъ», т. е. артосу, просфоры, освященнаго маку и пр. и заткнуть отверстіе осиновымъ клечальнымъ (что на Зе-лены Святкы) колышкомъ, обрызгавъ Срѣтенской водой.

Больной скотинѣ заливаютъ смѣсь уксуса, горчицы и дегтя. Отъ укушенія паука или гада прикладываютъ кислое молоко.

Червей у скота заливаютъ роговымъ масломъ.

Чтобы уничтожить *червей* у коровъ, берутъ три кир-пичины и придавливаютъ ими 3 коровяка на три дня, по истеченіи которыхъ снимаютъ.

Испорченныя *шеи* у воловъ мажутъ лампаднымъ масломъ, бросивъ въ него паука.

Третій кусокъ сала никогда не солятъ, и онъ не портится, и черви его не ѣдятъ. Имъ мажутъ воламъ и лошадамъ стертые *шеи*; заливаютъ горячимъ раны вообще.

Если дохнуть *куры* или *свиньи*, кладутъ въ воду желѣзо и даютъ пить.

Если *куры* во время дождя прячутся — дождь скоро перестанетъ, а если ходять по дождю — будетъ продолжителенъ.

Пятухъ поетъ на порогѣ — къ гостю, идя на сидало — къ переменѣ погоды.

Когда *сажаютъ насѣдку* на яйца, то всѣ присутствующіе садятся, чтобы курица сидѣла. Годится класть въ гнѣздо сѣно съ покутъя. Для того чтобы всѣ цыплята вышли, посыпаютъ яйца просомъ, подсыпаютъ курицу изъ шапки хозяина, когда гонять череду домой, или въ праздникъ, когда, послѣ обѣдни, при перезвонѣ колоколовъ, народъ высыплетъ изъ церковной ограды, или когда хмарно; съ этой же цѣлью не надо класть четнаго числа яицъ; въ день подсыпки насѣдки отнюдь не печь ничего въ печкѣ (картофеля, хлѣба и пр.), а то всѣ яйца запекутся.

Ны можна сажу трусить, якъ *гуси сядятъ на яйцахъ*, бо ны выйдуть.

У *ласточки* на шейкѣ есть красное пятнышко, которое признается въ народѣ огнемъ; если разорить ея гнѣздо, она этимъ огнемъ подожжетъ хату.

Когда жида мучили Христа, ласточки кричали: *умерь-умерь!* а воробьи: *живъ-живъ!*

Если *ласточка* или *воробей* влетитъ въ хату — умретъ кто-нибудь.

Если *птичка* бьется въ окно — будетъ неожиданный гость.

Почему *воробей прыгаетъ*, а не ходитъ? Когда жида расняли Христа и хотѣли Его похоронить, воробей сѣлъ на крестѣ и кричалъ: *живъ-живъ!* вслѣдствіе чего они отложили погребеніе. Тогда Богъ въ наказаніе спуталъ воробью ноги, и съ тѣхъ поръ стали воробьи прыгать.

245 345

3
3а
20

ласточка

Средства противъ *воробьевъ*, чтобы не пустошили огорода: надо послѣ захода солнца три раза голымъ обѣжать вокругъ огорода; взять песку у рѣки, па тырли, и посыпать имъ въ четырехъ углахъ огорода; свяченымъ саломъ помазать сѣмена при посадкѣ; садить огородъ послѣ захода солнца; изъ приготовленныхъ къ посадкѣ сѣмянъ не грызть ни одного; не ѣсть на огородѣ хлѣба.

Якъ *журавли* высоко лытятъ, то тепло буде, а якъ низько, то холодно.

Аистъ сносить гнѣздо съ жилья — къ пожару или иному несчастью.

О происхожденіи *аиста* рассказываютъ: «Якъ ходывъ Господь на земли, а одна велька гришныця прышла до Господа, стала каяцця, стала плакать. Господь змылосердывся, простывъ йи, а вси грихи ей зробывъ гадами, жабама, гадюками, та й звелывъ йій зобратъ ихъ въ мишокъ и однести въ ричку. Зострилася зъ нею сосидка: «Скажы, що несешъ»? А та мовчыть, якъ Господь звелывъ йій. Отъ цикава сосидка слидкомъ за гришныцею стала крастыся, а якъ та высыпала гадывъ зъ мишка, сосидка — туды! Думала, добро яке. Господь розгнивався на жинську цикависть, та й зробывъ ей лелекою, вона й доси йисть усякыхъ болотяныхъ гадывъ, та стрыба на довгихъ ногахъ» (с. Шамовка. Запис. Н. С. Тобѣлевичъ отъ кр. Никиты Ляшенка).

Гдѣ водятся *голуби* — ката не горить.

Нельзя *пстъ голубей*, потому что они представляютъ изображеніе Св. Духа.

Чтобы *голуби* не разлетались, кладутъ въ гнѣздо кости голубей, сваренныхъ на Пасху, также — перышки, выдернутыя изъ подъ крыльевъ и называемыя «ангельскы пирья».

Шобъ поймать *голубивъ*, нужно достать де-ныбудь занизъ изъ ярма отъ чорного вола и заткнуть у стриху: тоди голуби будутъ вить гнизда тамъ, де заткнутый занизъ.

Если чужой *голубь* сѣлъ на крышу, берутъ соломинку изъ стрѣхи противъ него и затыкаютъ въ гнѣздо.

Чтобы *переманить голубей* у кого-нибудь, надо пойти къ нему во дворъ на страсти, взять нѣскольо соломинъ

изъ стрѣхи и сказать: «голуби, голуби, переходьте до мене!» Потомъ, прійдя домой, позатыкать эти соломинки въ гнѣзда.

Чтобы *разогнать голубей* у кого-нибудь, надо бросить на то горище, гдѣ голуби живутъ, то, чего испугаешься вечеромъ, принявъ за жабу; съ той же цѣлью втыкають старый квачъ противъ отверстія въ стрѣхѣ, въ которое лазятъ голуби. (О голубяхъ запис. Х. Самойликъ изъ с. Глоссъ).

Чтобъ *костогрызы* не портили вишень, закапываютъ въ саду конскую голову.

Сова. Однажды у птицъ не было царя и условились онѣ: кто выше всѣхъ взлетитъ, тотъ и будетъ царемъ. Соколъ взлетѣлъ выше всѣхъ, а маленькая птичка усѣлась на немъ, и когда онъ взлетѣлъ выше всѣхъ, вспорхнула и полетѣла еще выше; тогда онъ погнался за нею, она спряталась въ дупло; соколъ отправился привести другую птичку, которая выгнала бы ее, а сову поставилъ ее стеречь; въ его отсутствіе сову позвала за чѣмъ-то сорока, а птичка и вылетѣла; сова вернулась и, не подозрѣвая ничего, продолжаетъ стоять на стражѣ; прилетѣлъ соколъ, послалъ птичку, приведенную имъ, та осмотрѣла дупло и сказала, что тамъ нѣтъ ничего. Тогда соколъ повыклевалъ совѣ глаза: оттого сова и не видитъ днемъ.

Убившій *гадюку* палкой долженъ сейчасъ же этой палкой сотворить въ воздухѣ крестъ три раза, оборотившись лицомъ къ западу.

Для того, чтобы сыскать у *гадюки* ноги, надо: 1) убить ее и бросить въ муравейникъ; она покажетъ ноги, когда муравьи будутъ ѣсть ее, или 2) бросить въ огонь — перевернется и покажетъ ноги.

Если убить *ужа*, который сосетъ корову, то и корова пропадетъ. *Вар.:* корова будетъ ревѣть и тосковать, «какъ за дитемъ».

О полозѣ. Въ одну деревню повадывся змій полозъ и никто его ни могъ убить. Ишовъ одынь косарь и сказавъ, шо винъ може его убить. Пишовъ на поле и якъ разъ заставъ полоза, якъ винъ лигъ спать на 25 днівъ. Винъ взявъ и одрубавъ ему голову. Той молозъ ставъ

его ловить хвостомъ, но не могъ уловить, а той косарь взявъ и порубавъ его чисто.

Жабъ нельзя убивать: умереть мать или отецъ.

Мертвыя жабы складываютъ лапки такъ, какъ руки у покойника.

Якъ *жабы* кричатъ у ставу, то буде дощъ.

Гдѣ много *жабъ*, та мѣстность здоровая.

Происхожденіе *черепахи*. Разъ одна жинка прала коло рички, та й бачы, що Исусъ Хрыстось иде до неи, а вона взяла та й сховалась одъ Него, лягла на дощечку, а ночовками прыкрылась. Исусъ Хрыстось побачывъ йи та й каже: за те, що ты сховалась одъ Мене, ти ночовкы и дощечка прыстануть до тебе и будышь ты чырыпахою. И зробылась та жинка чырыпахою. (Новоархангельскъ. Запис. Ковтонуокъ).

Черепаха принесеть цвѣтокъ папоротника, если замазать ея гнѣздо съ дѣтьми. Ср. Чуб. I, 66 *).

Отчего у рака глаза назади? 1) Когда всѣ водяныя животныя были пущены въ воду, рыбы пошли впередъ, а ракъ попятился назадъ: Богъ сжаился надъ нимъ и далъ ему очи сзади (Новоархангельскъ, запис. Шевко). 2) Отъ якъ сотворывъ Богъ всихъ тваривъ и пороздававъ всякы имъ суставы, а на послыдокъ роздававъ очи. Весь звирь зибрався тутъ, ны було тильки рака. Богъ всимъ роздавъ очи, а ракови осталысь самы менчи. Прыйшовъ тоди и ракъ, а Богъ ему и дае таки маленькы. Винъ подывывся на ихъ, та й каже: дай мыни такы якъ у вола, а ци въ с...у вткны. Взавъ Богъ та й заткнувъ ему маленькы въ с...у, а волячыхъ ны давъ. (Новоархангельскъ. Запис. Колодченко-Суббота). Кор. вар. у Драгом., Малор. нар. пред. и рассказы, 13, № 36.

Ернз, попавшійся въ первомъ уловѣ, — къ неудачному промыслу.

*) Ср. добываніе разрывъ-травы посредствомъ покрыванія гнѣзда вѣщей птицы стекломъ, добываніе живой воды посредствомъ убійства вороненка (въ сказкахъ), зѣбенына (въ былинахъ) и пр. *Прим. Ред.*

Если убить *наука* «навидли» рукою, то можно вылѣчить скотину отъ вздутія живота, ударивъ три раза такимъ же образомъ по паху.

Если въ хатѣ спускается съ потолка *научекъ* — будетъ неожиданный гость.

Якъ зимою литае *муха* по хати, то мыртвецъ буде въ тый хати *) (*вар.*: тепло буде).

Нужа (вши) заводится отъ душевной тоски.

Сонечко (Божья коровка). Когда на небѣ не видно солнца, дѣти берутъ сонечко на руку и говорятъ: «сонечко, сонечко, одчыны виконычко!» Дѣтское гаданіе: куда снимется и полетитъ (сонечко), туда замужъ пойду, или оттуда жену возьму.

Сорныя травы чортъ посѣялъ.

Для того, чтобы уродиль въ будущемъ году *хлѣбъ*, нужно взять горсть хлѣба новаго урожая и посѣять крестообразно послѣ уборки хлѣба, когда никто еще не начиналъ сѣять озимого.

Чтобы узнать, когда совершать *посѣвъ* какого-нибудь хлѣба, нужно, когда этотъ хлѣбъ поспѣетъ, срѣзать три колоска и зарыть ихъ въ трехъ выкопанныхъ рядомъ (*вар.*: подлѣ воротъ) ямкахъ; если взойдетъ раньше въ первой ямкѣ, то ранній посѣвъ будетъ лучше, если въ средней — средній, если въ послѣдней — то поздній. Гаданье это примѣняется только къ озимымъ хлѣбамъ. (д. Красноглазовка. Запис. А. Янковскій).

При началѣ *оранки* хозяинъ, запретивши лошадей или воловъ въ плугъ и выведя ихъ на середину двора, беретъ хлѣбъ-соль и, окуривая ладаномъ, трижды обходитъ кругомъ, читая «Отче нашъ».

Для того, чтобы *урожай пшеницы* былъ хорошъ, передъ началомъ посѣва надѣваютъ ту рубашку, которую сбросили или надѣли передъ причастіемъ.

Когда *стыютъ хлѣбъ*, кладутъ на нивѣ хлѣбъ-соль и первую горсть зеренъ разбрасываютъ крестообразно трижды,

*) Ср. представленіе души въ видѣ мыши и др. мелкихъ животныхъ.
Прим. Ред.

приговаривая: «роды, Боже, на всякого долю жито, пше-
ныцю, всяку пашныцю».

При началѣ *жатвы* первыя двѣ сръзанныя горсти
кладуть навкрестъ, потомъ вырываютъ немного стырни
и затыкають за поясъ, чтобы спина не болѣла.

Когда сѣютъ *горохъ* и *баштанъ*, говорятъ: «роды,
Боже, на всякого долю» (ср. выше), поэтому считается
позволительнымъ для всякаго сорвать гороху или чего
нибудь на баштанѣ.

По *огороду* и *баштану* нельзя ходить въ сапогахъ:
будетъ сохнуть гудына и тонкая кожа будетъ на овощахъ.

При *посадкѣ капусты* ставятъ на грядкахъ горшокъ
съ камнемъ, чтобы головы капусты выросли большія, какъ
горшокъ, и твердыя, какъ камень.

Когда *капуста* примется расти, женщина садится
на головы капусты, чтобы онѣ выросли такія большія,
какъ задъ женщины.

Посадивъ *капусту*, на другую ночь передъ восходомъ
солнца надо ее полить три раза; тогда капуста будетъ
имѣть большія головы.

Нельзя ѣсть на *капустникѣ*, а то капусту съѣдятъ
черви.

Когда выѣзжаютъ сѣять *коноплю*, ѣдятъ варенныя
яйца, для того, чтобы сѣмена были крупныя.

Если на *деревьяхъ* много инею — будетъ много плодовъ.

Если *дерево* не родить, то «его треба лякать»; пойти
съ топоромъ на новый годъ и сказать дереву три раза:
«якъ не будешь родыть, я буду рубыть» и три раза ле-
гонько ударить топоромъ, а ктонибудь другой замѣчаетъ:
«не рубай, воно на будущый годъ буде родыть».

Б. Народный календарь.

Багата кутья (24 декабря). Ранѣе этого дня варятъ
кутью и взварь. Подъ вечеръ кто-нибудь изъ мужчинъ
идеть на дворъ за сѣномъ и, принеся въ хату, кладетъ
на покутьи, въ память того, что Иисусъ Христосъ родился
на сѣнѣ. Въ это время всѣ сидятъ; положивъ сѣно, онъ
перваго попавшаго беретъ за чубъ, приговаривая: «чубата

курочка, чубата» (щобъ чубаты куры булы). Старшая баба переносить на покутье горшки, а устанавливает посуду отец семейства *): на первом мѣстѣ, въ самомъ углу ставить узваръ и накрывает ржанымъ хлѣбомъ, возлѣ узвара — кутью, накрываемую пшеничнымъ хлѣбомъ, дальше — постный борщъ, постные пироги или вареники, обложенные сверху рыбой; потомъ въ чашкѣ — крупную рыбу; все это накрываютъ скатертью. Передъ тѣмъ какъ садиться за столъ, молитва (Отче нашъ) иногда читается вслухъ. Возлѣ куты садится старшій въ семьѣ мужчина, рядомъ съ нимъ слѣдующій по старшинству изъ мужчинъ, а по другую сторону — старшая изъ женщинъ (порядокъ этотъ, впрочемъ, соблюдается не всегда). Отецъ (или дѣдъ) беретъ со стола миску и наливаетъ борщу (или капусты, т. е. капустняка). Передъ борщомъ батько пьетъ водку, потомъ даетъ выпить матери и всѣмъ присутствующимъ. Ъсть начинается отецъ, потомъ, соблюдая приличіе, — мать, старшій братъ и прочіе. За борщомъ слѣдуетъ рыба, причемъ передъ рыбой пьютъ снова, и батько приговариваетъ: «не гнивица на Днипро, щобъ не гнився Днипро на васъ». Потомъ слѣдуетъ взваръ, затѣмъ — кутья съ щербой узвара, наконецъ — кутья съ медомъ **). По окончаніи вечера, всѣ встаютъ, и отецъ читаетъ слѣдующую молитву: «благодарю Богу и Матери Божьей, всимъ святымъ, тобі, тату, тобі, мамо, вамъ, дидуси, вамъ, бабуси, вамъ, титкы, вамъ, дядькы, вамъ, братычкы, вамъ, сестрычкы, всему посполу и Богу святому!» (Молитва извѣстна не повсемѣстно). Потомъ онъ обращается къ присутствующимъ: «сидайте, диты, щобъ сидалы рои, щастье и все добре въ нашій стороні», и всѣ снова садятся за столъ. Во все время вечера не даютъ воды пить, чтобы лѣтомъ не мучились отъ жажды. Если во время вечера кто-нибудь чихнетъ, отецъ даетъ тому что-нибудь (овцу, телицу). Дижу, въ которой разчиняли тѣсто на Багату кутью,

*) Въ нѣкоторыхъ селахъ отецъ семейства несетъ на покутье самъ кутью и взваръ, при этомъ говоритъ: «куття на покута, узваръ на базаръ», а вся семья, сидя, квоччетъ, чтобы квочекъ было много.

***) Въ нѣкоторыхъ селахъ — сначала кутья съ медомъ, потомъ взваръ.

персвязываютъ околотомъ и держать до новаго года; на новыи годъ до восхода солнца обвязываютъ соломинкой изъ этого околота каждое деревцо въ саду, чтобы росли хорошо. Неприсутствовавшимъ лично на вечеръ роднымъ посылаются вечера съ дѣтьми. Внеся ее въ хату, посланецъ произноситъ: «приславъ батько и маты вечерю, а я принисъ, шобъ великый рись»; вечерю принимаютъ и замѣняютъ своею, а посланцу даютъ деньги и гостинцы.

Въ тотъ день, въ который было *Рождество*, нельзя ничего ни сѣять, ни садить.

На *Меланку* (31 декабря) готовятъ блины, оладьи, пампушки, вареники, колбасы съ кашей для тѣхъ, что щедруютъ. На Меланку разгаръ увеселеній: переряживаніе, вожденіе козы, танцы, «Тронъ» («Царь Максимилианъ»). Вечеромъ *подъ новыи годъ* ходятъ по хатамъ парубокъ, одѣтый дивчиной (Меланка), вмѣстѣ съ дивчиной, переряженной парубкомъ (Васылъ)*); войдя въ хату, они становятся рядомъ; дивчата, сопровождающія ихъ, поютъ извѣстную щедривку: «Пасла Маланка два качура» (Чуб. III, 467). При словахъ: «Ой Васылю-Васылечку, визьмы свою Меланочку» — Васылъ беретъ Меланку за руку, и они три раза перекручиваются; потомъ, когда поютъ: «Засунь руку въ кишню, выймай грошій повну жменю,» — Василь звенить въ карманѣ деньгами.

Вечеромъ *подъ новыи годъ* берутъ сито, накрываютъ платкомъ; въ углахъ платка кладутъ: серебряную монету, кусокъ хлѣба, кусочекъ соли и печину (обгорѣлая глина, отколупанная въ челюсти печки) и уголками платка закрываютъ; потомъ сито ворочаютъ такъ, чтобы гадающій не могъ догадаться, въ какомъ углу что лежитъ; если онъ откроетъ деньги — къ богатству, хлѣбъ — урожай, соль — дурное, печина — несчастье.

Подъ новыи годъ горятъ деньги; надо замѣтить мѣсто, а утромъ копать.

Утромъ, до разсвѣта молотятъ жито, стоявшее съ богатой кутьи на покутьи, и имъ посѣваютъ, а соломой

*) 1-го января празднуется память двухъ свв. Василіевъ: Василі Великаго и Василія мученика Анкирс. *Прим. Ред.*

обвязываютъ фруктовые деревья, чтобъ былъ урожай.

Хозяйка до свѣта беретъ кочергу и пугаетъ куръ на горищѣ, чтобы неслись.

Дивчата пекутъ коржъ, на который употребляютъ три — девять наперстковъ соли и воды, кладутъ этотъ коржъ себѣ подъ подушку и говорятъ: «Съ кимъ я буду вѣкъ викувать, дай мини, Господи, во снѣ увидать!»

На тарелкѣ дѣлаютъ изъ палочекъ колодезь съ замкомъ, а ключъ вѣшаютъ на поясъ и ложатся съ нимъ спать; суженый придетъ ключъ брать.

На канунѣ новаго года берутъ нѣсколько цыбуль, въ каждой дѣлаютъ ямку и въ ямку насыпаютъ соли, загадывая одну цыбулю на пшеницу, другую на жито и т. д.; а утромъ смотрятъ: въ которой цыбульѣ ямка окажется наполненною водою — это и будетъ служить указаніемъ на урожай. *Вар.:* кладутъ 12 цыбуль и распределяютъ по мѣсяцамъ; гадаютъ, который изъ нихъ будетъ дождливый. *Вар. Чуб. III, 1. Манжура, 156.*

Ночью подъ новый годъ вытягиваютъ передъ порогомъ изъ стрѣхи 2 или 3 соломинки и, если попадется зерно, будешь счастливъ.

Подъ новый годъ дѣвушка мочитъ волосы, чешетъ гребнемъ и, ложась спать, кладетъ гребень подъ голову: суженый явится во снѣ просить гребня, чтобы ей косу расчесать.

Подъ новый годъ кладутъ въ головы всю свою одежду, устилки и сапоги; устилки — такъ, чтобы пальцевая оконечность лежала на голенищахъ и обращена была къ туловищу, а не къ головѣ.

Ночью подъ новый годъ отметають отъ порога и отъ погреба снѣгъ и мусоръ, чтобы не было мышей, жабъ, таракановъ.

На *новый годъ* надо продать чернаго кота на перекресткѣ за серебряный рубль и тогда этотъ рубль останется у тебя всегда, что бы ты на него ни покупалъ.

Новый годъ — день несчастливый. Въ этотъ день нельзя перебираться; если кто родится на новый годъ — будетъ несчастенъ.

Если спорять на *новый годъ* — будутъ во враждѣ до будущаго года.

Голодная кутья (5 января). Якъ сѣдають вечерять, замѣчаютъ: у кого нѣма тини, то той цѣго году умре.

На голодну кутью дѣвушки берутъ сухой верхъ кутьи, становятся съ нимъ на дворѣ, у того угла хаты, гдѣ стоитъ кутья, и слушаютъ: откуда лають собаки, туда замужъ пойдетъ.

Когда люди идутъ изъ церкви, хозяйки кормятъ куръ верхушкою кутьи, чтобы неслись.

Досвѣткомъ наканунѣ Крещенія приносятъ воды и наливаютъ ее во всѣ стравы въ погребѣ (капусту, бураки, шаткованную капусту и пр.), чтобы не портились.

На *Крещенье* (6 января) умываются свяченой водой, чтобы лѣтомъ лицо не трескалось и чтобы не бояться холода.

Если на Крещенье солнечная погода — будетъ урожай.

Крещенская и Срѣтенская вода употребляется отъ пристрита, лихорадки, головной боли.

На Крещенье *купаются* въ ополонкѣ (окунаются 3 раза) для излѣченія отъ болѣзней; то же дѣлають тѣ парубки, которые представляли козу *).

Масляница. На масляной не шьютъ и не прядутъ, чтобы не заводились черви въ коровьемъ сырѣ.

Въ среду на масляной нельзя лѣчить и заговаривать пропасныци (лихорадки).

Въ послѣдній день масляной — воскресенье — молодежь обоого пола устраиваетъ *пущенья*. Подобныя сборища устраиваются и передъ другими постами, но это названіе присвоено собранію молодежи только передъ началомъ Великаго поста. Собранія эти устраиваются обыкновенно въ большой хатѣ, у кого-нибудь одинокаго — у вдовы, у стариковъ, у молодоженовъ. Парубки въ складчину покупають водку, а дивчата приносятъ изъ дому съѣстные припасы; при этомъ взрослые смотрятъ снисходительно, если молодежь и украдетъ съѣстное; достаются иногда только насмѣшки и то нелюбимымъ парубкамъ, наприм.,

*) Причина — сходство козла съ чортомъ. *Прим. Ред.*

желая напомнить о кражѣ пѣтуха, кричатъ: кукареку! Изъ добытыхъ припасовъ дивчата варятъ вечерю (говядину, вареники, блины, оладьи). Повечерявъ, молодежь играетъ въ карты, поетъ и забавляется цѣлую ночь.

Явдоха (1 марта). Въ этотъ день бабы не прядутъ, «щобъ ны обрывало пальци».

Если въ этотъ день проходить весь день босымъ, то ноги не будутъ осенью мерзнуть, и будяки не будутъ колоть ноги *).

Въ день св. Евдокіи срѣзываютъ и прививаютъ прищепы.

Если въ этотъ день небо посерединѣ хмарное, а по краямъ красное, — то годъ будетъ хорошій.

Сорокъ мучениковъ (9 марта). Въ этотъ день прилетаютъ изъ теплыхъ странъ сорокъ разныхъ птицъ.

Пекутъ 40 калачей, вѣшаютъ ихъ въ хатѣ на колышкахъ и даютъ ѣсть утромъ и вечеромъ тельнымъ коровамъ. Пекутъ 40 пироговъ, или варятъ 40 варениковъ для того, чтобы на баштанѣ на одной огудинѣ вязалось по 40 арбузовъ или кавуновъ. Приготавливаютъ писанки съ узоромъ *сорококлинци*.

На *Средохрестье* пекутъ кресты и закапываютъ на углу пашни, чтобы хомякъ не портилъ.

Подъ *Благовѣщенье* (25 марта) на ночь не берутъ теленка отъ коровы: въ эту ночь особенно вредятъ коровамъ вѣдьмы, но Божія Матерь защищаетъ тѣхъ коровъ, при которыхъ теленокъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ такъ точно поступаютъ и подъ Свѣтлый праздникъ, и подъ Рождество.

Въ *страстную среду* вечеромъ стагятъ кувшинъ съ водой въ такое мѣсто, гдѣ-бъ ее никто не тронулъ и не возмутилъ; этой непочатой водой утромъ (*вар.*: вечеромъ) въ чистый четвергъ умываются дѣвушки, чтобъ лицо было свѣжее и румяное.

На *страсти* дѣлаютъ свѣчой крестъ на дверяхъ, чтобы молнія не ударила въ домъ.

*) Муч. Евдокія раздала все свое неправедно нажитое богатство; остальные же примѣты объясняются, повидимому, тѣмъ, что 1-го марта въ старину было началомъ гражданского года. *Прим. Ред.*

Страстные семчи употребляются какъ средство противъ порчи скота; бабка кладетъ въ «кадильницу» ватку, ладанъ, воскъ отъ свѣчи, свяченое пшено изъ подъ пасхи, яйцо и ремезово гнѣздо, зажигаетъ и шепчетъ; то же дѣлаютъ и отъ людскихъ болѣзней.

Въ **страстную субботу** ходятъ по сосѣдямъ и выпрашиваютъ займы что-нибудь: кто въ этотъ день дастъ что-нибудь, всегда будетъ нуждаться въ этомъ предметѣ.

Приготовленія къ Пасхѣ. Съ чистаго четверга начинаютъ красить крашанки и малювать писанки. Писанки дѣлаютъ чаще всего молодицы и дивчата, — кто умѣетъ, а иногда одна женщина въ селѣ, на заказъ и на продажу. Яйца опускаютъ въ растворъ галуна (квасцовъ) или въ гущу сыровца на нѣсколько часовъ, а иногда на сутки; краску также варятъ вмѣстѣ съ галуномъ. Изъ олова или жести дѣлаютъ небольшую трубочку, при помощи которой покрываютъ растопленнымъ воскомъ тѣ мѣста яйца, которыя должны остаться бѣлыми; иногда въ эту трубочку вставляется палочка, конецъ послѣдней раздваивается и въ расщелину вставляется другая палочка въ поперечномъ положеніи, образуя съ нею крестъ и служащая ручкой для «кисти». Краски (манійку, бразолію и сандалъ) чаще всего покупаютъ на базарѣ, но дѣлаютъ также и сами. Такъ, желтая краска готовится изъ шелухи цыбули, изъ гречаной половы, изъ кислыхъ яблокъ, изъ горицвита, изъ побѣговъ молодой тополи, зеленая изъ черной рожки, изъ ряста, оранжевая изъ молочая, красная изъ оленьяго рога, свѣтло-желтая изъ ромашки, темно-синяя изъ цвѣтовъ сона. Покрывъ воскомъ тѣ части поверхности яйца, которыя должны остаться бѣлыми, опускаютъ его въ желтую, а если въ узорѣ долженъ быть зеленый цвѣтъ, то въ зеленую краску; потомъ наводятъ воскомъ тѣ мѣста, которыя должны остаться желтыми (или зелеными) и опускаютъ въ красную краску; наконецъ, послѣ новаго наведенія воскомъ, яйцо опускается въ черную краску; въ заключеніе писанку пекутъ, при чемъ воскъ сходитъ съ нея самъ собой. Узоры для писанокъ очень разнообразны.

Нѣкоторые изъ нихъ широко распространены и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, таковы: рожа, зирочка, ломаный крестъ, кльнцы и сорококльнцы, другіе заимствуются изъ рушниковъ и килимовъ, а можетъ быть, съ обоевъ и т. п. Въ пасхальномъ обрядѣ писанки не столь обязательны, какъ крашанки, и роль ихъ не вполне опредѣлена; наравнѣ съ крашанками, ими христосуются; въ нѣкоторыхъ селахъ онѣ предназначаются молодежи, въ другихъ дарятъ ихъ тѣмъ, кому желаютъ выказать предпочтеніе. Освященную писанку, обыкновенно опорожнивъ, подвѣшиваютъ къ лампадкѣ; если въ писанкѣ заведутся черви, это служитъ признакомъ счастливаго замужства и богатства. Если освященная писанка черезъ годъ будетъ освящена вторично, она, по убѣжденію народа, снова станетъ свѣжею. Скорлупа крашанокъ и писанокъ считается цѣлебной во многихъ случаяхъ. Ею подкуриваютъ борову, когда у нея распухнетъ вымя. Толченую скорлупу пьютъ съ водою отъ зубной боли, отъ лихорадки; скорлупой подкуриваютъ, когда опухнетъ щека и отъ бѣшихи, толченую скорлупу прикладываютъ къ нарывамъ.

Приводимъ особо свѣдѣнія о писанкахъ, доставленныя намъ изъ болгарскаго села Ольшанки протоіереемъ Вл. Ст. Лобачевскимъ. Названія узоровъ: чўпенъ крестъ (ломаный крестъ), вгребѣнче (гребень), кгирликга (чабанская палка), четўрейсе — кльнцы (сорококльнцы), зѣри (звѣзды), пѣлна рўжа (полная рожа), камшица рўжа, пѣязе (паукъ), жѣлта, зѣлена, крѣстовца (крестовикъ), ластовишка упѣшка (ласточка съ хвостомъ), баклаже (баклажокъ), прѣзя рокъ (бараній рогъ), бабины зѣби-тя (бабьи зубы), капанки (съ крапинками), вѣлчи зѣби-тя (волчьи зубы). Всѣ болгары с. Ольшанки утверждаютъ, что названные узоры употребляются у нихъ съ незапамятныхъ временъ *). Писанки у болгаръ дѣлаетъ преимуществу *булка* (старшая въ домѣ невестка), или же старшая дѣвица. Студеница (засватанная дѣвушка) обязательно должна приго-

*) Между тѣмъ многіе изъ названныхъ узоровъ употребительны также у малороссовъ.

товить къ пасхѣ по писанкѣ всей роднѣ жениха, каждому — особаго узора, соотвѣтственно положенію и личнымъ особенностямъ одаряемаго лица. А такъ какъ вѣнчанье происходитъ чрезъ годъ, и два, и болѣе (до пяти) лѣтъ послѣ сговора, то ей по необходимости приходится много практиковаться въ этомъ дѣлѣ. Искусныя изъ нихъ и по выходѣ замужъ берутся заготовлять писанки для другихъ (по копѣйкѣ за штуку). Писанки дѣлаются въ праздничные дни великаго поста, начиная со дня сорока мучениковъ (9 марта), когда дѣлаются писанки съ узоромъ четырейсе — клицы. Молитвъ и обрядовъ при дѣланіи писанокъ не употребляютъ никакихъ. Писанки раздѣлываютъ и покунными красками — такъ наз. манійкою разныхъ цвѣтовъ, и листьями кислой яблони, дрокомъ, шелухой изъ лука, гречаной половой и другими сподручными матеріалами, при помощи воска и квасцовъ. У состоятельныхъ болгаръ считается обязательнымъ подносить при христосованіи писанку, а не крашанку: отцу, матери, жениху, невѣстѣ, старшимъ родственникамъ, священнику и другимъ почетнымъ лицамъ; писанки кладутся на пасхальный столъ вмѣстѣ съ крашанками, но употребляются исключительно для христосованія, а не для забавы и не для игры. Сохраняютъ писанки очень долго, иногда по году и больше, привѣшивая къ иконамъ на узорчато вырѣзанныхъ бумажкахъ, или же на лентахъ подъ лампадками; въ такомъ случаѣ дѣлаютъ въ писанкѣ незамѣтное отверстіе и выпускаютъ всю жидкость. Скорлупу отъ крашанокъ и писанокъ выносятъ на рѣку, или, вмѣстѣ со всѣми остатками отъ освященной пасхальной снѣди, употребляютъ для прогнанія саранчи, пруса и пр., закапывая все это на нивахъ; иные просто сжигаютъ въ печи.

Съ *чистаго четверга* по всѣмъ селамъ начинаются вообще оживленныя приготовленія къ празднику: пекутъ пасхи, рѣжутъ поросятъ, гусей, утокъ, индюковъ. Въ этотъ день, до восхода солнца моются всѣ. Въ *пятницу* ничего нельзя рѣзать, потому что въ этотъ день Іисусъ Христосъ испустилъ духъ. Въ *субботу*, приготовляя пасхальный столъ, кладутъ подъ него топоръ или ножъ; столъ накрываютъ скатертью, ставятъ и кладутъ на немъ: паску,

поросенка, сало, сыр, масло, яйца, ржаной хлѣбъ, соль, макъ, ножъ, водку, вино — если есть, — по краямъ стола кладутъ рушники. Вечеромъ кладутъ въ миску съ водой 2 яйца — одно вареное красное, другое — бѣлое и сырое (или оба красныя); отправляясь въ церковь къ заутренѣ, умываются этой водой, чтобы цвѣтъ лица былъ хорошій и чтобы были здоровы глаза. Въ печкѣ оставляютъ: кашу съ молокомъ, борщъ, иногда — плацинды, пироги съ мясомъ или печенкой, съ сыромъ. Отправляясь въ церковь, берутъ корзинку, или миску, или джигу, или ночвы (джига и ночвы должны три дня до того мокнуть въ водѣ), кладутъ туда со стола поросенка, пасху, сало, яйца, сыр, соль, масло, макъ, хлѣбъ ржаной, ладанъ, ножъ и идутъ, или ѣдутъ къ заутренѣ, причемъ дома остается кто-нибудь изъ стариковъ. Иногда изъ того же тѣста, что и пасха, дѣлаютъ просфоры, иногда ихъ покупаютъ. Изъ церкви возвращаются наперегонки: кто скорѣй всѣхъ вернется домой, у того на тотъ годъ лучше пасха будетъ. Войдя въ хату, всѣ перекрестятся, похристосуются, потомъ выложатъ свяченое на столъ и разговляются, не садясь. Сначала хозяинъ разрѣзываетъ пасху, и всѣ берутъ по ломтю; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раньше пасхи съѣдаютъ по кусочку свяченаго чернаго хлѣба; потомъ хозяинъ рѣжетъ и другія снѣди: поросенка и пр. и разговляются пасхой, съ чѣмъ кто хочетъ. Разговѣвшись свяченымъ, садятся, хозяинъ выпиваетъ водки и даетъ водки всѣмъ присутствующимъ и наконецъ принимаются за вареное. Свяченымъ макомъ обсыпаютъ дворъ, приговаривая: «кто цей макъ вызбыра, то той корову выдонить»; это дѣлается съ цѣлью предохранить корову отъ вѣдьмъ. Если въ ночь на Пасху ясно всходитъ свитова зирныца — будетъ урожай на пшеницу. На пашнѣ зарываютъ кости пасхальнаго поросенка въ отвращеніе градобитія и вредныхъ насѣкомыхъ.

На пасхальной недѣлѣ молодежь играетъ крашанками; извѣстны игры въ *блудка* и въ *трапка*. Первая изъ нихъ состоитъ въ слѣдующемъ. Одинъ изъ играющихъ кладетъ свое яйцо на землю и отмѣриваетъ отъ него 5 шаговъ; другой становится на этомъ мѣстѣ съ завязанными гла-

зами, три раза вертится вокругъ себя, потомъ дѣлаеть 5 шаговъ и развязываетъ глаза; если можетъ достать яйцо руками, оно — его. Игра въ *трапка* отличается отъ предыдущей тѣмъ, что играющаго отводятъ отъ яйца подальше, послѣ чего онъ, закрывъ лицо шапкой, старается подойти къ нему.

Въ *святу п'ятинку* ны можна хлиба пикты, чысатысь, сорочки зольть, бо свята П'ятинка являлась людямъ съ распущеною косою и плакала, щобъ ны пралы и ны робылы въ той день. Ср. Марков., 19 *).

22 апрѣля, наканунѣ Юрьева дня ночью нужно рвать зилья для коровъ: будутъ хороши на сборъ.

На Юрья (23 апрѣля) днемъ нельзя спать, а то будетъ цѣлый годъ «ягничій сонъ».

На Юрья собирають росу до восхода солнца и поятъ ею вылупившихся цыплятъ.

На Юрья «замовляють вовкивъ». Вечеромъ, когда всѣ лягутъ на деревнѣ спать, выходитъ заклинитель (или заклинительница) въ сѣни, становится правой ногой на надворный порогъ, читаетъ три раза «Отче нашъ» и потомъ произноситъ слѣдующее заклинаніе: «святый Юрію, ны напускай своихъ собакъ на мою скотыну, ныхай идутъ у лись, глытають гнылу колоду». (д. Красноглазовка. Запис. А. Янковскій).

Съ третьей недѣли великаго поста молодежь обоого пола начинаетъ *водить танки*, которые въ нѣкоторыхъ селахъ носятъ также названіе *джокъ*. Изъ танковъ укажемъ слѣдующіе:

Зайчикъ. Одинъ (зайчикъ) выбѣгаетъ изъ городка, а остальные его ловятъ, пока не вбѣжитъ въ городокъ; если поймають до городка, то ловятъ того, кто поймалъ.

При этомъ поютъ:

Эй же ты, эй же ты, зайчыку! Дала мнѣ маты рѣшето,
Эй же, эй же ты, баранчыку! Щобъ мое зилья зелене було.

(д. Красноглазовка. Запис. А. Янковскій).

*) Примѣта связана съ очень распространеннымъ суазаніемъ о 12 святыхъ п'ятницахъ. Прим. Ред.

Вар. I: Дѣвушки становятся въ кругъ и поютъ; одна ходитъ посреди круга.

А) Пишовъ зайчыкъ рано по
 воду
 То въ ты ворота, то въ ты во-
 рота.
 Та ударывся челомъ съ воду,
 У насъ ворота позанерованы,
 Челомъ, челомъ, въ дѣвицы,
 Жовтымъ нескомъ позасыпованы,
 Прекрасныя молодыцы,
 Червоною колыною позатыкова-
 ны.
 На триполи (?) зайчыкъ,
 Куда схочь, перескочь, хоть
 На бѣлій берези,
 на гылочку,
 Охъ, мой зайчыкъ по пожару
 Яву хочь, выбырай себе дивочку,
 ходывъ,
 Батюшки парку шукаю.
 Свой ножки томывъ.

(Онофрѣвка ал. у.).

Дал. вар. Чуб, III, 59—63. Максим. II, 476.

В) Ой выскыкъ зайко выще
 города.
 Куда курка йшла, та й пыть
 несла,
 Бланыся, зайко, дивкамъ ни-
 зенько.
 А я, молодышна, ше й пере-
 пельшна

Ой ты, зайко, ты зайко,
 Та изъ ряду выйшла.
 Поясынька биленька, ще й березовая.

(Онофрѣвка, ал. у.).

Вар. II. Дѣвушки, взявшись за руки, становятся въ кругъ; подъ ихъ руками («подъ воротами») ходятъ двѣ дѣвушки и ловятъ одна другую. При этомъ поютъ:

Ходить зайко по городу по ско-
 вороду.
 Та сидятъ сестры сестрышны:
 Одна въ винку, друга въ танку,
 А ты, заюшка, а ты, батюшка,
 Третья Марушка, сама меда-
 нушка.
 По жертву ходыла, били ножки
 томыла.
 А у насъ ворота позамыкованы,
 Жовтымъ нескомъ позасыплю-
 ваны,
 Кого люблю, та й за себе возьму,
 Кого ненавижу — прочь выходи.

(Алексеѣвка).

Кострубонько. Нѣсколько мальчиковъ или дѣвочекъ берутся за руки и становятся въ кругъ, а двое остаются внутри круга: одинъ «Кострубонько», а другой — «Кострубонька». Первый беретъ палочку и ковыряетъ землю, а находящіеся въ кругу поютъ:

Ой оре, оре Кострубонько,
Оре, оре голубонько (Сивый-мылый голубонько),
Я жъ тебе (=ёго) ны любила,
Цурнаныкынь ны носыла,
Цурнаныкы продавала,
Тоби (=собя) тютюнь куповала.
Ой, горе!

Потомъ «Кострубонько» пальцами гребеть землю, при
этомъ поютъ:

Ой волочыть (волоче), волочыть (=че) Кострубонько,
Волочыть, волочыть голубонько,
Я жъ тебе не любила и пр.

Потомъ «Кострубонько» сѣеть:

Сіе, сіе Кострубонько и пр.

Потомъ косить:

Косыть, косыть Кострубонько и пр.

Потомъ вяжетъ:

Ой вьяже, вьяже Кострубонько и пр.

Потомъ возить:

Ой возыть, возыть Кострубонько и пр.

Потомъ молотить:

Молотыть, молотыть Кострубонько и пр.

Потомъ вѣеть:

Ой віе, віе Кострубонько и пр.

Потомъ мелеть:

Ой меле, меле Кострубонько и пр.

«Кострубонько» умеръ:

Умеръ, умеръ Кострубонько (А вже умирае, умирае
Кострубонько) и пр.

«Кострубонька» плачетъ по немъ, а онъ лежитъ:

А вже плаче Кострубонька,
Плаче, плаче голубонька и пр.

Потомъ всѣ играющіе берутъ «Кострубонька» за руки и за ноги и несутъ его хоронить — куда-нибудь въ ровъ съ пѣніемъ:

А вже сіе Кострубонька и пр.

(с. Калниболотъ. Запис. П. Мамалатъ. Варіанты изъ д. Патриной по записи П. Гредкаго).

Варіантъ. Дѣвочки берутся за руки и образуютъ кругъ, въ срединѣ его остаются «Кострубонько» (мальчикъ) и «баба» (дѣвочка). Дѣвочки ходятъ вокругъ и припѣваютъ:

Не вмеръ не вмеръ Кострубонько, Тютюномъ наповала,
Мій сывенькій голубонько, Свои куры продавала.
А я ёго и по мѣсти водыла, Мои куры не дорожи —
И тютюнь куповала, По три гроши.

Потомъ обращаются къ «бабѣ»: «помогай Богъ тобі! Шо робыте»? — Рыбку ловимъ. — Потомъ продолжаютъ ходить вокругъ съ прежнимъ припѣвомъ и спрашиваютъ вновь: «шо робыте»? — Рыбку чистимъ. — Снова ходятъ и поютъ и снова спрашиваютъ: «шо робыте»? — Рыбку варимъ. — Пропѣвъ еще разъ то же самое съ обычнымъ круговымъ движеніемъ, спрашиваютъ: «шо робыте»? — Иивъ рыбку та вдавывсь. — Хоръ поетъ:

Померъ померъ Кострубонько и т. д.

Затѣмъ поетъ «баба»:

Сосидоньки-голубоньки,
Зійдытися до купоньки,

Поховайниъ Кострубонька,
Сывенького голубонька.

Потомъ берутъ «Кострубонька» за руки и ноги, несутъ куда-нибудь, бросаютъ, а сами убѣгаютъ; онъ вскакиваетъ и пускается въ догонку; кого поймаютъ, тотъ становится «Кострубонькой».

(с. Петроостровъ. Запис. Римскій).

Варіантъ пѣсни:

Он умеръ, умеръ Кострубонько,

Мій сывній голубонько.

Шо жъ я ёму ны вгодила?

Продала пивня и курку,

Та купила ему цыбульку и люльку.

Ср. Чуб. III, 77 № 16, Максим. II, 521—23. Голов. II, 185, III, 167.

(с. Панчевъ. Запис. Ив. Брыза).

Вз ката и мышку. Общеизвестная игра (Покров., 194, Ивановъ № 61), сопровождается слѣдующею пѣснью:

Мышка въ дырку,	<i>Вар.:</i> До норы, мышка, до норы,
Въ золоту комирку.	До золотой коморы,
Та до норы, мышка, до норы,	Ой, чортъ не котокъ,
Та до золотой коморы,	Мышки не пійме.
А чортъ не котокъ,	Мышка въ дырку,
Мышки не пійме.	Въ золоту комирку.

(с. Калниболотъ).

(с. Петроостровъ).

Кротове колесо. Берутся за руки и становятся въ рядъ; крайній и предпоследній образуютъ изъ своихъ рукъ ворота; другой конецъ ряда проходитъ въ ворота. *Вар.:* дѣвушки составляютъ кругъ и ходятъ то въ одну, то въ другую сторону. Поютъ:

А. Туманъ танчикъ выводе,	Чисаючи казала:
Що выведыть — и станыть,	Донько, моя роженько,
На дивочекъ погляныть:	Якъ пидешь у танокъ,
Чы вси дивки у танку?	Ни ставай край танка:
Тильки рожи нимають.	Туманъ ручку стыскае,
Маты рожу чисала,	Золотый перстень знимае.

(Красноглазовка. Запис. А. Янковскій).

Вариантъ В. 1 В=1 А ... танокъ, 2 В—Що выведе та й стане, 3 В—На всихъ дивокъ погляне, 4 В=4 А, 5 В—Уси дивки у танку, 6 В—Тильки Ганны не мае, 7 В=6 А ... кесу, 8 В—Свою дочку навчала, 9 В—Ой...., 10 В—То не ставай зъ краю, 11 В—Танокъ ручку злеме, 12 В—Срибный перстень зниме.

(с. Шамова. Запис. Н. С. Тобилевичъ).

Вариантъ С. 1 С=1 А, 2 С=2 А ... выведе ... стане, 3 С—На дивчатокъ погляне, 4 С=4 А, 5 С=6 А—не мае, 6 С=7 А—Свою дочку навчала, 8 С—Дочка моя, рожино, 9 С=10 А—пидешь ты, 10 С=11 А—То... 11 С—А стань же ты край дружка, 12 С—Танчикъ руку стыскае, 13 С=13 А—Золотъ...

(Григоро-Денисовка ал. у. Запис. Игличевская).

Ср. Чуб. III, 36, III, А.

Сирый дубъ. Берутся за руки, становятся въ кругъ и такъ кружатся; потомъ кругъ разрывается въ одномъ мѣстѣ, и крайніе на одномъ концѣ образуютъ изъ рукъ ворота, а другой конецъ пробѣгаетъ подъ ворота; потомъ снова становятся въ кругъ.

Коло сирого дуба	Ходячы, скаче.
Росте чечевыця (bis),	Коло сирого дуба
Тамъ кинь вороний ходе,	Росте чечевыця (bis).

(с. Красноглазовка. Запис. А. Янковскій).

Десяту пятницу після Вылыкодня треба празновать, бо хто ны празнуе, пропадае десь. *Вар.:* ны можна поливои роботы роботы, бо посохне.

Ивана Купала (23 іюня). Наканунѣ праздника рожденія Іоанна Крестителя дивчата прыгають черезъ огонь въ воду въ вѣнкахъ (иногда нагія) и вынырнувши смотрятъ: въ какую сторону вѣнокъ поплылъ, — туда замужъ пойдетъ; если вѣнокъ остался на головѣ — не выйдетъ замужъ въ этомъ году, если его снесетъ вѣтромъ — то выйдетъ поневолѣ; если же вѣнокъ сойдетъ съ головы тихо и отплыветъ далеко, то выйдетъ по любви и за хорошаго мужа (д. Лозоватка, Т. Биланенко).

Въ купальскомъ вѣнкѣ считаютъ полезнымъ купать новорожденныхъ и больныхъ дѣтей; этотъ вѣнокъ зарываютъ также среди баштана, для того чтобы вязалась гудына. Въ ночь на Ивана Купала кладутъ въ трубу сокырки и другія травы, отчего онѣ получаютъ цѣлебную силу. Утромъ на Ивана Купала берутъ горшочекъ, надѣвають его на качалку, на него надѣвають дѣтскую рубашку, повязываютъ платкомъ и украшаютъ лентами; это — «Маринка». Маринку купаютъ въ рѣкѣ, при чемъ поютъ:

Девка Маринка воду брала,	На Ивана хлѣбъ сажала,
Купала Ивана!	А на Петра выбирала.

Горшокъ бросаютъ въ воду, а ленты берутъ себѣ.

(Алексеѣвка).

Петри и Писли (29 іюня). Въ этотъ день пекутъ *мандрыки*. Приготавливаютъ ихъ слѣдующимъ образомъ. Варятъ скелотину, отчего получается сыръ желтаго цвѣта;

изъ него дѣлають маленькія круглыя лепешки и пекутъ ихъ на сковородѣ. На Петра и Павла дѣлають еще *вардзари*, т. е. пироги съ разными овощами; берутъ лукъ, укропъ, листья бураковъ, мелко рубятъ, прибавляють тертаго перцу и сырыхъ яицъ и дѣлають пироги и плацнды, которые и называются *вардзари*. (Антоновка. Зап. Шевко).

На *Маковія* *) (1 августа) святятъ макъ, васильки, подсолнухи, крокисъ, гвоздыки, ломане зилля, ласкавецъ, петривъ батигъ и потомъ употребляють въ качествѣ лѣкарствъ; изъ маковки дытыну напувають, якъ не спытъ. (Михайловка, алекс. у.).

На *Покрова* (1 октября) дѣвушки-перестарки, войдя въ церковь, произносятъ молитву: «Пресвятая Маты Богородыце, покрыла воду и землю, покрый и мене, молоду!» Ср. Чуб. III, 256.

Бабине лито. Бабы собираются гдѣ-нибудь на травѣ и пьютъ водку, настоенную на древеѣ.

Въ день *Козьмы и Даміана* (1 ноября) копають деревья для посадки и садятъ деревья.

Св. Андрея (30 ноября). Ночью подъ Андрея, послѣ вторыхъ пѣтуховъ дѣвушки ходятъ по берегу и кричатъ: доле, гу! Говорять, что доля обзывается.

На *Андрія* вси дивчата йдутъ до крыныци, або до ричкы у ночи и набырають кожна у ротъ воды. Потимъ, якъ прыйдутъ на досвиткы, миряють наперсткомъ: наперстокъ воды, наперстокъ соли, и наперстокъ борошна, та й намисять тиста, а зъ того тиста накачаютъ балабушовъ, покладуть у ничъ, загнитятъ трошычки, щобъ затвирдило тисто, потимъ выкачуютъ изъ печи и кладуть на низенькимъ ослони; уводятъ знадвору собаку; кожна знае свою балабушку, и чью балабашку схопыть собака перше, то сзя перше и замижъ выйде. Ото вже ти дивчата, котрымъ назначывъ собака весилля, берутъ тую собаку и звѣзжуютъ перевеслами навхрестъ, якъ дружка, що старшый на весилли. — Ще на Катырыны рано кожна быре по жмени симня и завязуютъ у поясъ, а вже на Андрія

*) Т. е. мучениковъ Маккавѣевъ. Прим. Ред.

сіють те симня на току и приговарюють: «Андрію, Андрію, я конопли сію, дай же мини знаты, съ кимъ ихъ буду браты». Потымъ знимають зъ себе поясы та и волочять ными, мовъ боронамы, а вже лягаючи спать, кожна кладе свій поясъ пидъ головы навхрестъ и той, хто прысныця, той буде дружыною. (Плетеный Ташлыкъ. И. Болълый).

Вар.: Когда набирають воды для балабушекъ, то гадають такъ: зачерпывая воды рукою, смотрять, что попалось въ водѣ: если щепка — выйдетъ за столяра, если шерсть — за гуртовщика и т. п.; этотъ прѣемъ гаданья называть *выливаніемъ*. Если дѣвушкамъ, несущимъ воду во рту, попадется мущина съ кнутомъ въ рукѣ*), то онѣ выливаютъ воду изо рта и идутъ за ней вторично. (Красноглазовка. А. Янковскій).

Употребительна также *калита* или *калата*, т. е. коржъ съ дырочкой, который подвѣшивается къ потолку на зеленой лентѣ; возлѣ него становится *понъ*, или *дндъ* съ квачемъ; къ нему подвѣзжаютъ верхомъ на кочергѣ, при чемъ происходитъ слѣдующій діалогъ: «Здоровъ, Корженскій!» — «Здоровъ, Кочерженскій!» — «Позволь мине коржа укусыть!» — «Кусай, какъ не засміеся!» (Алексѣевка).

На *храмовой празникъ* бывають повсюду общіе столы, устраиваемые въ церковной оградѣ; участвуютъ больше бабы; ѣдятъ кутью, медъ, лапшу, пироги и пр.

В. Представленія о человѣкѣ.

Правая бровь чешется — къ свиданію съ другомъ. Если дѣвушка будетъ *чесаться* вечеромъ, то ее будутъ забывать.

Нельзя *чесаться* на окно: посторонніе будутъ часто замѣчать на головѣ вшей.

Начосанные *волосы* нельзя бросать на дворъ: будетъ болѣть голова.

Остриженные *волосы* бросаютъ въ печку; если бросить на дворъ, птица совѣтъ изъ нихъ гнѣздо, и будетъ болѣть голова.

*) Кнутъ есть орудіе, разрушающее чары. *Прим. Ред.*

Если *проснувшись*, скоро встанешь и увидишь еврея, то цѣлый день будешь сердитый.

Кажуть, що высною якъ выкрутышь *ногою* у зымли ямку, то хто другой уступыть у цю ямку, то тому отсохне пята Ср. Чуб. I, 87.

При *умываньи* говорятъ: «добры день тобі, земле — Тытяно, водо — Оляно! обмывайишь ты лугы, берегы, каминня, креминня, всяке зилья и кориня, обмый мою душу хрещену, нарождену молитвенного (имя рекъ)». Это считается обязательнымъ дѣлать при переходѣ черезъ рѣку; если есть сыпь на тѣлѣ, то этотъ заговоръ произносить баба. Существуетъ по этому поводу приказка: «Ой Боже мій мылостывый, який я удався: бривъ чырызъ риченьку та й не умывався». Ср. Чуб. I, 43. Сборн. Херсонск. Зем. 1890 г. № 7, 36.

Дѣвушки *умываются* первымъ снѣгомъ, чтобы быть красивѣе.

Ны можна *купаця*, помы ще зузуля ны кувала (вар: пока ласточка не искупается).

Если *умыться* первымъ выпавшимъ весною градомъ, не будутъ болѣть глаза.

Если въ большіе праздники *умываться* на дворѣ — не будешь мерзнуть.

Братья и друзья не должны *утираться* однимъ рушникомъ, иначе поспорятъ и разойдутся.

Незя рубашкою *утираця*: будутъ руки потырать (злоупотреблять трудомъ).

Потягивается человекъ, значить — растеть (особенно ночью); на сколько вытянется, настолько вырастетъ.

Шутливое привѣтствіе при *чиханьи*: «шпычка въ нисъ, ще й пара колись, ще й шматокъ оси, щобъ довше крутыло въ носи».

Икаешь — згадуе хтось, а якъ здорово икаешь — лае.

Для того чтобы узнать, кто *вспоминаетъ*, загадываютъ кого-нибудь и пробують вынуть рѣсницу.

Если у спящаго изо рта идетъ *слюна*, то на него не нападаютъ *щенята*, т. е. не дѣлаются ледъ языкомъ прыщи.

Если *плюнешь* на кого-нибудь, на томъ свѣтѣ будешь облизывать. Ср. Чуб. I, 88.

Ны можна въ огонь *плювать*, бо прыщи будутъ.
Ср. Чуб. I, 45.

Послѣ причастья нельзя *плевать*, потому что выплюнешь причастіе; нельзя также *спать* — мыши украдутъ причастье.

Если слышишь, что тебя *зовутъ*, то это къ перемѣнѣ мѣста.

Когда идешь одинъ въ лѣсу или въ полѣ, и покажется, что кто-то *зоветъ* по имени, то нельзя озываться до третьяго оклика, иначе скоро заболѣешь.

Ложась спать и накрывая воду, крестятъ кадку, а то нечистый ночью купается.

Ложась спать, крестятъ окна; если разъ не сдѣлаешь этого, то ночью «кто-то буде будить тебе и казать, шобъ уставъ та перекрестывъ викна»; тогда нужно непременно встать и перекрестить.

Если *утромъ встанешь* лѣвой ногой, то цѣлый день будетъ неудача въ дѣлахъ.

Нельзя *пятиться задомъ*: умретъ отецъ или мать.

Ны можна травы рвать, бо витырь буде.

Чтобы было *счастье въ торговлю*, торговки берутъ горсть земли изъ-подъ пасхи, когда ее святятъ.

Клятва и брань. Бери на бизголовья та на короткий викъ. Бисова тварь (кровь). Лучше бъ я була тебе на кропиви вы...ла. Сто бисивъ твой матери. Убырайся мижъ 13 чортывъ. Хай тебе Матерь Божья побье. Хрестъ мене побый (накажы). Щобъ мени руки покорчыло, якъ я бравъ. Щобъ тебе Богъ побывъ, куды лицемъ повернесся. Щобъ тебе взяло за кишкы та за личинки, разсукыня ты сынъ. Щобъ тебе взяло та й ны отпустило. Щобъ тебе вынисло на гору та на мары. Щобъ тебе гримъ побывъ. Щобъ тебе гробакы зъили (тому, кто долго ѣсть). Щобъ тебе рознисло такъ, якъ гору, якъ ты така. Щобъ тебе сыра земля не прыняла. Щобъ тоби повилазило, якъ ты бачывъ. Щобъ тоби такъ легко було лижать на тымъ свитѣ, якъ мини оце тырпить. Щобъ ты на вирѣвци погулявъ (дѣтямъ, которые долго гуляютъ или постоянно просятъ гулять). Щобъ ты пишовъ та й ны вырнувся.

Щобъ ты такъ по правди розговився, якъ ты правду кажышь. Щобъ ты черезъ землю провалывся. Щобъ я до завтраго ны доживь, якъ я що-ныбудь знаю.

Ложная клятва. Говорять: «щобъ у зми (у млыни) очы повилазили», вмѣсто «у минн очы повилазили».

Значеніе сновъ.

Всходитъ на гору — къ счастью, *сходитъ* съ горы — къ несчастью.

Выстрѣлъ слышать во снѣ — къ смерти.

Деньги видѣть серебряныя — къ слезамъ; *много денегъ* — воши нападутъ.

Женишься или *выходишь замужъ* во снѣ — умрешь.

Звонъ слышать во снѣ — къ письму, къ извѣстію, къ смерти.

Звукъ трубы во снѣ слышать — къ извѣстію.

Если снится, что кто-то *зоветъ* по имени — къ болѣзни.

Видишь во снѣ, что *осилилъ* кого-нибудь въ борьбѣ — умрешь.

Если снится, что *отпала подошва* — умереть кто-нибудь изъ родни.

Плавать въ морѣ во снѣ — къ богатству. Вообще *плавать* — къ болѣзни.

Полотно бѣлится — къ болѣзни (*Вар.:* къ дорогѣ).

Развалившійся домъ и *дымъ изъ трубы* — къ смерти (*вар.:* къ разоренію).

Рай видѣть во снѣ — умереть отецъ или мать.

Молитва, шедши на войну. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа аминь. Молитва Господа нашего Иисуса Христа и Матери Его Небесной Царицы. Помощь отъ Всевышняго Творца рабу Твоему (имя рекъ) до конца. На золотомъ морѣ золотой островъ, на золотомъ островѣ стоитъ золотой престоль, на золотомъ престолѣ стоитъ животворящее древо, на животворящемъ древи сидитъ Самъ Иисусъ Христосъ и Небесная Царица, Мати Его. Иисусъ Христосъ Своими пречистыми устами глаголетъ: даю власть сему

тельскую силу огнемъ и мечемъ, копиемъ булатнымъ, каменной (каленой?) стрѣлою, громомъ, паки молніею. Господи многомилостивый, дай мнѣ свой крестъ пречестной и животворящій на прогоненіе всякаго врага и супостата. Св. Мать праворучная, содвиги силу небснаго хора: ангелы, архангелы, архистратизи, всѣ, видящіе бездной (sic) тьмы, да покроите раба вашего (имя рекъ) кровью крыльми, заступите отъ всякаго страха, труса, потопа, огня, меча, отъ помраченія, отъ напасти, отъ ненависти, отъ всѣхъ прелисть лукавыхъ. Да укрѣпится тѣло мое, раба твоего и живущихъ въ домѣ моемъ, крѣпче камня, крѣпче желѣза, крѣпче булата и крѣпче оклада. Да оградить меня самъ Христось и Небесная Царица, Мати Его. Святые ангелы, архангелы, архистратизи, Михайль, грозный воевода святыхъ небсныхъ силъ, сокрушитель демоновъ, да сокруши, да исчезнуть и погибнуть враги мои предъ идущемъ вѣтра (sic), яко прахъ и пепель. Святый побѣдоносець Егорій, святый Илія, Енохъ и преподобная великомученице Устинія, преподобные Отцы наши кіевскіе и печерскіе Антоній и Феодосій, да станьте мнѣ въ помощь, да оградуся я вашими святыми молитвами. Господи многомилостивый, услыши моленіе мое, раба Твоего (имя рекъ) и сошли тринадцать бѣсовъ на помраченіе неприятелей моихъ, сочини между ними брань, да пройду я огонь и рѣки, неповрежденъ буду отъ огня, отъ меча, отъ стрѣлы летящей, отъ потопа великаго. Сохранить меня самъ Іисусъ Христось и Небесная Царица, Мати Его. Слава силѣ небсной, слава всѣмъ силамъ небснымъ за ваше неизреченное милосердіе. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь, аминь, аминь. (Вознесенскъ. Запис. Никитинъ).

Любоши. Чтобъ приворожить парубка, дѣвушка зарываетъ у своего порога кашу, съ этой же цѣлью даютъ вынуть просфору за упокой того лица, которое желаютъ привлечь; замазываютъ въ челюсть печи слѣдъ изъ-подъ правой ноги возлюбленнаго, приговаривая: «такъ якъ нече цю землю въ челюстяхъ огонь, то шобъ такъ некло коло сердца моего милого за мною»; любистромъ моютъ головы, тобы мужа женъ, а парубки дивчатъ любил; а ще

прыворотнемъ умывающа и головы мыють, щобъ любылы вси; а ище есть зилля тырлычъ, такъ его варять и приговаривають: «тырлычъ, тырлычъ, десятѣхъ прыклычъ, изъ дысятѣхъ одного — Петра мылого мого» (говорится объ отсутствующемъ, чтобы ускорить прибытіе). Вар. у Драг., 33. Если парубокъ разлюбитъ дивку, ворожка беретъ карту подъ масть парубка, печеть ее на свѣчкѣ и колетъ иглой въ то мѣсто, гдѣ должно быть сердце, приговаривая: «щобъ твое сердце такъ пыклося за нею, якъ печецця оця карта». Это повторяется нѣсколько дней сряду. Съ Такимъ же заговоромъ жгутъ ложку.

Народная медицина.

Бородавки (гузки) заливаютъ острой водкой; мажутъ сокомъ молочая; мажутъ кровью полевой мыши; вечеромъ, когда чистое небо, выходятъ на дворъ и, дождавшись падающей звѣзды, смахивають здоровой рукой надъ бородавками столько разъ, сколько бородавокъ числомъ; берутъ столько зеренъ пшена, сколько бородавокъ, и кладутъ ихъ въ уголь хаты; когда они сгніють, бородавки пропадутъ; завязываютъ на лентѣ столько узловъ, сколько бородавокъ, и бросаютъ на дорогу: кто возьметъ, къ тому перейдутъ бородавки; берутъ соломинку съ такимъ числомъ колѣнцевъ, сколько бородавокъ, и кладутъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ крыши вода каплетъ: когда сгніетъ, бородавки исчезнутъ.

Бѣльмо. На Юрьевъ день (23 апрѣля) до восхода солнца надо выйти къ рѣкѣ и чистымъ бѣлымъ платочкомъ водить по влажной травѣ. Когда платочекъ достаточно смокнетъ, выжать росу въ чистую бѣлую посуду и снова водить платочкомъ по травѣ. Собранную такимъ образомъ росу перелить въ бѣлый стеклянный пузырекъ и держать на случай болѣзни глазъ. Эта «Игоривска роса» излѣчиваетъ даже застарѣлыя бѣльма. Лѣчить отъ бѣльма надо до новолунія, иначе не только не поможетъ, но еще болѣзнь станетъ трудно излѣчимой. Знахарка, отъ которой записано настоящее лѣченье, всѣ вообще заговоры начинаетъ молитвою «Отче нашъ» и еще слѣдующей: «Вси

святы Отци и Кыевскы, и Печерскы, Иерусалымскы, и Монастырскы, Антонію и Харлантію, Уласію и Θεодосію, святыи отче Тыхоне и святыи отче Борисію, и святыи отче Васылію, и Гаврылію, и Илія, прекрасный пророка, и вси святыи отци, ацостоли и преподобныи, ангелы и арханголы, станьте нарожденный, хрещеный раби (имя больной) въ помичь». Затѣмъ слѣдуетъ самый заговоръ: «Иихавъ св. Юрій изъ за билои горы и на билому кони, билая оружья, била одежда, билыи хорты. Состричае ёго Свята Пречыста: «куда ты, Юрію, йидешь»? — Йиду я сикты, йиду я рубать, хрещенои, нарожденной (имя) ока не займать, а бильмо зганять» — «Йидь же ты, Юрію, и сичи, и рубай, и ламай, бильмо зганяй, а ока не займай. Я святымъ Духомъ подуну и усе бильмо изжену». Бабка раскрываетъ глазъ больнаго и трижды дуетъ въ него; затѣмъ велитъ больному сѣсть противъ кватырки, а сама, зайдя со двора, брызгаетъ черезъ окно въ глазъ больнаго «Игорьевской водой». (м. Дмитровка. Отъ 68-лѣтней бабки Побилкы запис. Н. С. Тобѣлевичъ).

Произнести однимъ духомъ: «Въ полѣ дубъ, въ морѣ скрыня, на морѣ луно, а въ скрынѣ бѣльмо, изшыптую, изганяю, Божымъ духомъ пошибаю, отъ жовтой кости, отъ червонной крови». (г. Вознесенскъ. Запис. Никитинъ).

Произнести три раза: «Иихавъ святыи Юрій сывымъ конемъ, золотымъ мостомъ, а за нимъ бигло три хорты: чорный, бильый и червонный; чорный слизу слызавъ, червонный кровъ, бильый бильмо у (имя рекъ, или, если заговоръ говорится скотинѣ — то: «сираго вола», вообще — масть и полъ животнаго; лошадамъ этотъ заговоръ не помогаетъ)». Произнеся заговоръ, надо подуть вокругъ больнаго глаза. (Красноглазовка. Запис. А. Янковскій). Вар. Чуб. I, 139 и у Манжуры (Сб. Харьк. Ист.-фил. Общ.), 150.

«Бдитъ Григорій на бѣломъ конѣ, бѣлымъ степомъ (вар.: въ бильый одежи), бѣжитъ за нимъ три псы (вар.: собаки), одынь сѣрый, другой бѣлый, третій чорный. Чорный лизне (дунуть въ глазъ), слезу ронитъ (вар.: бижитъ чорна, съ ока бильмо лизитъ), бѣлый лизне (дунуть въ глазъ), бѣльмо стонитъ (вар.: бижитъ сира — бильмо съ ока лизитъ), сѣрый лизне — бѣльмо сжене (бижитъ

била — зъ ока бильмо лыжить хрещеному, молитвенному имя рекъ); затѣмъ глазъ раскрыть и плюнуть въ него: бѣльмо выйдетъ изъ глаза вмѣстѣ съ слюной (Вознесенскъ. Запис. Никитинъ. *Вар.* отъ старухи изъ Сентова алекс. у.).

Бишиха. Отъ нея употребительны слѣдующія средства: соскобленную съ кочерги или съ лопаты гарь за-вертываютъ въ тряпочку и подкуриваютъ; подкуриваютъ вѣничками (нехворощъ), синей бумагой и воскомъ; при-кладываютъ кору бузины (записано отъ нѣсколькихъ лицъ изъ разныхъ сель елисаветгр. у.); подкуриваютъ устил-ками, которыя клали въ обувь, идя въ церковь на боль-шой годовой праздникъ; подкуриваютъ затычкою (тряпкою, которою закрываютъ трубу); навозомъ, принесеннымъ «до схидъ сонця» на праздникъ Покрова. Одна бабка смазала своей пациенткѣ все лицо свѣжимъ навозомъ, такъ какъ больная явилась къ ней за помощью въ самый день празд-ника. «Чуть не вмерла — рассказывала бабка, къ которой привезли «одличувать» больную: усе лице осыпало пузы-рями, и очи затыгло опухомъ, и йисты не могла; насылу я йи одличыла, — бишиха страхъ не любе мокроты». Про-тивъ бишихи наичаще сберегаютъ тѣ «дрибки» соли, ко-торыя кладутъ подъ Пасху, когда несутъ ее святить въ церковь. При помощи этой соли заговариваютъ бѣшиху. Для этого надо взять дрибокъ соли свяченой на Пасху и, обводя имъ воспаленное мѣсто, сказать: «Отче нашъ»... «Господы, помози мени! Матерь Божа и вси святыи Киевскы й Печерскы, станьте мени въ помочи бишиху вышептувать. Выйду я на двирь, та гляну на сыне море. На синимъ мори сына рыбалка сыню рыбу ловыть; въ синій води полоскалы, въ сини горшки клалы, въ синій печи варылы. Десь узялысь сини люди, сыню рыбу пой-малы, якъ найлысь, и сами розсылысь. Такъ щобъ розсився бехъ и бишишныця витряна, водяна и пристритна, и по-думана, и погадана. Я тебе выгоняю, высылаю и вышиптую зъ головы, зъ очей, зъ плечей, изъ рукъ, изъ нигъ; иды соби на очерета, на болота и на неостребны лиса, де огни не горять и воды не стоять, и куры не сливають, и сонце праведне не сходе. Оттамъ тоби гулять, оттамъ тоби буать, а тутъ тоби не буваты, жовтои кости не ломаты, червонои

крови не питы и семдесятъ жилъ не вьялыты хрещеного, порожденного раба Божого (имя рекъ). Этотъ заговоръ надо шептать три раза и послѣ каждаго раза сдунуть съ больного мѣста. Этотъ заговоръ очень помогаетъ и послѣ одного раза, но вообще слѣдуетъ повторить лѣчение три раза, и тогда бишиха непременно пройдетъ.

Бишиха — болѣзнь женскаго рода, а есть болѣзнь мужскаго рода — *бехъ*, отличающаяся легкой краснотой и упорностью. Если же болѣзнь принимает острый воспалительный характеръ, больное мѣсто дѣлается багроваго цвѣта, то это уже другая болѣзнь, хотя и однородная съ бехомъ; такое состояніе рожистаго воспаленія называется *гербарецъ*. Лѣчится онъ нѣсколько иначе, а именно, берутъ красный платокъ, кладутъ на больное мѣсто, раскрепиваютъ немного прядива, зажигаютъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ спичкой, и чуть оно загорится — придавливаютъ огонь тряпочкой и начинаютъ шептать, какъ и отъ бѣшихи, только слова «бишиха», «бехъ», «бишишныця» зямѣняютъ словомъ «гербарецъ». (м. Дмитровка. Отъ кр. Елены Завалько запис. Н. С. Тобѣлевичъ).

«Бѣшиха цыганка, бѣшиха поганка, бѣшиха туркена, бѣшиха нѣмкена, сойды съ рабы Божьей (имя рекъ), иды соби на луга, на болота, на густые очерета, де пивни не спиваютъ, де собаки не брешутъ, куды хрыстіанскый голосъ не доходитъ». Произносится три раза, при чемъ каждый разъ надо плевать, первые два раза — по разу, а въ послѣдній три раза (Вознесенскъ. Запис. Никитинъ).

«Ты бешъ, ты бышиха, ты водяна, ты витряна, ты названа, ты наслана, подумана, погадана, тутъ тоби ны стояты, червонои крови ны пыты, жовтои кости ны ломыты, билого лыця ны сушыты. Иды соби на очерыта, на болота, де люды ны ходять, де людскый гласъ ны заходе, де пивни не спиваютъ, де дивкы косамы ны мають (вар.: не роблять), тамъ іе стара сука маты (вар.: мала вона тебе), вона тебе буде годуваты. (д. Акацатовка. Зап. Алехинъ. *Варианты* изъ с. Верблюжки по записи Л. Котенка). Ср. Чубин. I, 116.

Отъ *водяной* пьютъ водку, настоянную на стволѣ цыбули; даютъ съѣсть хлѣба со вшами или съ мокрицами.

Волосъ. Взять семь ржаныхъ колосьевъ, связать ихъ въ пучокъ, ополоскать въ священной водѣ и, прикасаясь къ больному мѣсту, говорить: «выливаю волосъ на житній колосъ; волосъ водяной, витряный, пристритный, дивочый, парубочый, жиночый и чоловічый, мышачый и мышыный, гусячый и гусиный; вовчый и вовчыный, лисячый и лисиный, курячый и куриный, я тебе высылаю, я тебе выганяю, тутъ тоби не гуляты, жовтои кости не ломаты, крѣпкихъ жилъ не вьялыты и не сушыты. Иды соби на болота, на очерета, де люде не ходять, де рыбы не грають, пивни не спивають. Тамъ тоби ходыты, тамъ крутыты повикъ вики. Аминь! Тьфу!» (м. Дмитровка. Запис. отъ Елены Завалько Н. С. Тобѣлевичъ). Короткіе варианты у Чуб. I, 124 и у Короленки въ Сб. Харьк. Ист.-фил. Общ. IV, 277.

Отъ болѣзни *глазъ*: сварить въ крутую яйцо, вынуть желтокъ, разрѣзать на двѣ части и въ ямки желтка посыпать сахару; больной ложится, и когда желтокъ немного остынетъ, положить половинки его на глаза.

Отъ *глухоты* закладываютъ въ ухо на ватѣ отваръ руты на маслѣ.

Грызъ (грыжа). Бабка черезъ платокъ тихонько грызетъ больное мѣсто и шепчетъ: «грызъ, грызъ, не грызи жѣ ты тутъ, бо у мене зубы щучи, я тебе зубамы выгрызу, а губами вышепчу». Произносится три раза, и послѣ каждаго раза слѣдуетъ плюнуть. (м. Дмитровка. Запис. отъ бабы Побилки Н. С. Тобѣлевичъ).

Жовтяница. «Отъ жовтяницы добре наместо (коралловое) въ купель кладутъ, а грѣчаныцю въ печь ставятъ зъ водою и купають»; купають въ водѣ, сваренной съ вѣнкомъ, сохраненнымъ отъ Ивана Купала: купають въ грѣчаной золѣ, въ желтыхъ гвоздикахъ; пьютъ воду, положивъ въ нее червонецъ; кладутъ щуку на ладонь и смотрять на нее, пока не уснетъ щука; «и не стане желтой»; ѣдятъ накрошенную цыбулю съ хлѣбомъ. (Въ разныхъ селахъ елисавет. у.).

Золотуха. Залѣвливаютъ ранки смѣсью обугленной фасоли со сметаной или жидкимъ мѣломъ, оставшимся на помелѣ послѣ обмазки печи.

Отъ *зубной боли* подкуриваютъ листьями клубники.

Заговариваютъ зубы только на новолуніе, иначе помощи не будетъ, и червякъ, точащій зубную кость, херьянъ, еще сильнѣе будетъ мучить больного.

• При дорози стоитъ дерево ясына красна; на тымъ дереви лежыть червякъ билый ни живъ, ни мертвъ. Херьянъ, червякъ билый, поды спытай у мертвого чело-вика: чы не болятъ въ ёго зубы? Не болятъ, не болятъ, не болятъ. Такъ щобъ не болилы у раба Божого (имя рекъ)». Произносится три раза (с. Шамовка. Записала Н. С. Тобѣлевичъ).

Тому, у кого болятъ зубы, надо стать лицомъ къ лунѣ, когда первый разъ увидишь ее послѣ новолунія, прочесть «Отче нашъ», а потомъ говорить такъ: 1) «Пытавъ молодыкъ у старого: чы не болятъ зубы въ неживого? Щобъ и у мене хрещеного, молитвеннаго раба Божого (имя рекъ) не болилы, не щемилы. 2) Мисяцю молодой, на тоби хрестъ золотый, золоты на тоби рогы. Звирь у лиси, рыба въ мори, а червякъ у гнилый колоди. 3) Пытаецця молодыкъ у старого: ты бувъ за морямы, ты бувъ за водамы, ты бачывъ мертвого чоловика. Якъ у ёго не болятъ, не щемлятъ зубы, такъ щобъ и у мене, раба Божого (имя рекъ), не болилы, не щемилы. 4) Тутъ вамъ не болить, тутъ вамъ не щемить, жовтой кости не ломыть, красной криви не мутить до вику. Аминь». — Заговоръ этотъ надо сказать три раза и послѣ каждой части (1, 2, 3 и 4) давить челюсти руками навзрестъ и сплевывать на правую сторону. Войти въ избу надо непременно пя-тясь назадъ (м. Дмитровка. Записала Н. С. Тобѣлевичъ). Отрывочные, короткіе варианты у Чуб. I, 124—126.

• Въ полѣ дубъ, въ морѣ камень, на небѣ четыре брзта и когда тыи четыре брата сойдутся на тотъ камень и стануть рѣчь говорить, тогда у меня, рабы Божьей (имя рекъ), будутъ зубы болить. Отъ жовтой кости и отъ червоной крови» (Вознесенскъ. Запис. Никитинъ). Далекіе варианты у Чуб. I, 125, м. и у Манжуры, 151.

• Ты, мисяцю молодой, на тоби хрестъ золотый, ты въ мори кушався и зъ нами выдався, тоди въ мене бо-

литымутъ зубы, якъ у мертвого ребра». (д. Акацатовка. Запис. Алехинъ). Дал. вар. у Чуб. I. 124—126.

Увидавъ молодыкъ, произносятъ три раза: «Молодыкъ молодой, на тоби хрестъ золотый, кланяйся старому, мертвому й живому. Болятъ у йихъ зубы? — такъ и у мене (имя рекъ)». (д. Красноглазовка. Запис. А. Янковскій).

Заговариваютъ натошакъ. «Имя свое (святое?) небснаго Спасытеля призываю и рабу Божому рожденному, молитвенному, хрещеному (имя рекъ) зубы замовляю. Мисяцю молодой, тоби хрестъ золотый. Мисяцю, тоби на пидповня, дай, Господы, (имя рекъ) на здоровья. На мори каминь, на камини церква, а въ тый церкви престоль, за престоломъ лежить чоловікъ безъ рукъ, безъ ногъ, безъ трехъ-девяти суставъ. Колы той чоловікъ устане та буде говорыть, то тоди въ раба Божого рожденного молитвенного, хрещеного (имя рекъ) зубы будутъ болиты. Имя свое (святое?) пречыстои Божои Матери Праворучной Почаевськой призываю и рабу Божому рожденному, молитвенному, хрещеному зубы замовляю. Мисяцю молодой, тоби хрестъ золотый; мисяцю, тоби на пидповня, дай, Господы, (имя рекъ) на здоровья. На неби мисяць, а въ поли вовкъ, а въ мори рыба, колы ты три особы сойдуцця и будутъ говорыть, то тоди у раба Божого рожденного, молитвенного, хрещеного (имя рекъ) зубы будутъ болить». При произнесеніи этого заговора, надо дуть въ ротъ. (Запис. отъ 83-лѣтняго Оомы Бабенка въ Елисаветградѣ). Отрывочные и короткіе варианты у Чуб. I, 125—126.

Отъ *икотки* пить навхрестъ, задержавъ дыханіе.

Отъ *кашля* пьютъ отваръ или водочный настой руты, отваръ полеваго подорожника, настой калины съ листьями, съ перцемъ или бѣлымъ имбиремъ, съ медомъ.

Коросту мажутъ сметаной, смѣшанной съ порохоми, отваромъ корней омана (девисила); купаются въ рѣкѣ въ чистый четвергъ.

Крыкльвици. Нужно взять въ правую руку краснаго проса, взлѣзть на ворота, сѣсть на нихъ верхомъ и проговорить три раза: «куры просо подзѣбають и крыкльвици позбырають». Затѣмъ высыпать просо за пазуху и три раза плюнуть на землю. (д. Красноглазовка. Зап. А. Янковскій).

Для *успокоенія ребенка*: 1) купаютъ его въ солому, взятой изъ дома, гдѣ живетъ согласное супружество; 2) — въ кусочкахъ сѣна, выпавшаго изо рта лошади (но это вредитъ лошади); 3) въ ласточкиномъ гнѣздѣ; 4) три раза вносятъ въ хату и кладутъ въ купель по 9 крестиковъ изъ соломы и считаютъ: одинъ разъ, одинъ два и т. д.

Отъ *крови*. Зажать рукою то мѣсто, откуда идетъ кровь, прочесть «Отче нашъ» и проговорить три раза слѣдующій заговоръ: «Тры братця йшли, на золоту гору тростю нысли, трость упала, кровь перестала». (д. Красноглазовка. Запис. А. Янковскій). Далекіе варианты у Чуб. I, 126—128.

«Бигло тры калюжи черезъ три рички, стали рожу ломать, стали щыпать. Рожа не зойшла, христіаньска кровь ны пойшла. То проклятый млынъ, що до службы у воскресиння моловъ, то проклята жинка, що до службы хлибъ пекла, то проклята рана, що зъ неи кровь пойшла». Заговоръ произносится три раза, и во все продолженіе заговора пальцемъ заглаживается рана. (Красноглазовка. Запис. А. Янковскій). Кор. вар. у Чуб. I, 127.

«Ишла Матирь Божа черезъ калыновый мостъ и нысла въ руци трость, трость поломала, кровь замовляла хрещеному, нарожденному, молитвенному (имя рекъ)». Произнести три раза, потомъ подуть три раза на голову и сказать: «не я замовляю, а Матирь Божа духомъ своимъ небеснымъ» (Записано отъ старухи изъ Сентова алекс. у.).

Чтобы вылѣчить отъ *курячей слѣпоты*, надо больного вечеромъ толкнуть въ ровъ.

Отъ *лихорадки* (титки, трясци, пропасныци) очень помогаетъ слѣдующее средство: срѣзать понемногу ногтей съ пальцевъ рукъ и ногъ, срѣзать крестообразно нѣсколько волосковъ съ головы, залѣпить все это въ воскъ отъ пасхальной свѣчи (что втыкаютъ въ пасху, когда святятъ), и, завязавъ красной ниткой, прицѣпить къ клешнѣ живого рака, котораго затѣмъ пустить въ воду: лихорадка уцлыветъ отъ больного вмѣстѣ съ узелкомъ. Отъ лихорадки подкуриваютъ слѣдующими предметами: скотскимъ навозомъ, взятымъ на разсвѣтъ въ праздникъ Покрова, трубными затычками, волчьимъ пометомъ, который опыт-

ныя бабки умѣютъ находить зимою. (Дмитровка. Отъ бабы Побилкы запис. Н. С. Тобѣлевичъ).

Отъ *лихорадки* пьютъ водку, настоенную на скорлупѣ свяченой крашанки, отваръ цвѣта подсолнуха.

Отъ лихорадки даютъ съѣсть хлѣба со вшами, не говоря о томъ больному: лихорадка боится вшей. Ср. Чуб. I, 120.

Весною, когда кто увидитъ первую прилетѣвшую изъ теплыхъ краевъ птицу, беретъ немного земли и прячетъ; разведенная срътенской водой, она помогаетъ отъ лихорадки. Ночью идутъ на кладбище и, загнувъ руку за спину, берутъ земли; съ нею, не оборачиваясь, идутъ домой, завязываютъ въ тряпочку и вѣшаютъ на шею. Отъ лихорадки помогаетъ то, что возьмешь, услышавъ первый громъ. (Изъ разныхъ сель елисава. у.).

Лишай мажутъ синемъ камнемъ, сокомъ молочая, кровью маленькаго воробья, водой, выступающей утромъ на окнахъ и собранной послѣ дождя на воротахъ; дѣлаютъ особую мазь, для чего берутъ равныя части перцу, чесноку, соли, меду и луку и пережариваютъ все вмѣстѣ; свертываютъ бумажную трубочку и, держа ее вертикально, поджигаютъ снизу; выступающую вверху гарь на ваткѣ кладутъ на зубы. Заговоры: 1) «Кабанъ батько, свиння маты» (плюнуть); 2) «Цесъ тоби батько, сука тоби маты, не дала цыцькы сосаты, середя та пьятныця, тутъ тоби не ятрыця» (плюнуть); 3) Лишай, теперъ тебе бачу, теперъ шобъ ты пропавъ» (плюнуть) (изъ разныхъ сель елисава. и алекс. у.); 4) разогрѣваютъ топоръ и, вода по нему свѣжей терновой вѣткою, говорятъ: «Лишаю, лишаю, я тебе съ свынью змишаю. Свиня тоби ны маты, ны дасть тоби цыцькы сосаты. Часъ тоби, лишаю, засыхаты, часъ тоби, лишаю, пропадаты» (плюнуть три раза на полъ). (Красноглазовка. Запис. А. Янковскій)

Младенческе непременно постигаетъ каждого, если не въ дѣтствѣ, то въ юношескомъ возрастѣ, но въ послѣднемъ случаѣ оно опасно. Если дитя схватитъ младенческе, то надо накрыть его чѣмъ-нибудь чернымъ, не трогать и не производить шума; если припадокъ продолжителенъ, то мать должна его подъ каглою умыть своею мочой. Отъ младенческой вѣшаютъ на шею стручки той въ тря-

почкѣ, даютъ пить отваръ чернобыля; три четверга при-
кладываютъ на всѣхъ суставахъ навкрестъ ножъ, освя-
щенный съ пасхой. (Изъ разн. сель елисавет. и ал. у.).

Отъ насморка: подпаливать вату и нюхать черезъ
двери; нюхать припаленное перо.

Несплячки. «Якъ дытына ны спыть разуразъ, то треба
вынять у живой мыши очы, та й пустить ихъ, а очы
повисыть на шыю дытыни».

«Якъ опечесся, то треба тричы, не переводячы духу,
прошептаты: «де огонь, тамъ и вода», а потымъ подержать
себе за вухо — то й не буде пузыря». (д. Александровка.
Отъ бабы Козовой запис. Пономаревъ).

Остуда. Варять чистецъ (чистотѣль) всю ночь и до
восхода солнца этимъ отваромъ обливаютъ больного на
томъ мѣстѣ, гдѣ не ходила «ни людына, ни скотына». (Красноглазовка. А. Янковскій).

Перелякъ или переполохъ. Взять въ черепокъ свяченой
воды, растопить смолу и, поставя воду на голову больного,
лить туда растопленную смолу. При этомъ прочитывается
«Отче нашъ» и «Вси святыи Отци» (см. *Бѣльмо*), затѣмъ
шепчуть: «Я тебе выкликаю, я тебе прогоняю: одійды жъ
ты, огненный, паленый, заклятый, проклятый, бо я душу
й тило очищаю, а нечысту силу выганяю, у бездню
заганяю. Ты тамъ згынь, пропады, души й тила не суши». Затѣмъ
бабка снимаетъ черепокъ (или миску) съ головы и приглашаетъ
разсмотрѣть фигуру, вылившуюся изъ смолы въ водѣ, угадывая по ней,
чего испугался больной: собаки, змѣи, вола, палки, стрѣлы (громовой) и пр. (м. Дмитровка.
Отъ бабы Побилкы запис. Н. С. Тсѣбѣлевичъ).

Берутъ яйцо и катаютъ по тѣлу съ молитвами, по-
томъ берутъ стаканъ, налитый на половину водой, яйцо
разбиваютъ, бѣлокъ выпускаютъ въ воду, смотрятъ на свѣтъ
и угадываютъ, отъ чего произошелъ перелякъ; воду съ бѣл-
комъ отдаютъ собакѣ. Пускаютъ въ воду также воскъ,
олово, при чемъ ставятъ миску на голову больному.
Ср. Чуб. I, 131.

Отъ переполоху три четверга подъ рядъ льютъ въ воду
воскъ или свинецъ — въ первый разъ на головѣ больного,
второй — на животѣ, третій на спинѣ.

Плиснявка. Лѣчить ее можно лишь съ того времени, какъ скоть начнетъ ходить въ поле послѣ домашней зимовки. Тогда больное дитя приносятъ къ бабкѣ и та, выславши мать изъ комнаты, беретъ ребенка за руку (или на руки) и подводитъ (или подноситъ) къ тому углу избы, который обращенъ къ скотскому пастбищу, читаетъ «Отче нашъ», креститъ ротъ ребенка и, прикасаясь къ язвинамъ мизинцемъ правой руки, шепчетъ (если ребенка принесли утромъ): «иде череда въ поле, а плиснявка зъ рота. Ножками заточу, рожками заколю, хвостыкомъ замету, тоби смерть прыклячу». Затѣмъ бабка плюетъ на землю и дуетъ на больныя мѣста. Повторяется заговоръ три раза. Вечеромъ происходитъ то же самое, только вмѣсто словъ: «иде череда въ поле» говорится: «иде череда съ поля». Нѣсколько бабъ наперерывъ расхваливали шептуху, говоря, что она очень скоро повылѣчивала ихъ дѣтей послѣ безуспѣшнаго употребленія всякихъ лѣкарствъ, взятыхъ въ мѣстной аптекѣ. (Дмитровка. Запис Н. С. Тобѣлевичъ).

Отъ *плиснявки* мажутъ ротъ чернымъ перцемъ.

Портзы присыпаютъ порошкомъ изъ сушеннаго дерева, порошкомъ изъ наскобленнаго чортова пальца; прикладываютъ луговой подорожникъ, разрѣзанную мурюху (большой шарообразный грибъ).

Отъ *призора очей.* «Всталъ я рабъ Божій, (имя рекъ), благословясь, пошелъ, перекрестясь, изъ хаты дверьми, изъ двери воротами, да вышелъ въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ есть сине море, на томъ синемъ мори тихая заводь, на той заводи тихій плаваетъ сѣрый гоголь, на томъ сѣромъ гоголѣ не держитца ни вода, ни роса. Такъ на рабѣ Божіемъ не держались бы ни уроки, ни призоры, ни лихіе заговоры, ни вѣтренны прострѣлы, ни ночные переложы. Во вѣки вѣковъ. Аминь». (Верблюжка. Запис Л. Котенко).

Отъ *глазу* вспрыскиваютъ сѣтенской и непочатой водой: даютъ пить въ свяченой водѣ сажы, наскобленной съ челюсти печки.

Если кто-нибудь *зазихнѣ* (похвалитъ или полюбуется чѣмъ-нибудь особенно), — изъ предосторожности, чтобы *не наврочывъ* (не сглазилъ), надо сказать слѣдующія слова:

«камень у зубы, печина въ груды! Тоби из зависть, мени на корысть». *Вар.*: «Силь тоби въ вичи, пычина на зубы, а каминь на груды».

Пристритъ. Большею частію пристрить и переполохъ лѣчатся вмѣстѣ. Переполохъ состоитъ лишь въ томъ, что больной по ночамъ бросается во снѣ, кричитъ, вскакиваетъ съ постели, боится заглянуть въ темную хату; если къ этому присоединяются легкій ознобъ, потягиваніе членовъ, постоянная зѣвота и боль головы, то это уже пристрить. Чѣмъ сильнѣе болѣзненные симптомы, тѣмъ неохотнѣе бабка соглашается лѣчить, такъ какъ она должна вызвать пристрить на себя. Заговоръ слѣдующій: «Вызываю пристрить изъ ёго головы, зъ очей, изъ рукъ, изъ нигъ, съ семыдесяты жыль и зъ семыдесяты суста-вивъ, и вызываю, и выкликаю: бѣтькивъ, материнъ, чоловічий й жиночий, парубочый й дивочый, хлопьячий й малый дивчачый (дытячий?), витряный и водяной, полуношный и полуденный, и вечерній, и вранишный, и зайиденый, и запытаный, и недбанный, подуманный и погаданный, и прысланный и насланный отъ лыхихъ людей и лыхихъ помысливъ, — иды соби легенько, те-хенько на гниле колоддя, де пивни не спиваютъ, де гласъ хрыстіянськый не заходе». Бабка омываетъ немного лицо и руки больного свяченой водою, въ которую набросаны три-девять угольковъ. Воду эту лѣкарка приготовляетъ передъ шептаньемъ и шепчетъ надъ нею «Отче нашъ» или «Богородицу». Бросая въ воду угольки (изъ наскоро разведеннаго огня на прыщичку) три раза по девяти, считаетъ такъ: не разъ, не два, не три и т. д. до девяти, потомъ второй разъ и третій. Во время шептанья отъ пристрита воду ставятъ на голову больного (или на грудь, если онъ лежитъ) и проводятъ навкрестъ по водѣ свяченымъ ножомъ. По окончаніи шептанья бабка начинаетъ часто зѣвать, потягиваться, охать и вообще показываетъ видъ, что пристрить перешелъ на нее; это считается яснымъ доказательствомъ успѣшности лѣченья. (м. Дмитровка. Отъ бабы Побилкы запис. Н. С. Тобѣлевичъ). Ср. *Этногр. Обзор.* 1890 г. № 3 стр. 200. (Изъ Екат. Губ. Вѣд.).

«У моря калына, пидь калыною дивчына. Вона ны знала ни шыты, ни прясты, ни золотомъ вышиваты, тильки умила и знала одь раба Божого урокы и призоры выкыкаты и вызываты, на сухи лиса насылаты. Урокы и урочыци, чоловичи, жиночи, дитячи! вамъ, уроки, урочища, у раба Божого (имя рекъ) не стоять, жовтой кости не ломыты, горячей крови не пыты, серця ёго не нудыты, билого лычка не сушиты. Вамъ идты на мхи, на темные луга, на густыя очерета, на сухи лиса, куды люды не ходять». (Верблюжка. Запис. Л. Котенко). Ср. Маркевичъ, 89.

Употребителенъ заговоръ. вариантъ котораго напечатанъ у Чуб. I, 134. Произнося этотъ заговоръ, давятъ слегка голову больному обѣими руками съ боковъ, сверху и снизу. Предъ заговоромъ наливается въ горшочекъ вода и проводится въ немъ крестъ лезвиемъ ножа; по окончаніи заговора три раза сдувають съ воды въ горшечкѣ, затѣмъ берутъ этой воды въ ротъ и три раза обрызгиваютъ ею больного. (Красноглазовка. А. Янковскій).

Слабогрудые ѣдятъ сало отъ третьяго куска.

Сояшныци (боль въ животѣ, сопровождаемая тошнотой и головной болью). Надо положить больного въ постель, смазать подъ ложечкой деревяннымъ масломъ и, шепча «Отче нашъ» и «Все святыи Отци», взять крошечный горшочекъ, положить туда немного прядива и зажечь, а подъ ложечкой посыпать пшеничныхъ отрубей и горшочекъ съ горящимъ прядивомъ опрокинуть на отруби. Зашептываютъ сояшныци такъ же, какъ и переполохъ (см. въ соотв. мѣстѣ заговоръ, запис. Н. С. Тобѣлевичъ), только начинаютъ слѣдующимъ образомъ: «Заговорю сояшныци, зайидены й запытаны, огненны й палены и пр. Если боль въ животѣ сопровождается рвотой и расслабленіемъ желудка, то такія сояшныци называются *надсердни*; если же боль въ животѣ до того велика, что больной не можетъ разогнуться и сидитъ, пригнувшись грудью къ колѣнямъ, то это называется *завйна*. Отъ этой послѣдней берутъ свѣжаго дерева и, выжавъ сокъ, — пьютъ. Отъ сояшныць иногда лѣчатся еще такъ: берутъ подсолнечникъ (сояшныкъ), ложку, веретено и ножъ, все это наливаютъ водой

и кипятятъ, потомъ ставятъ «подъ ложечкой» больному миску и опрокидываютъ туда горшокъ, шепча при этомъ молитву или заговоръ. (м. Дмитровка. Отъ бабы Побилки запис. Н. С. Тобѣлевичъ). Ср. Чуб. I, 114 и Маркев., 88.

Зажигается клокъ пряжи; наливаютъ двѣ ложки воды въ горшокъ, а оттуда выливаютъ въ миску; затѣмъ зажженную коноплю кладутъ въ горшокъ, который опрокидываютъ на пупъ больному; около миски съ водою кладутъ крестообразно ложку, веретено, ножъ и брусъ (оселокъ); положивъ все это на мѣсто, снимаютъ съ больного горшокъ и опрокидываютъ его въ миску. Затѣмъ произносятъ заговоръ: «Сояшныци водяны, сояшныци витряны, сояшныци насланы, подуманы, погаданы, тутъ вамъ ны стоять, жовтыхъ костей ны ломать у раба Божяго молитвеннаго (имя рекъ) (или: у младенця молитвеннаго имя рекъ)». Затѣмъ брусъ кладутъ на мѣсто веретена, а ножъ на мѣсто ложки и наоборотъ. Заговоръ произносится вторично, а вышеупомянутыя четыре вещи кладутся крестообразно въ миску подъ горшокъ, послѣ чего ихъ крестятъ рукой. При произнесеніи заговора въ третій разъ берутъ изъ миски ложку, набираютъ ею воды изъ той же миски, потомъ поднимаютъ ложку съ водою повыше, выливаютъ воду въ миску, при чемъ подхватываютъ ее ножомъ и оставшуюся на ножѣ воду даютъ выпить больному. То же самое продѣлывается съ брусомъ и веретеномъ. Въ заключеніе больной долженъ напиться воды изъ миски крестообразно, съ четырехъ сторонъ. Остатокъ воды выливаютъ въ такое мѣсто, гдѣ никто не ходитъ: ни людына, ни скотына. (Красногазовка. Запис. А. Янковскій).

Отъ *сухотъ*. Надо купить на базарѣ новый большой горшокъ, сложить въ него всю перемѣну бѣлья и даже верхнюю одежду больного ребенка (рубашку, целенки, чепчикъ, кофточку, нагрудникъ, одѣяльце и пр.), перевить сновывачемъ, налить водою, взятою изъ ближайшей рѣки подлѣ огорода, и поставить въ печь. Когда вода закипитъ, то бабка-лѣварка, зачерпнувъ воды изъ горшка, слегка обмываетъ голову, грудь, руки, ноги, спинку больного дитяти, слѣдя за тѣмъ, чтобы вода стекала въ горшокъ, и обмытыя мѣста вытираетъ правою рукою «навидли».

При этомъ шепчуть такъ: «Сухоты, сухоты, дитячи ломоты, я вамъ кажу, я васъ прошу раба Божого (имя рекъ) не ломыть, не сушить, червоной крзви не жовтить. Идить соби, сухоты, на рикы глыбокы, въ густы очерета, въ жовты лозы, де пивни не спивають, диты не плачуть, люде не зайижжають. Тамъ соби жывить, тамъ соби плодыця, отъ младенця Божого (имя рекъ) прыгожого геть отступыця. Аминь». Этотъ заговоръ надо произнести три раза и послѣ каждаго раза сдунуть съ лица, груди и ногъ ребенка и плюнуть. Послѣ этого дитя надо одѣть въ совершенно чистое, не ношенное имъ бѣлье и укачать. Если дитя заснетъ скоро, то это — признакъ, что сухоты покинули его, а если нѣтъ, то значить, — сухоты очель упорны и крѣпко «впились въ кровь ребенка». Укачавъ дитя, бабка съ матерью больного дитяти идетъ на берегъ рѣки, гдѣ брали воду для лѣченья, и несетъ горшокъ съ платьемъ ребенка. Мать старается идти по слѣдамъ бабки, чтобы затоптать дорогу и слѣдъ, на случай, если бы сухоты вздумали вернуться. Прийдя къ концу огорода, гдѣ у крестьянъ обыкновенно растутъ вербы, бабка, держа горшокъ въ одной рукѣ, другою схватываетъ стволъ молоденькой вербы и трясеть ее съ силою, приговаривая: «Трушу, трушу грушу, оттакъ хотилы сухоты вытрясты съ твоего сына душу». Затѣмъ бабка шепчетъ надъ горшкомъ «Богородице», «Святый Боже» и трижды дуетъ на него, отмахивая рукою паръ. Послѣ сего мать должна взять горшокъ и пустить его на рѣку, затѣмъ, не оглядываясь, — бѣжать домой, а бабка тѣмъ временемъ моетъ ноги въ рѣкѣ и наговорами отсылаетъ сухоты подальше; въ дѣйствительности она беретъ горшокъ и бѣлье и несетъ къ себѣ домой, но дѣлаетъ это въ большомъ секретѣ, такъ, чтобы мать оставалась въ увѣренности, что горшокъ съ сухотами отправился «въ очерета и жовты лозы». На другой день шептуха является за платой и купаетъ дитя въ сѣнной трухѣ. Если лѣченье не помогло и дитя умерло, то бабка свѣрачиваетъ вину на самую мать, говоря, что она или пожалѣла отдать какую-нибудь принадлежность дѣтской одежды, или оглянулась назадъ, когда бѣжала отъ рѣки домой, или, наконецъ, ихъ кто-

нибудь видѣль во время лѣченья и позавидовалъ, либо сглазилъ. (м. Дмитровка. Запис. Н. С. Тобѣлевичъ).

Отъ *сухотъ* въ купель ребенку кладутъ пометъ воробьевъ.

Отъ *укушенія* паука или гадюки мажутъ рану оливой, настоенной на паукѣ.

«Про *холеру* азгутъ: ходыть жинка изъ симью дитьмы и распускае дитей по вулицямъ, а сама иде по самій главній и душыть людей».

Во время *холеры* обкапываютъ село рвомъ и во рву жгутъ что-нибудь: она боится дыма и уходитъ.

Отъ *чахотки* ѣдятъ сваренные въ меду корни омана (девисила), пьютъ водку, настоенную на лукѣ и мелкой крапивѣ.

Рюмку не допьешь — глаза западутъ.

Нельзя *ѣсть*, когда идешь по воду, «шобъ людены вѣдалысь».

Если съѣшь *курячью ножку*, не научишься ѣздить на конѣ.

Давая въ другую хату *молоко*, надо бросить въ него кусокъ соли, чтобы вѣдьма не испортила коровъ.

Пѣну съ парного *молока*, нечаянно разлитаго, отнюдь не слѣдуетъ растирать ногой: сметаны не будетъ.

Нельзя сдувать *пѣну* на сторону: сливки будутъ рѣдки.

Если *молоко* сбѣжить на огонь, надо посыпать соли, иначе дойки потрескаются у коровы.

Если возьмешь чужое *яйцо*, то будетъ на семь лѣтъ злыдней.

Чтобы *крашанки* не портились, нужно ихъ помыть въ чистый четвергъ.

Нельзя ѣсть свяченой *пасхи* вечеромъ: чортъ будетъ ѣсть вмѣстѣ и можетъ искусить.

«Надъ колодеземъ неззя ѣсть *хлебъ*: буде нечистъ въ колодези».

Чтобы быть любимой (*вар.*: шобъ червоновыдой быть), дѣвушка умывается той *водой*, которой обмыла первый *хлебъ*, только что вынутый изъ печи, а потомъ — икону,

при чемъ приговариваетъ: «Такъ якъ безъ цѣго хлиба
ныхто не обійдеця, такъ и безъ мене шобъ не обійшысь,
и якъ люблять цей святий хлибъ, шобъ мене такъ любылы».

Если съѣсть *цилушку* (горбушку), дѣвки будутъ
цѣловать.

«*Цвиллой хлибъ* йидять, шобъ плавать умить».

«Хто возьме *кусокъ хлиба надзидяный*, то буде ку-
саця на тымъ свити съ тымъ, хто ёго ивъ впередъ
(вар.: сила перейдетъ отъ перваго ко второму»).

Если во время обѣда кто не дастъ *куска хлѣба*
просящему, — будетъ бѣгать за кускомъ хлѣба на томъ
свѣтѣ.

Воръ *рѣжетъ хлѣбъ* отъ себя.

Испортитъ человекъ можно, накормивъ собачьимъ
или котячимъ *мозгомъ*.

Нельзя *ложкой* хозяина мѣшать или брать страву.

Когда подадутъ на столъ *лишнія ложки*, то говорятъ:
«пріймай ложки лишнія, шобъ удовы ны гладчалы» (вар.:
гости будутъ).

При *отряханіи* мокрой *ложки* или руки плодится
нечыста сыла. Ср. Чуб I, 87.

«Якъ на ничь оставить у горшку *ложки*, то дытына
не буде спать». Ср. Чуб. I, 108.

На себѣ нельзя *зашивать одежды* и пришивать пу-
говицы: умъ сошьешь.

Когда есть въ хатѣ дитя, нельзя въ той хатѣ на-
пинать *одежду* на голову.

Нельзя мыть ненадеваную *сорочку*.

Если у своей *сорочки* оторвешь и сожжешь *комиръ*
(воротникъ), то не будетъ дѣтей.

При надѣваніи *рубашки* бросаютъ въ нее желѣзо —
отъ напасти. Ср. Чуб. I, 108.

Шанку нельзя класть на столъ: не будешь имѣть
сторублевой бумажки и будешь, часто ссориться. Ср.
Чуб. I, 102.

Закладка хаты. «Насылавъ я по куткахъ жита,
посередыни поставивъ икону, а самъ лигъ спать у тымъ
мисти, де хотивъ робыть двери, такъ що голова була
въ хату повернута, а ноги на двирь. Просынаюсь у ранку,

дывлюсь, — а я далеко видѣ того мисця, де лигѣ учора, а жыто усѣ пораскыдано, и икона то жѣ перевернута до горы ногамы. Я думавѣ, що, може, такѣ хто пошуткувавѣ зо мною у ночи, та я ны чувѣ, — та й пославѣ на другу ничѣ свого брата. Братѣ заснувѣ и чуитѣ сквозѣ сонѣ, що хто-сь каже: «устанѣ видселя, це мое мисця». Винѣ проснувѣсь: никого нема, а жыто и икону опятѣ перекидыло. Ну я усетаки поставывѣ на тымѣ мисти хату и що жѣ? — у мене у первый годѣ пропало семь штукѣ скотыны. Я узывѣ та й проминявѣ на другу». (Красноглазовка. Запис. А. Янковскій).

Новый домѣ не строятѣ на стѣкѣ старого (гдѣ стекаетѣ вода съ крыши), во избѣжаніе несчастья.

Нельзя хату строить на мѣстѣ прогонномѣ, на дорогѣ и перекресткѣ.

Подѣ столбы кладутѣ деньги.

Новую хату часто до году не бѣлятѣ снаружи, а если и побѣлятѣ, то оставляютѣ небѣленую часть ея, — въ угоду домовому.

Если при постройкѣ хаты бросаютѣ глину въ оконныя отверстія, хата будетѣ чадна.

На новосельѣ. Вечеромѣ берутѣ чистое полотенце и стелютѣ его на чердакѣ, а на немѣ кладутѣ ржаной хлѣбѣ и соль и говорятѣ: «хозяинѣ дому, чи вгодно тобі, щобѣ я у твоей семьѣ живѣ (или: жыла)»? На другой день до восхода солнца смотрятѣ: если хлѣбѣ окажется надѣжденнымѣ, то, значить, хорошо будетѣ житѣся въ новой хатѣ, а если все поднесенное домовому будетѣ разбросано, то будетѣ плохо. (Красноглазовка. Запис. А. Янковскій).

Перейдя въ новый домѣ, хозяинѣ въ первую ночь идетѣ въ прежнее жилище и, обращаясь къ горищу, говоритѣ: «господынѣ хозяинѣ, ходимѣ зо мною въ нову хату».

Нельзя въ *печь* два раза, садитѣ одинѣ и тотѣ же хлѣбѣ.

Головня выпадетѣ изѣ печки — къ гостю (*вар.*: искры вылетаютѣ...).

Дрова горятѣ съ трескомѣ — къ морозу.

Дымъ подымается *вверхъ* — къ *погодѣ*, спускается на *землю* — къ *непогодѣ* (*вар.*: стелется по *землѣ* — къ *дождю*).

Со времени захода солнца нельзя выносить *золу* изъ *хаты*.

Нельзя выкидать *соръ* во время захода солнца.

Глина падаетъ съ потолка — къ *переменѣ* мѣста.

Вечеромъ нельзя смотреть въ *окно* и въ *зеркало*, иначе увидишь какую-нибудь нечисть.

Если вечеромъ стучать въ *окно*, надо окликнуть три раза, и если стучавшій отзовется только одинъ или два раза, то это — нечистый.

При выметаніи дома не надо перебрасывать *соръ* черезъ *порогъ*, чтобы не засыпать мертвымъ глаза.

«На *порози* незя *ѣсты*, шобъ *люды* ны *вѣдалысь*».

«Ны можна стоять на *порози*, якъ *гримъ* *гримыть*».

Нельзя вечеромъ сидѣть на *порогѣ* и ѣсть *краюшку* хлѣба.

Нельзя давать ѣсть на непокрытомъ *столѣ*, чтобы *злыдни* не напали. Ср Чуб. I, 102.

Чтобы удался базаръ, надо всегда вставать изъ-за *стола* первой.

Кого «*захрестятъ*» (кто останется послѣднимъ за *столомъ*, когда всѣ другіе успѣютъ встать и перекреститься), того никогда не возьмутъ въ *кумовья*.

Нельзя *ключи* класть на *столъ*, чтобы *ссоры* не было дома. Ср. Чуб. I, 102.

Въ *столѣ* нельзя стучать, иначе въ домѣ будутъ спорить.

Грѣхъ «распинаться» въ *дверяхъ*, *форткахъ* и *окнахъ*.

Голубиныхъ *перьевъ* не кладутъ въ *подушки*, считая *голубя* *ангеломъ*.

Нельзя черезъ *колыску* подавать *соску*.

Нельзя *колыхать* *порожнюю колыску*: *гойдаешь* *чорта*.

Если смотришь съ вечера въ *зеркало*, то приснятся *цыганы*.

Нельзя переступать черезъ *коромысло*, а то заболѣешь.

Встрѣтишь кого-нибудь съ *порожними* *ведрами*, идя въ *гости*, — не застанешь дома.

Изъ заговореннаго *ружья* можетъ удачно стрѣлять только тотъ, кто его заговорилъ; всякаго другого, кто будетъ изъ него стрѣлять, оно убьетъ.

Ружье, изъ котораго убить человѣкъ, всегда потомъ попадаетъ.

«Ны нысы до дому *гроши*, бо куры послипнуть».

Не нужно копать *заступомъ*, идучи: если человѣкъ ступитъ въ эту ямку, то будутъ раны на ногѣ, а если скотина, то ратыци (копыта) будутъ ломаться; чтобы вылѣчить скотину, надо заставить ступитъ въ ту же ямку и тѣмъ же заступомъ вынуть изъ подъ ноги земли, и, перевернувши ее, сбросить въ ямку снова.

Когда идешь черезъ *смитныкъ*, надо три раза плюнуть, чтобы не напала короста; при этомъ говорятъ: «чѣ смя, того и короста».

«Отъ *млына* ны можна брать гвоздя, бо будутъ щуры въ того, хто возьме».

«Въ *борозни* незя спать: будешь блудить; въ колеѣ тоже: чорты бѣгають» (*вар.*: на межи и дороги знахари и ворожки посылають болѣзни и нечистыхъ).

На *перекресткахъ* крестятся, приговаривая: «перекрестный шляхъ, перекрестна дорога, дай минн, Боже, щастья, здоровья».

Освященіе колодець. Село Михайловка александр. у. раздѣляется на четверти, и каждая изъ нихъ имѣетъ свой колодезь въ степи. Парубки каждой четверти на второй день Троицы приглашаютъ духовенство и устраиваютъ крестный ходъ къ своему колодцу, водосвятіе и потомъ общій обѣдъ; въ качествѣ распорядителей избираются атаманъ и податаманъ; расходы покрываются складчиной, копѣекъ по 20 и больше. Дивчата имѣютъ своихъ два колодца, которые такимъ же образомъ освящаются ими, при участіи, однако, парубковъ, при чемъ также выбираются атаманша и податаманша.

Вѣдьмы. Узнать вѣдьму можно слѣдующимъ образомъ: на Троицу взять тополевою вѣтку, надѣлать колышковъ и побросать на горище, а въ ночь на Пасху затопить ими печь: вѣдьма придетъ огня просить. Ср. Чуб. III, 13. Ср. Ивановъ, въ Сб. Харьк. Ист.-фил. Общ. III, 165, 5.

«*Вѣдьма* мучыцца девять днивъ, погы умре; шобъ умерла швыдче, треба у стели зробыть дирку».

Шель одинъ человѣкъ по деревнѣ домой; видитъ: лежитъ черная собаченка; подходя къ ней, онъ свиснулъ, она бросилась къ нему на грудь, при чемъ онъ замѣтилъ, что она холодна и покрыта слизью; думая, однако, что это — обыкновенная собака, онъ взялъ ее за уши и отбросилъ отъ себя; собаченка легла опять на прежнемъ мѣстѣ; человѣкъ тотъ возвратился къ своему товарищу, отъ котораго онъ шель, и взялъ у него палку, но, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ была собака, онъ не нашель собаки, а увидалъ что-то маленькое, похожее на кошку; онъ ударилъ ее хворостиной, она завизжала и обернулась въ женщину, вскочила ему на плечи и, ударяя его кулакомъ по головѣ, ѣздила на немъ всю ночь по деревнѣ, гвалтуя собакъ. (с. Акацатовка).

Одинъ старикъ рубилъ дрова въ лѣсу; смотритъ: бѣжитъ къ нему собачка; онъ снялъ очкуръ и привязалъ ее къ дереву; собираясь домой, онъ хотѣлъ взять ее съ собою, но собака начала кусать ему руки; старикъ сталъ бить ее, при чемъ собака обернулась бочкой; онъ испугался и началъ бить сильнѣе, тогда бочка превратилась въ иголку съ большимъ ушкомъ, въ которое былъ продѣтъ очкуръ; старикъ, желая сломать иголку, наступилъ на нее, но вдругъ почувствовалъ, что что-то зашевелилось у него подъ ногою; посмотрѣвъ подъ ноги, онъ увидалъ змѣю, страшно испугался и убѣжалъ домой. По прошествіи трехъ дней старикъ умеръ; когда обмывали его, замѣтили подъ сердцемъ у него рану и объяснили это тѣмъ, что змѣя приползала къ нему и сосала кровь (Акацатовка).

«Жывѣ соби чоловикъ и жинка, малы воны соби дочку, а та дочка була видьма, и якъ тикы хто побаче, якъ вона одиваицца, то вона изъистъ того. Одынъ парубокъ и засватавъ йи; прыйшовъ рано до неи, а вона якъ разъ

переедывалась. Вона побачыла ёго и давай гнацца за нымъ, а той парубокъ навтыкы; добигъ до ричкы (а тоди на ричци бувъ ледъ), тай побигъ по леду, а та видьма шо стане на лідъ, та й провалыцца..., взяла та й вернулась до дому и сказала батькови и матери: якъ я умру, то нехай той парубокъ переночуе зо мною тры нocy у церкви, а тры нocy на кладбыщы. Ну вотъ она умерла. Батько и маты сказали тому парубкови: ночуй, а то вона и тебе зъистъ, и насъ. Винъ согласывся. А въ того парубка була титка видьма. Винъ пишовъ и спытавъ титкы, шо ему робыть. Вона каже: «на тоби отъ цю кныжычку, стань посередъ церкви и читай, тики ны дывысь никуды, шо вона ны буды робыть». Винъ взявъ ту кныжычку, ставъ и читае. Отъ поднимаицца крышка домовыны, встае та дивка,—якъ крыкне, якъ свысне. Прибигло багато чортывъ. Вона крычыть на ихъ: шукайте, винъ тутъ! Шукалы воны, покы пивень ны заспывавъ, тоди и порозбигалыся. На другый день пишовъ зновъ парубокъ до титкы; та титка ему сказала: «сядь у ней пидъ головою, вона тебе ны найде!» Винъ такъ и зробывъ. Упьять та видьма встае. Понабигало чортывъ багато, шукалы его, покы пивень ны заспывавъ — ны найшлы. На третій день пишовъ винъ упьять до титкы. Титка ему и сказала: «накупы бублыкывъ, помажь медомъ и пороскладай у церкви по всимъ куткамъ». Винъ такъ и зробывъ: пишовъ у церкви, пороскладавъ бублыкы, а самъ ставъ посередъ церкви и стоить. Понабигало упьять чортывъ багато, а та видьма и крычыть: «шукайте, бо я васъ пойимъ». Воны началы шукать, понаходылы бублыкы у куткахъ и грызуть. Грызлы, покы пивинь ны заспывавъ, а тамъ и порозбигалыся. Парубокъ и каже: добре, уже тры нocy пырыбувъ, якъ-бы ще перебутъ тры нocy. Однеслы ту видьму на кладбыще, парубокъ пишовъ до титкы и спытавъ йи: «шо я теперь буду робыть?» Титка дала ему упьять ту кныжычку и сказала, щобъ винъ ставъ у ней въ ногахъ. Винъ пишовъ, ставъ и чытае ту кныжку. Та видьма встала; понабигало чортывъ, стали шукать его: шукалы, шукалы—ны найшлы. Винъ пишовъ до титкы. Титка каже, щобъ винъ исъ тею

кныжкою ставъ у головахъ у ней. Винъ такъ и зробывъ, пишовъ и ставъ у ней въ головахъ. Упьять встала та видьма, понабигалы упьять ти чорты, шукалы — не найшлы. На третій день пишовъ винъ упьять до титкы, та титка и сказала ему: «бижы въ сарайчыкъ, тамъ пивныкивъ багато есть: который сяде тоби на плечи, ты возьмы ёго и бижы на кладбище; якъ бачитымешъ, шо вже скоро тебе найдуть, то ты визьмы, торкны пивныка, а винъ заспивае, воны и порозбигаюцця». Пишовъ у сарайчыкъ, а биленькій пивныкъ сивъ ему на плечи, винъ узявъ того пивныка, ставъ пидъ хрестомъ и стоить. Упьять встала видьма и стала крычать, шобъ шукалы. А одынъ чортъ сыдыть на крысти и каже: а я бачу, а я знаю! Воны ёго просятъ, шобъ сказавъ. Винъ тикы шо хотивъ сказать, уже сказавъ: «пидъ»...., а той парубокъ торкнувъ пивныка, той пивныкъ заспивавъ, воны порозбигалыся, а винъ пишовъ до дому, та ставъ жыть та поживать, та добра наживать (Большая Выська). См. ст. Н. О. Сумцова «Параллели къ повѣсти Гоголя «Вій» въ «Кіевск. Ст.», т. XXXVI, стр. 472 и сл.

У нашимъ сили була видьма—баба Лыбыдыха. Вона все добре знала. Часомъ було яка дивка закохаицця у якого-небудь парубка, а винъ йи ны хоче любыты, то вона мырщи й до Лыбыдыхы, то вже жъ якъ Лыбыдыха поведе йи у лугъ о пивночи да пошепче, нарве зилля, якого вона знае, наварыть мытлю да до схидъ соньця скупае йи, то вже хочъ бы винъ и ны хотивъ йи любыты, то буде, бо такъ и пече его коло сердца, якъ ны побаче тыеи дивчыны. Кажуть, шо вона, якъ часомъ було кому треба, то и мертвыхъ выкыкала, шобъ повороыты. А смерть йи була така страшенна, шо боронъ Боже усякого крыщеного: стелю зрывалы, навирталы йи ночвамы, а нею такъ и кыда, а буря була того дня, — якъ хать ны забыре. А пырыдала вона свое знання своему любымцю Петру Лищыму и ёго матыри, бо воны якось соби въ ридни,—у який ридни—ны скажу, — а тилько воны—Лыбыды и Лищымы—съ пырысыленцивъ пригнаты до насъ съ Кыивькой губерни. Поворочала жъ и сая Лищымыха,—ны треба вамъ и цыганъ. Приворожувала

вона чоловикивъ до живокъ, парубкивъ до дивокъ и коровъ до тылятъ, а бжилъ до пнивъ. Де спорыця да бьеця чоловикъ зъ жинкою за що - небудь, або свыкруха нывисткы ны злюбыть, тутъ уже и чоломъ Лищымыси, и подяка йи: «голубочко, бабусю, поможить!» Або коривка тыляткы ны прыймае. Вона и руки, и ногамы: «ны знаю, ны поможу, просить мого сына, се винъ вамъ поможе». Тутъ заразъ и сыну горилка, и баби гостыницъ съ подякою.—Лыбыдыха жыла у хутори у нашого пана сторожихою. Колысь у вечери гонывъ я въ той хуторъ напувать волы, я одынъ виль нырнувъ въ бурьянъ та й пошывся геть садкомъ, такъ що я и слидъ загубывъ. Дывлюсь: свитло; ставъ прислухуваця—ажъ гоминь. Тутъ я начавъ прислухуваця, у чимъ ричъ иде. Лищымыха просыть Лыбыдыху зробыть йи людыною та ще надилыть кусокъ хлиба и йи сынови. «Тутъ ни якои мудрости николы ны було, та й теперь нима, тилько, щобъ ты николы ны дримала, щобъ знала, що колы сказати и яке дать мня всякому лыхови: чы пидвйй, або ластивка пидлытила, або пристритъ, або уступила въ сажу, що у вечери трусять, и такъ, щобъ тилько ты могла выгадать. У нимцивъ видьмъ николы нима, въ простымъ же народи де корова, тамъ и видьма. Найбилше портяця коровы тамъ, де ихъ багацько: коровъ багацько, а рукъ мало, и якъ выйде хозяйка доить, то все перше доить лучихъ коровъ, и покы выдоить послидню, а першый теля и дйкы пожуре и вымня набье такъ, що вона на другый день и рогамы, и ногамы, и теля бье, и хозяйкы до себе не допуска. Друга прычына: хочъ де и одна коровка, да хозяйка лыдащо, николы ни напоить своей коровкы во время съ крыныци, а коривка й зализе въ ривчакъ по черыво въ болото; прыйде до дому, тылятко ни ссе, хозяйка вымня ны обмые, та й мучыця до завтрого бидна скотынонька, або часомъ ляже у кизякъ вымнямъ, а отъ того тыля ны ссе, а до ранку такъ йй вымня розипре, що ажъ по за шкуру молоко пиде. Расказавши се усе, Лыбыдыха й каже: якъ поклыче тыбе хто, то кажи: «походыла нывира»; заразъ скажи, щобъ булы высивкы й стричынна й вычирня вода, та

начны товди шыптатъ, що тоби навырзеця на умъ, бо й я шыпчу, знайишь,—стыдно услухъ говорыты; потымъ поставъ корови высивкы сама и пускай тыля, и такъ якъ корова ны бье тыляты, то ты его зразу выдтягни, або одбый видъ коровы, сидай та й дй, а якъ корова на тыля згрызнеця, то скажы, що йи нильзя тышеръ доить; и такъ будышь ходыть вичоривъ пять, покы вся биль зъ вымня выйде и корова стане на своимъ мисци. — Ще хочу спытаця васъ, моя голубочко, для чого збирають на Грыгорія до схиць сонця росу? — «То росу збирають видьмы ны врожденны, а учены, которы своего природного розуму ны мають, а живутъ чужимъ и вирять тымъ, хто надъ бымы сміецця. Ны одну й я ввыла у славу, шо видьмою й пропаде; прыйде та й начне просыть зробыть йи видьмою, ну й станышь йи казать те, на що совисна и розумна жинка ны согласыцца. То на Грыгорія росы зибратъ, то зъ мертвого путце — шо ноги вяжутъ — знятъ, або зъ гроба зымли при людяхъ взятъ.—А може вы й мене обмануите, якъ другихъ? — «Э ни, ей же, ни, ей Богу, прысяй Богу, все правду кажу».—Ну скажыть же мини за ужа, шо коровы ссе: чы его хто до коровы прывороже, чы винъ самъ прыстане, чы то справди домовыкъ, якъ други его домовымъ звуть, и шо, якъ его убьешъ, то корова здохне? — «За ужа, шо винъ ссе,—правда, и це случаи ридки, случаюця тилько тамъ, де загороды для скоту съ соломняной загаты, або мурованы ни щильно съ камня, де можуть заводьщя не тилько ужи, а и гадюкы; но гадюкы скотына до себе ны допустыть, всяка скотына чье носомъ ядь. Ужь также мае чуття: и котора корова дуже смырна, и для молока гарна; якъ допизна ны доицца, то молоко й пачне само збигать; ужь почуе молоко, подыймыця на хвистъ, достане за дйку зубамы, постымъ обмахнеця кругомъ ноги и ссе; корова за нымъ рыветь, якъ за тылямъ: тыля тры дйки ссе, а чытверту обслюныну змийнымъ ротомъ ны зацо ны визьме въ ротъ, хоть и перше ужа, а коло неи смородъ змийный чуть; хозяйка, замитывшы, съ тией дйкы ни доить и покиль ужь приползе, корова скучае. Убыть ужа — корови вреду ны

буде, тилько нужно ту дѣйку разивъ скилько обмытъ и видтерты, покы йи братыме тыля, або самѣй хозяйци нужно доить. У восыни и зимою, колы ужъ обмырае видъ холоду, то товди корова жыва». — А протывъ празныкивъ и Вылыкодня, протывъ Грыгорія нащо тылять ны одлучають видъ коривъ? кажуть, щобъ видьмы ны портылы? — «Видьма ниякъ ны спортытъ, доять чужихъ коровъ подъ выдомъ видьмъ, прывыкши на крадижку, жинкы и, щобъ устрашитъ хозяина, або кого нибудь, хто стриныця, роздягаютьця до голои сорочки, роспускають косу, та й идуть доить чужихъ коровъ; до цего мають соби помшныкивъ, которы также ходять ночью по гробкахъ и по гребляхъ и лякають людей. Колысь, уже давнымъ-давно, мѣй дивырь бувъ моимъ помшныкомъ и все винъ выходывъ ночью на могылкы въ одный сороци та штаняхъ, бравъ съ собою кусокъ полотна, якъ кладуть мертвому, и, хто бъ ны йшовъ съ парубкивъ, або чоловикивъ, уже винъ его такъ зляка, що той бызъ памняты прыйде до дому, та ще й пролежыть, а я ходыла пырыполохъ вылывать. Отъ якосъ винъ разъ хотивъ злякать прыкащыка, выйшовъ зъ гробкивъ навстрычу прыкащыку и ставъ на дорози, полотно дыржавъ на складныхъ рукахъ. Прыкащыкъ сразу злякавсь, а потымъ каже: «стый, ну й я ны звырну!», та якъ вхопывъ его за тее полотно, закутавъ нымъ дивырови ротъ, помнявъ его, понивычывъ, якъ ему хотилось. Писля того дивырь ны лякавъ никого ны до смерты, ны писля смерты». (с. Плетеный Ташлыкъ. Запис. И. Болѣлый).

Жена *волшебница* можетъ сдѣлать мужу такъ, что онъ будетъ летать по воздуху всю свою жизнь, издавая при этомъ слабый, но протяжный крикъ: «пить, пить, пить!» Для того, чтобы опустить его на землю, надо взять кружку съ освященной водой и вокругъ нея водить ножомъ (вар.: ножницами), освященнымъ шесть разъ; по мѣрѣ того, какъ будетъ вращаться ножъ, онъ будетъ опускаться все ниже; наконецъ, когда онъ очутится совсѣмъ близко, кружку принимаютъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, чертятъ ножомъ крестъ: тогда тотъ че-

ловѣкъ опустится на землю, а жена его полетитъ (д. Антоновка. Запис. Шевко).

— Однажды ѣхали чумаки черезъ Крюковъ и остановились на ночлегъ. Остановившись, выпрягли воловъ и принялись, какъ водится, каждый за свое дѣло: тотъ разставляетъ таганы и варить галушки, тотъ чинить возъ, тѣ потянулись въ ближайшій шинокъ, а одинъ изъ нихъ принялся за починку колеса. Возится съ колесомъ и думаетъ о своей молодицѣ, которую оставилъ дома. А молодица и сама соскучилась по мужѣ и задумала привлечь его чарами: взяла горшочекъ, наложила въ него всякаго зелья, приговаривая: «Пылыпъ, Пылыпъ!» закрыла плотно и поставила въ печь, а сама ушла. И вотъ маленькая дѣвочка, бывшая въ хатѣ, слышитъ пискъ въ горшкѣ: «пылыпъ—пылыпъ»; она бросилась къ нему, открыла, но тутъ вбѣжала мать и съ крикомъ: «що ты робышь, дурна, винъ убьецця!» закрыла горшокъ. И дѣйствительно, чумакъ чуть не убится. Жители города Кременчуга видѣли, какъ, осѣдлавши колесо, летѣлъ надъ городомъ чумакъ, и въ то время, когда дѣвочка отерыла горшокъ, чумакъ страшно кричалъ: «пыть, пыть, пыть!» Всѣ смотрѣли, но не могли его остановить. Наконецъ нашелся одинъ знающій человѣкъ, поднялъ вверхъ лезвіе ножа, и чумакъ началъ опускаться; когда онъ опустился, тотъ далъ ему пить, потомъ снова поднялъ ножъ и чумакъ полетѣлъ снова. (Сообщилъ И. Войтакъ по разсказу 90-лѣтней старухи изъ Новой Праги алекс. у.).

У одного мужика былъ сынъ *вовкулака*, который безъ вѣдома отца превращался въ волка, сзывалъ своихъ товарищей-вовкулаковъ и они рвали людей, попадавшихъ имъ на дорогѣ. Однажды ѣхалъ человѣкъ волами изъ той-же деревни, они напали на него и разорвали; за нимъ ѣхалъ другой человѣкъ, верхомъ и, увидя это, ударилъ лошадь и помчался домой. Замѣтили это вовкулаки и пустились въ погоню, но догнать его не могли. Тогда предводитель вовкулаковъ (сынъ того старика) говоритъ товарищамъ, что лучше будетъ оставить погоню, потому что село близко. Человѣкъ тотъ, за которымъ они гнались, узналъ его по голосу и, присѣжавъ въ

деревню, рассказал о своемъ приключеніи отцу. На другой день возвратился сынъ, весь въ пыли и въ поту; на вопросъ отца: почему онъ имѣетъ такой усталый видъ, онъ отвѣтилъ ему, что игралъ съ товарищами. За обѣдомъ старикъ всталъ изъ-за стола и, взявши ружье, хотѣлъ застрѣлить сына, но тотъ выбилъ кулакомъ окно, снова превратился въ волка и убѣжалъ. Такъ съ тѣхъ поръ не было о немъ ничего и слышно (Акацатовка. По рассказу крест. Сем. Вовка).

— Одинъ парубокъ женился на дочери знахарки; и жена, и свекровь были сварливыя; жена начала наговаривать матери на мужа; и вотъ мать пришла къ нему и во время бесѣды, уловивъ минуту, накинула ему на шею шнурокъ и проговорила: «иды по свиту блукаты». Онъ тотчасъ обратился въ волка и былъ выгнанъ изъ хаты. Началъ онъ тогда отъ людей прятаться, чтобъ его не убили, началъ голодать. Но св. Юрій сжаился надъ нимъ и послалъ ему двухъ волковъ; тѣ потащили его къ рѣкѣ, поймали тамъ нѣсколько утокъ, выпотрошили и предлагаютъ ему; онъ было отказался ѣсть сырое мясо, но потомъ попробовалъ и вошелъ во вкусъ, такъ что и самъ принялся ловить утокъ. Потомъ начали они таскать овецъ, рѣзать воловъ и такимъ образомъ прокормились три года. Когда, по истеченіи этого времени, всѣ волки пошли отдавать отчетъ о своихъ дѣлахъ, святой Юрій сказалъ имъ: «много худаго сдѣлали вы въ эти три года,—все вамъ прощу, только отведите этого вовкулаку домой и обратите его снова въ человѣка». Взяли его тѣ два волка и вмѣстѣ съ нимъ три дня бѣжали, что было мочи, до того мѣста, гдѣ его взяли; передъ самымъ селомъ перекусили ему шнурокъ на шеѣ и онъ опять сдѣлался человѣкомъ и послѣ уже никогда больше не обращался въ волка, такъ какъ человѣкъ, пробывши три года вовкулакой и снова принявъ человѣческій образъ, не можетъ уже опять сдѣлаться вовкулакой (с. Лозоватка. Сообщ. Г. Биланенко).

— Одинъ парубокъ довго любилъ дивку, та й не взявъ йи замижъ, вона разсердылась на него и зробыла вовкулакою. Довго бигавъ винъ коло села, вси его прогоняють,

побигъ винъ, куды очи глядять; за одну ничь 300 версть пробигъ, забигъ ажъ у якый-сь лись, найшовъ соби тамъ товаришивъ—шесть вовкивъ, та й живъ зъ ними тры годы. Разъ воны биглы лисомъ, та й попадалы въ яму, у ту, шо выкопавъ мужыкъ, шобъ падалы вовкы. Прыишовъ мужыкъ зъ ружжомъ быть вовкивъ; якъ заглянувъ, а йихъ тамъ ажъ семь штукъ. Винъ и каже: «тихъ шить вбью, а одного не вбью, бо винъ такой чоловікъ, якъ и я» (а той чоловікъ умивъ одмовлять вовкулакъ). Вытягъ винъ того вовкулаку, а тихъ повбывавъ. Повивъ винъ его до дому та й каже: «пырыкынься тры разы чырызъ голову!» Той пырыкынувся, та й зробився парубкомъ, ще кращымъ, якъ бувъ. Тоди чоловікъ той каже: «а бь тебе пустывъ до дому, колы ты довго будышь иты, а лучче зроблю тебе зновъ вовкулакою, то ты за одну ничь пробижышь; якъ тикы прыбижышь, то та дивка, шо зробыла тебе вовкулакою, выйде зъ видрами по воду, ты пробижышь йи помежъ ногы,—вона зробыця вовкулачкою, а ты парубкомъ. Парубокъ псблагодарывъ его, той зробывъ его зновъ вовкулакою, винъ побигъ. Все случылось такъ, якъ сказавъ той чоловікъ. Писля того парубокъ росказувавъ, якъ ему жылось вовкулакою: каже, шо мы безъ спросу у Бога не смилы ничего брать изъ скотыны, а яку вивцю, або що Богъ дозволить брать, то на тій горыть вогонь; а якъ де здохне скотына, то за сто версть було чуть, мы заразъ бижымъ, покачаимъ де небудь, хоть въ попили, а такъ ны будемъ йисты (с. Петроостровъ. Запис. Римскій).

— Одна жинка росердылась на свого чоловіка, зробыла его вовкулакою и прогнала изъ дому. Винъ утикъ у беригъ и начавъ тамъ соби ловыть качкы та йисты. Отъ разъ пишовъ винъ пидь мистокъ и дывыцца: плывуть гуси; винъ начавъ подкрадувацца и ловыть гуску, тикы шо простягъ лапу, а вовкъ иззаду хапъ его за лапу: «а що ты, каже, робышь? ходимъ до нашего старшины». Пишовъ винъ изъ вовкомъ. Зайшлы воны въ непроходиму чащу лиса, и тамъ було дупло; изъ того дупла вылизъ вовкъ здоровый — здоровый и ничего ему и ни сказавъ, тики сказавъ, шобъ винъ съ тымъ вовкомъ

ходывъ скризь, и шо найдуть, тымъ дилылысь пополамъ. Не разъ воны ловылы гусы, овечкы кралы. Разъ воны идуть вечыромъ и бачуть: чоловикъ корме собаку; а вовкъ и каже тому вовкулаку: каже,—гайда, а то цей собака насъ пиднесе. Выйшлы воны за село, а за ними погналысь собаки. Той собака почувъ (которого чоловикъ кормывъ) и побигъ туда. Вовкъ утикъ отъ того собаки, а вовкулака ны може прудко бигты. Той собака догнавъ его, та якъ хватыть, якъ брязне его объ землю, а на ему шкура и лопнула, и винъ зновъ зробывся чоловикомъ; нисъ у его бувъ одкусаный, уши тоже собаки поодкусювалы. Отъ винъ пишовъ въ крайню хату одъ толукы, а той чоловикъ знавъ це и давъ ему сорочку и не давъ ему йисты въ волю до трехъ днивъ, а тикы дававъ ему кусочокъ хлиба и кухоль воды. Потимъ винъ его повивъ до жинки ёго; ввійшовъ винъ у хату и начавъ пытать жынки: де йи чоловикъ дився? Вона росказала ему, а винъ и признався йи, и вона тоди заплакала, що вона ему такъ зробыла, и началы воны зновъ жыть вдвохъ (Записано отъ крест. мальчика изъ с. Глодоссы).

— Одынъ чоловикъ росказувавъ моему дидови, що винъ бувъ вовкулакою и якъ винъ зробывся нымъ. Отъ се, каже, якъ ще винъ скоро оженывсь, то наннявсь въ расправу возыть пысьма. Отъ, одынъ разъ, якъ винъ повизъ ти пысьма, то ему на дорози захотилосъ спать, винъ злизъ съ коня, знявъ зъ его сидло и поклавъ его въ головы, такъ и заснувъ. Колы це чуетъ, що по дорози хтось йиде и крычить: «онъ—вовкъ, онъ—вовкъ, онъ—вовкъ!» Винъ каже, що чувъ це скрозъ сонъ, то тоди и проснувсь; хотивъ було встать, та не може, бо вже стоявъ на четырехъ ногахъ. Якъ подывывсь на себе, та й побачывъ, що весь обрисъ шерсттю, то тоди поклавъ на спину сидло та й ставъ тикать и втикъ въ беригъ, въ очереть такый высокый, що якъ бы чоловикъ ставъ, то ёго бъ не було выдно; отъ винъ тамъ и ставъ жыть. Якъ хоче говорыть, каже, то й завые, якъ той вовкъ. И такъ винъ жывъ довго въ очерети. Якъ уже пройшовъ третій годъ, наступывъ четвертый, то до его явивсь

другый вовкъ и сказавъ ему: «сѣгодня ввечери пидемъ до твоихъ сынивъ и зъимо свиню». Хоть тому человеку було и жалко своихъ сынивъ, а все-таки треба було питы, бо здорово хотивъ йисты. Отъ воны пишлы и зъилы свиню. На другой вечеръ вовкъ каже: «пидемъ да зъимо у твоихъ сынивъ барана!» Отъ пишлы и зъилы. На третій вечеръ той вовкъ зновъ каже: «пидемъ до твоихъ сынивъ да зъимо въ ихъ свиню поросну». Отъ воны пишлы и зъилы ту свиню. На четвертый вечеръ той вовкъ зновъ каже: «пидемъ да зъимо у твоихъ сынивъ коня!» Отъ воны пишлы, вовкъ роздеръ того коня и вдохъ выпылы тилькы кровъ, а тоди и уतिकлы. На пятый вечеръ вовкъ каже: «якъ я буду роздырать корову, що тильна, а ты пиды да стукны въ двери, а тоди прыйды да будемо йисты, а якъ воны будутъ за нами гнаця, то ты не тикай». Отъ, якъ воны прыйшлы, вовкъ пишовъ въ загороду и ставъ роздырать корову, а той вовкулака пишовъ да стукнувъ помаленьку въ двери, а двери такъ и выпалы. Тоди винъ пишовъ въ загороду и сталы йисты корову. Его сыны побралы дручкы та й пишлы въ загороду. Той вовкъ утикъ, а цей остався. Якъ ударывъ его одынъ сынъ дручкомъ по спыни, то винъ сечасъ и заврычавъ: «постойте, не быйте, я вашъ батько!» Воны взяли тоди ёго пидъ руки и повелы въ хату; и покы дйшлы до хаты, то винъ и очыстывся, зробывся чоловикомъ. Тоди винъ розказавъ своимъ сынамъ, що то воны вдохъ съ тымъ вовкомъ шкоду робыли (Записано отъ крест. мальчика изъ Плетенаго Ташлыка).

Про мертвеця. Ишовъ одынъ козакъ лисомъ, зострила его ничъ. Иде дальше,—стоитъ хата; увйшовъ винъ у ту хату, а тамъ ныма никого, тикы одынъ мертвець лыжыть на лавци. Козакъ ны дуже злякався, каже: здрастуйте,—а тоди самъ до себе каже: доброго здоровьячка!—А можно переночувать? —Можно! —Ныма у васъ сина купыть коневы? —Есть!—Поклавъ гривыныкъ на стиль, а самъ пишовъ, поклавъ коневы сина, прыйшовъ, сивъ за стиль и пыта: а ныма часомъ у васъ чего-ныбудь найистыся? —Есть!—Пишовъ у другу комнату,

набравъ вына, хлиба, сивъ та й йистъ; колы дывыцца, а той мертвецъ встае; винъ злякався, а все такы йистъ; мертвецъ каже: «гайда зо мною въ дыревню—туть близько ссть,—сидай на коня та й пойидымъ». Той казакъ сивъ та й пойихалы. Мертвецъ вынявъ изъ кармана въ бутылци вына, пье самъ, а тоди дае козакови, а той козакъ побачывъ, що це кровь чоловычыска, каже: «ны хочу, я уже пывъ у тебе». Прыйхалы у деревню, приходять до одней хаты,—хотивъ иты въ неи, а тоди каже: «туть викна хрыстылы, ходимъ дальше»; прыйшлы до другой, каже: «а туть Богу помолылыся», прыйшлы вони туда, де висилья, той каже: «отце наше!»—пишовъ туда, подавывъ ихъ всихъ — молодого и молоду. Рано всталы, шо за чудо?—все люды мертви! — Той козакъ росказавъ все, якъ було. Люды взяли попа, пишлы въ ту хату, найшлы того человека коло порога, нсложылы въ бочку съ смолою та й спалылы (Большая Виска. Запис. В. Харченко).

Про нычысту сылу. Одынъ чоловікъ ишовъ зъ работы и нисъ съ собою банычку одъ воды. Отъ винъ иде, а вже вечиръ, а села все не выдко. Винъ пишовъ на цвынтаръ и тамъ лигъ на одной могыли спать. Отъ у ночи пидъ нымъ поднымаицца земля; винъ уставъ, одыйшовъ въ сторонку, дывыцца: звытты вылазыть чоловікъ, та й каже ему: «ты чого сюды прылизъ?» А мужикъ каже ему: «та я трохы запизнывся, та й прыйшовъ сюды до васъ переночувать». Тоди той чоловікъ каже ёму,—шо вылизъ: «добре, гайда зо мною! Той ему каже: «гайда!» Отъ вони пишлы, приходять до одной хаты, а той пыта—нечистый: «у тебе йе банычка, — бо я воды хочу?» Той каже: «йе, тикы воды ныма!» Каже: «я достану». Той ему давъ банычку, а той взявъ якымъ-сь крывымъ ножемъ шпортнувъ у уголь хаты, а звытты потекла кровь, а той чоловікъ и не знавъ, шо то кровь. Той напывся—нычыстый, та каже тому чоловікови: «на, пый!» А той узявъ, попробувавъ, а вонс горяче. Винъ тоди каже: «не хочу, бо горяче!» Той его заставлявъ, а мужыкъ такы не схотивъ. Отъ винъ пишовъ и въ другу хату, и въ третю, та все шпорта у углы и пье.

Отъ засливавъ пивень—и его не стало. Той чоловікъ пишовъ у волость и пыта: «чы у васъ тутъ ничего ны робыцца на сели?»—Де тоби, ось цей нocy чeтыри души хто-сь заризавъ!—Той тоди чоловікъ догадався, шо той нычыстый ны углы коловъ, а людей ризавъ, винъ тымъ и каже людямъ, шо въ волости: «гайда, я вамъ найду того, хто це рижe! тикы шо вы мини дасте?» Вони кажуть: «сто карбованцивъ».—Добре, каже мужикъ. Отъ винъ ихъ повивъ на цвынтаръ та й каже: «роскопуйте отъ цю могылу!» Вони роскопалы, винъ и каже: «роскрывайте домовыну!» Вони якъ роскорылы, а тамъ такой чоловікъ маленький, та червоный, якъ бурякъ, лыжить. «Отъ цей,—каже мужикъ имъ,—поризавъ людей». Вони его тоди взяли, того нычыстого, та посиклы его на шматочки, тоди спалылы и стрелялы вмисти съ порохомъ въ зайцивъ, а ту шкуру зъ зайцивъ отдавалы тому чоловікови, ище и сто рубливъ ему далы. Винъ тоди разбогативъ та й ставъ богачемъ на все село (Записано со словъ крест. мальчика изъ Петроострова).

Объ упырѣ. Въ одной деревни появилось шось таке, Богъ его зна—що, та й стало кровь у людей ссать, такъ таки прыйде у чью-нибудь хату та й начне у чоловіка кровь ссать, покы той ны вмере. И багацько людей померло видъ цѣго. Стики людей ны бралось ёго убить, такъ ни могли ничего зробить зъ нымъ, воно всихъ повбывало и кровь выпывало. У одной жинкы въ тій же деревни родився хлопыць, та якъ родився, такъ и ставъ на ноги, та й каже: «давай, мамо, штаны та свыту!» Маты злякалась цѣго, та ажъ крикнула, а винъ видъ цѣго и вмеръ. Отъ прошло ны багацько годывъ, родивсь другой такой хлопыць отъ другой жинкы,— та ны злякалась цѣго, а дала ему батькову свыту и штаны; винъ удився та й пишовъ грацца съ хлопцями на вулицю, катать колеса по дорози. Ти хлопци кслеса котять, а винъ якъ хопыть камынюку, шо въ млынахъ, а якъ пожбурить нею,—ажъ пыль схопыцца, такъ шо и свыту Божого ны видно. Подрисъ цей хлопыць та й пишовъ на ту дыху гадыну, шо кровь ссе, щобъ убить йи. Узнавъ, въ який хати вона буде кровь ссать, выливъ

на всіхъ геть викнахъ поставитъ по видру буракового квасу, а пидъ лавками лягты чотыремъ чоловикамъ, щобъ бачылы, якъ винъ буде зъ нымъ быця. Осъ зашумила шуря-буря, попадалы мыскы зъ мысника, затряслась земля и влытивъ въ хату вампиръ, та й зачавъ, вмисто крови, пыть квасъ. Выпывъ геть зовсимъ квасъ, та якъ побачыть его, та ажъ поблиднивъ, та й кынувся на ёго, а той тоже ны дурный, та якъ схопыть его за чуба, а якъ цъвохне нымъ объ землю, ажъ мозокъ повылитавъ, а потимъ пиднявъ его, та й каже людямъ: «копайте яму на цю штуку!» А воно страшне—страшне: очи якъ горнята, голова, якъ довбня. Выкопалы люды яму, винъ добывъ его, положывъ туды, прыбывъ килкомъ, а самъ якъ пишовъ съ цеи деревни, та билшь его и ны бачылы (с. Акацатовка. Запис. Даленко).

Русалки ходять на перекрестки межей; оттого на межѣ нельзя спать.

Русалки подъ Троицу выходять изъ воды и кричатъ: «ухъ, ухъ! Соломяный духъ! Мене маты породыла, ны хрыщонного утопыла! Ухъ!»

Утопленныкы у пивночы выходять изъ воды, распалюють огонь и гріюця коло ёго; кажутъ, шо вони до тихъ поръ не обсохнутъ, помы не буде страшный судъ.

Домовой похожъ на кота, только съ бородою.

Если *домовой* полюбитъ лошадь, она полнѣеть, а не взлюбитъ—худѣеть.

— Якъ хочишь побачыть *домового*, то лизъ съ горящею страшною свѣчой на горище: если *домовой* буде голый, то худо жить будешь, а если мохнатый, то добре, багато скота буде.

— Ишовъ одынъ чоловикъ, зайшовъ въ одне село и попросывся ночувать. А той чоловикъ, шо прийнявъ, и каже: «нема тоби дать чога и повечерять». — Черезъ то въ тебе нема, бо у тебе *домовый* ледачыи, а ты визьмы палку, полизъ на горище и отлупы ёго. — Той чоловикъ и полизъ на горище; дывыця: сидыть въ красный шапци хлопцы у кутку. Той чоловикъ до ёго, а той *домовый* якъ упхнувъ его съ горища, шо винъ

більше не хотивъ лазыть (Запис. со словъ крест. мальчица изъ Б. Виски).

— У одного чоловика була кобыла, та така жирна, якъ пичка. Той чоловикъ начавъ думать: чого вона такъ скоро стала гладка? Одынъ разъ пишовъ винъ у конюшню, а его коняка мокра, якъ хлющъ. Винъ пишовъ до ворожки, ворожка сказала: визьмы, ляжь пидъ яслами, та й узнаешь, чого вона мокра. Винъ такъ и зробывъ: лигъ пидъ яслами та й лыжить; колы дывыця: иде якийсь хлопчикъ въ красни шапци и несе повынъ мишокъ вивса, ставъ, накормывъ коняку, а тоди давай катаця на неи. Той чоловикъ дывывсь, дывывсь, а его коняка ажъ падае; жалко ему стало коняку, вылизъ винъ спидъ ясель та якъ крыкне: «ты чого катаеся?» а винъ, хто его знае, де и дився. Той чоловикъ на другый день узявъ та и продавъ свою коняку (Б. Виска. Запис. В. Харченко).

— У одного чоловика була коняка, и каждый ранокъ, якъ винъ йи выводывъ изъ хлива, то вона була замучана така и грыва зашлетена такъ, шо винъ не могъ росплысты. Отъ одынъ разъ поклыкавъ винъ свого сосида та й каже: гайда пидстережемъ домового, бо винъ на мой коняци йиздыть кажну ничъ. Отъ вони у ночи и пишлы; дывляця въ дырочку, а домовый одвизавъ коняку та и йиздыть по хливу; а на нему червона шапочка съ кысточкою и била сорочка. Вони оччынылы помаленьку хливъ и хотилы ёго пймать, а ёго и не стало. Вони тоди ту коняку заводылы на ничъ у клуню и сами лягалы спать, и винъ бильше вже не приходывъ (Записано отъ крест. мальчица изъ Петроострова).

Лятавецъ (перелесникъ) — духъ умершаго, является оставшимся въ живыхъ роднымъ, если они сильно тоскуютъ объ умершемъ, и можетъ довести ихъ до смерти. Дѣйствительнымъ средствомъ противъ лятавца считается цвѣтъ папоротника, собранный на Ивана Купала (Красноглазовка. Сообщ. Янковскій).

Злыдни. Одынъ чоловикъ купывъ у другому сели хату и перебрався туды; забравъ усе, тикы не взявъ кружки; выйхавъ винъ изъ двору, колы чуетъ, — щось

крычыть и плаче: «визьми насъ!» Винъ вернувся та и пытае: «хто вы таки?» — Мы твой злыдни! — Винъ ихъ покынувъ тамъ, перейшовъ въ друге село и зробывся богатымъ, а той, шо перейшовъ на его мисце, зробывся биднымъ.

— Разъ ишовъ одинъ чоловікъ полемъ. Встричаецца ему кубышка, а съ тый кубышки винъ почувъ голосъ, каже: «пусты мене, я тоби худого ничего ни зраявъ»; винъ взявъ та й открывъ кубышку; якъ напали жъ на него злыдни, та й до смерти живъ зъ злыднямы (с. Казарня, алекс. у. Запис. Костенецкій).

Обминокъ. Я ще була маленькою, то бувъ одинъ у нашего сусиды, да такой химерный: нижкы у ёго тонесеньки, само маленьке, а голова куды яка здоровезна, и въ старого такой головы нима, а худе,—таке якъ скупка, шо ажъ гидко глянуты, бо ны йистъ анахымьска лычына хрыстіяньского хлиба, а де шо ны гараздъ, то якъ кить прыбыре, якъ шо ласеньке — сальце, або маслычко, або молошна каша. Отто якось разъ поросходылысь наши матыри, вже не знаю—куды: чы на ланъ жать, чы, може, сино громадыть, а дома мы самы гулялы въ пужмыркы. Винъ жмурывся у хати, а мы поховалысь —хто на двиръ выбигъ, а я у синяхъ, пидъ каглою. Ждать-подождать, а винъ ны выходыть насъ шукать; я й заглянула въ хату скризъ дырочку, шо въ дверяхъ, а винъ зробывся такой тонесынькый, якъ гадюка, та довгый,—ногы на земли, а голова ажъ на польци — и йистъ кашу, а я якъ крыкну: шо ты робышь? а винъ упавъ на землю та й разлявся смолою, тилькы мы ёго й бачылы. У вечери прыйшла моя маты до дому, а я й ну розказувать, шо здіялось съ тымъ хлопцемъ; а мама, покойныця, царство їи души, хай їи легко землю дыржать, и стала мени розказуваты, шо то бувъ обминокъ. Я й пытаюся: розкажитъ же мени, шо воно за обминокъ? а покойныця и ну розказуваты: отто, каже, якъ уродыця у кого дытына, то ны годыця у ноци свитла тушыть, покы ны обхрыстять,—часомъ—ничъ, або ночій тры, або й четыри; а то, якъ загасне, то нычыста маты и пры-

нысс свое, а хрыстіансьске визьме соби (с. Плетеный Ташлыкъ. Запис. И. Болѣлый).

Песоголовци — люде зъ однимъ окомъ. Вони якъ поймають русьского чоловика, закыдають его въ яму и кормлять его горихами, рижками, дають ему воды; якъ откормлять, то рижуть мызынный палыць: якъ пиде кровъ, то ще не жирный, а якъ не пиде, тоди вже, значыть, винъ жирный, тоди рижуть его, жарять и йидять (Казарня. Запис. Костенецкій). Ср. Драг., 2, № 3.

— Песоголовцы — люди високаго роста, съ однимъ глазомъ во лбу; они знаютъ, гдѣ закопаны клады, знаютъ цѣлебныя свойства травъ, слышать, какъ трава говоритъ.

— Разъ попался песоголовцамъ одынь парубокъ; вони его зразу кормылы на заризъ, а потымъ взяли его соби за поваря и за лакея, тикы не давалы йиму йисты того, шо вони йидять сами. Той парубокъ знавъ, шо якъ зъйисты того, шо йидять песоголовци, то будешь все знать; отъ винъ начавъ вылизувать то тарилки, то кусочки ти йисты, шо остающя пился песоголовцивъ, и вже ставъ де шо знать. Разъ пойхавъ винъ съ песоголовцями въ степъ; чуе, якась трава балака, винъ и пытаецця песоголовця: «шо це ця трава каже?» — А хйба ты чуешь? — пытаицця песоголовець. «Чую», каже. — Чы не йивъ ты часомъ того, шо мы йимо? — Ни, каже, тикы, якъ колы, то тарилкы вылизувавъ». — Эге, думаетъ песоголовець, дило плохо! — Посовитувався зъ другими песоголовцями, шо зъ нымъ робыть, тоди каже тому парубкови: «ты, каже, не скучаишь за домомъ?» — Ни, каже, я уже давно и забувъ про домъ! (туть винъ збрыхавъ, бо ему уже давно хотилось утикты до дому). — «Ну, то йижъ, каже, все зъ нами, то будешь все знать». Ставъ винъ зъ ными йисты, ставъ все знать, де шо на свити. Отъ, якъ винъ уже узнавъ усе, тоди задумавъ утикты. Разъ песоголовци пойхалы зъ дому, а винъ сивъ на коня тай навтикы. Бигъ, бигъ, прибигъ до ричкы, шо тече на гряныци зъ землею песоголовцивъ; дывыцця, ажъ туть ёго нагоняють песоголовци, винъ скорише вплынь черезъ ричку; тикы шо винъ переплывъ, а песоголовци добиглы до ричкы, а дальше имъ иты

нильзя було, бо то уже була гряныця. Тоди воны и кажутъ ему: «ну, Иванъ, корошъ твій знай, — ляжъ пидъ чернобилемъ спать, то ше бильше будешъ знать». Отъ той Иванъ думавъ, думавъ, та взявъ та й лигъ пидъ чернобилемъ спать; спавъ довго, якъ прокынувся, забувъ те, шо знавъ, а песьголовцивъ уже нема. Тоди винъ догадався, на шо то ему песьголсвци казали, шобъ винъ лигъ пидъ чернобилемъ спать. А преже знавъ всихъ своихъ ворогивъ, знавъ, де гроши закопани. (д. Лозоватка. Зап. Т. Биланенко).

— Одынъ москаль выслужився та йшовъ до дому со службы, та й понавъ до пысыголовця въ хату. А пысыголовця не було дома, винъ пасъ вивци. Отъ той москаль найився та й заховався тамъ въ хати. Колы це прыганя пысыголовыць вивци; загнавъ въ сини, а самъ вийшовъ у хату. Якъ увийшовъ, та почувъ, шо шось йсть, та давай шукать; найшовъ та й каже: «ажъ те перъ я тебе ззимъ». А москаль каже: «ны йижте мене, я вамъ друге око вставляю, а то въ васъ тильке одно». Отъ той пысыголовыць каже: «ну вставъ, маладецъ будышь». Той взявъ москаль зализну палыцю, та роспикъ добре, тоди взявъ та ему въ те око, та й выколовъ. Тоди пысыголовыць якъ начавъ крычать, та шукать, а москаль потехенько вийшовъ у сини та прычыпився баранови коло пуза. Пысыголовыць начавъ выпускать вивци зъ синей; ставъ на дверяхъ та й лапае кажну вивцю, та й каже: «туть нима, туть нима...» Той тоди москаль отчыпився; якъ вийшлы вивци, та й крычыть: «отъ, ты ны пиймайшь!» — та й втикъ до дому. (С. Петроостровъ. Запис. Никиф. Гавриленко).

— Бувъ соби чоловикъ и жинка, малы воны соби сына, а той сынъ казавъ, шо нычого не боицця, и не знавъ, шо то за страхъ. Винъ и каже батькови: «я пиду страху шукать». Батько каже: «иды!» — Винъ и пишовъ. Иде та иде, баче: стоить высокый домъ. Винъ увийшовъ у той домъ; баче — нема никого; сивъ та й сидыть. Колы дывыця: прилитае песьголовецъ зъ однимъ окомъ и хотивъ ёго зъисты; винъ каже: «не йижъ мене! отъ, ты однимъ окомъ бачышь пивъ-свита,

а я зроблю и друге, то ты будешь бачыць увесь свить». Винъ каже: — зроби! — «Ну, каже, нажарь десять пудивъ сала!» Винъ нажарывъ; чоловікъ каже: «ляжь, та я тебѣ звязжу!» Песыголовець лигъ, а винъ взявъ, звязавъ его и выливъ усе сало въ те око. Той песыголовець порозрываваъ вси канаты и начавъ его шукать. Той узявъ, розривавъ вола (стоявъ виль у двори), влизъ и сидыть. Той пысыголовець шукавъ, шукавъ и пытае его: де ты? — Винъ каже: «ось-ось-о! въ воли!» Винъ тоди кынувся до своего скоту, а той парубокъ выскочывъ изъ вола и перелизъ черезъ заборъ. Шукавъ, шукавъ его той песыголовець мижъ волами — не найшовъ и пытае: а де ты теперь? — «Ось-ось-о, за заборомъ уже!» — На жъ тоби хочъ пятакъ мидный! — Винъ кынувъ той пятакъ, парубокъ кынувся на той пятакъ и хотивъ взять, а его руки и прысталидо того пятака. Пысыголовець прыбигъ и одрубавъ ему руки, той тоди парубокъ пишовъ до дому бызь рукъ. Батько и каже ёму: ага, не знавъ страху, ото билше не шукай страху!» (Записано отъ крест. мальчика изъ Большой Виски).

— Бувъ соби чоловікъ и жинка, таки богаты, шо гришми якъ половою сыпалы. Було у ихъ тры сына; жили соби и ниякого горя не знали. Отъ пишлы вони шукать горя. Шлы вони, шлы, колы стричають старого чоловіка зъ однимъ окомъ; посадылы вони ёго съ собою йисты, дають ему сала, а винъ каже: «сегодня пьятныця, я постюсь». Тоди пытають: «а не знаешь, диду, де бъ намъ горя знайти»? Дидъ и каже: «идить вы прямо, цею дорогою, побачите лисъ, а за лисомъ буде стоять скляный заборъ выотою до небесъ, коло забора будутъ пастысь вивци безъ пастуха; тамъ вамъ чоловікъ зъ однимъ окомъ одчынить ворота, и вы туды ввійдете». Поблагодарылы вони дида та й пишлы. Все збулось такъ, якъ сказавъ дидъ: прыйшлы вони до забору, чоловікъ зъ однимъ окомъ одчынивъ имъ ворота, вони ввійшлы туды, винъ заразъ и заперъ ворота; — поклыкавъ ихъ до себе въ хату, вынявъ съ печи жареного чоловіка та й заставивъ ихъ йисты; тутъ вони узналы, що винъ бувъ песыголовець; имъ хочъ не хотилось

Йисты, та мусылы йисты. Потымъ повивъ винъ ихъ у лѣхъ, ажъ за самы нижни двери, та й заперъ ихъ тамъ. Сыдили вони тамъ голодны два дни, на третій приходять песыголовецъ; спытавъ, якъ ихъ звать, запысавъ, тоди взявъ старшого брата, жжарывъ ёго та й ззивъ. На другой день взявъ винъ другого брата — середняго и того ззивъ. На третій день прыйшовъ, взявъ меньшого брата та й думаетъ: не буду ёго йисты, нехай наноситъ минни дровъ. Наносывъ винъ дровъ, силы съ песыголовцемъ та й стали балакать: «отъ, диду, якъ бы тоби друге око, то твій бы весь свить бувъ бы! — а я ликаръ, можу вставитъ друге око, тикы дай минни сажнивъ пъять канату и горщикъ сала». Песыголовецъ ему давъ. Винъ взявъ, обвъязавъ его канатамы, положывъ, розогривъ сало, та й капнувъ ему трошкы въ око. Песыголовецъ якъ стрипнувсь, ажъ канаты полопалысь. А виеъ каже: «ни, постой, лежи ще!» Тоди взявъ та й выливъ все сало та й выпикъ ему око те, що було. Песыголовецъ позамовлявъ викна, а одно забудъ замовыть. Той взявъ росколупавъ ёго ножыкомъ та й утикъ на двиръ, пишовъ въ комару, заризавъ вивцю, замотався йи шкурою. Песыголовецъ вранци выпускавъ овецъ межъ ноги, бо винъ бувъ слипый, — выпустывъ и его зъ вивцями за ворота, зачынывъ ворота и остався самъ въ двори, ходыть по двори та крычыть: «ликарю, ликарю, де ты?» — Ось-ось-о! — «Ну, молодець ты, якъ ты втикъ? На тоби въ памъять золоту палычку!» Той хлопецъ пидишовъ до забору, взявся за палычку, а рука и прыстала. Винъ швыдче вынявъ ножыкъ та й одризавъ соби руку. Пишовъ до дому и бильше не шукавъ уже горя, бо вже узнавъ. (Запис. отъ крест. мальчика изъ Петроострова). Ср. Этн. Обзор. 1890 г. № 1,94 и № 3, 236. Много вариантовъ у др. народностей.

Беременность.

Если беременная женщина толкнетъ ногою кошку, то пуповина обовъется вокругъ шеи ребенка.

Если она оближетъ макагонъ или ложку, дитя будетъ лысое.

Если будетъ шить въ праздникъ «прышые ребенка»

(т. е. роды будутъ трудные). Вар.: ...родится калѣка.

Якъ до порога рубае важка жинка, то родится дитя зъ губою розрубаною.

Вытравленіе плода производять только дѣвушки; для этого пьютъ шафранъ, сандалъ и порохъ.

На рожденіе *мертвого ребенка* смотрять, какъ на тяжелый грѣхъ, и несуть за него церковное покаяніе.

Уроды, по понятіямъ народа, раждаются за грѣхи родителей.

Роды. Передъ родами роженицѣ распускають волосы, разстегивають одежду и заставляють ее ходить, «щаслывого миста шукать», не дають спать. Рожаютъ, становясь на колѣни; при продолжительныхъ родахъ роженица садится на колѣни мужа, причемъ онъ поддерживаетъ ее подъ мышки; чтобы ускорить окончаніе родовъ, заставляють роженицу тянуть веревку, привязанную къ крючку на потолокъ, стрѣляютъ изъ ружья, пускають мельницу. При неправильномъ положеніи ребенка, опрокидывають на животъ роженицы большую макотру и ворочають ею на животъ. Чтобы ускорить выходъ дѣтскаго мѣста, заставляють роженицу дуть въ бутылку. Если родился мальчикъ, его завертываютъ въ отцовскую рубаху, «шобъ батька любивъ». Пуповину мальчику рѣжутъ иногда на книгѣ, «шобъ бувъ до книги».

Крестины. Некрещенное дитя не можетъ спать въ темнотѣ, потому что нечистая сила можетъ подмѣнить его, поэтому спѣшатъ окрестить дитя тотчасъ послѣ рожденія. Передъ тѣмъ какъ нести крестить, баба кладетъ ребенка на кожухѣ, разостланномъ на полу, «шобъ бувъ багатый»; съ кожуха поднимаетъ его кума и кладетъ бабѣ 3—10 коп., а то и рублевку. Для того чтобы дѣти не умирали, берутъ «стришныхъ кумивъ». Послѣ крещенія баба подноситъ на тарелкѣ всѣмъ присутствующимъ по калачу, потомъ тоже на тарелкѣ по рюмкѣ водки или вина и по букетику, зимой — изъ сушеныхъ цвѣтовъ, преимущественно изъ васильковъ и калины; дѣвушкамъ подносятъ по два калача и по два букета (одинъ для суженаго); букетики макають въ рюмку, вино выпивають,

бабѣ даютъ денегъ или обѣщаютъ прійти помочь ей въ работѣ (перья драть и т. п.); потомъ этими букетиками мажутъ щеки родильницѣ и присутствующимъ дѣтямъ, чтобъ румяны были.

Змыкы происходятъ на третій день послѣ рожденія въ слѣдующемъ порядкѣ. Утромъ рано баба приноситъ непочатой воды, наливаетъ ее въ горшокъ и кладетъ туда конопляного сѣмени. Сначала баба купаетъ роженицу въ перерезѣ (шаплькѣ), послѣ чего та надѣваетъ чистую сорочку, и баба даетъ ей умыться; для этого ставятъ на полъ ночвы, кладутъ въ нихъ топоръ и вѣникъ изъ нехворощу, и баба сливаетъ ей принесенную ранѣ непочатую воду на руки, такъ, чтобы она стекала въ ночвы, причемъ роженица проситъ у нея прощенія, и баба у роженицы — тоже. Потомъ роженица подпоясывается и даетъ бабѣ непочатой воды умыть руки, причемъ та три раза даетъ водѣ стекать съ локтя то одной, то другой руки и, собирая ее съ локтя на ладони, мажетъ ею голову и грудь роженицы, а также даетъ этой воды съ коноплянымъ сѣменемъ ей въ ротъ, чтобы у нея было молоко, причемъ приговариваетъ: «дай тоби, Боже, изъ росы, изъ воды». Въ той водѣ, что набѣжала въ ночвы при умываньи, купаютъ и дитя; вѣникъ же сохраняютъ и кропятъ имъ капусту, чтобъ не заводилось на ней нечисти. По окончаніи обряда начинается попойка, въ которой принимаютъ участіе преимущественно женщины. Для этой попойки отецъ обязанъ поставить водку, а баба варитъ ѣду; когда этотъ запасъ водки вышелъ, роженица вынимаетъ изъ подъ подушки свой запасъ водки; потомъ должна послать за водкой баба, а когда подгуляютъ всѣ присутствующіе, дѣлаютъ складчину и наконецъ везутъ бабу «въ шинку купать», причемъ она угощаетъ на свой счетъ. Иногда это веселье продолжается цѣлую недѣлю.

— Втеченіе *трехъ дней* послѣ рожденія ребенка ничего нельзя давать безъ залога, иначе на него нападуть плаксы. *Вар.*: не даютъ ничего и съ залогомъ, а то молоко пропадетъ у матери.

До *шести недѣль* роженицѣ «могила открыта», по-

этому ей въ это время нельзя выходить изъ дому. *Вар*: до 40 дней женщина ни за что со двора не выйдетъ, чтобъ не сглазили.

Уходъ за ребенкомъ.

Кормятъ дѣтей *грудью* долго, иногда до трехъ лѣтъ, въ предупрежденіе новой беременности, но дольше трехъ лѣтъ не кормятъ, чтобы дитя не скоромилось.

Маленькихъ дѣтей никогда *не купаютъ* въ чистой водѣ, а всегда въ травкѣ, или даже въ сѣнѣ (употребительны пырей и сѣнная труха); воду для купанья употребляютъ очень теплую (выше 28°). Послѣ купели равняютъ косточки, сводя локотокъ правой ручки съ колѣнсмъ лѣвой ножки и локотокъ лѣвой ручки съ колѣномъ правой ножки; головку сдавливаютъ руками съ четырехъ сторонъ, чтобы круглая была; тянутъ за носикъ.

Съ перваго-же дня жизни ребенку даютъ соску изъ бублика и сахару, чтобъ молчало. Недѣль съ десяти начинаютъ прикармливать, причемъ сразу даютъ борщу, кулишу, молока, вообще всего, что можетъ ѣсть дитя въ такомъ возрастѣ.

Если ребенокъ долго боленъ, его купаютъ въ крѣпкомъ настоѣ ивы; если послѣ купели вода желтая, то дитя умретъ, а если красная—выздоровѣтъ.

Дѣтей не купаютъ въ купели въ тотъ день недѣли, въ который крестили.

Не купаютъ въ перекипѣвшей купели, иначе дитя будетъ клятое (злое).

Вечеромъ нельзя подымать дитя выше себя: не будетъ спать.

Если есть маленькое дитя въ хатѣ, нельзя ничего занимать послѣ захода солнца: будетъ худое.

Дочь, похожая на отца, и сынъ, похожій на мать, будутъ счастливы.

Если дитя надѣнетъ на голову рѣшето, у него будутъ струнья на головѣ.

Если мальчикъ надѣнетъ намисто,—будетъ тупъ въ наукѣ.

Если дѣвочка надѣнетъ шапку или фуражку, не будутъ косы расти.

Если дитя на седьмомъ году жизни развяжетъ ниточку своего пупка, будетъ разумно и счастливо.

На седьмомъ году дитя видитъ на яву домового.

☾ Когда у дѣтей падаютъ зубы (отъ 7 до 12 л.), надо давать имъ ѣсть корку хлѣба, изгрызенную мышами: тогда зубы будутъ крѣпки, никогда не будутъ болѣть.

Если дѣти дерутся палками или снѣжками, то это предвѣщаетъ войну.

Заговоръ ребенка при отправленіи съ нимъ въ путь.

«Гора зъ горою, вода зъ водою, сало съ саломъ, люде съ людьми, диты зъ дитьми. Нехай не вадыть ни мини ни вамъ» (3 раза).

Крестьянскія дѣти, играя на дворѣ, *ѣдятъ* слѣдующія растенія:

Сусай: стволъ очищаютъ отъ коры, трутъ между ладонями, пока сдѣлается сладкимъ, причемъ приговариваютъ: «сусай, молочай, у медь умочай, а изъ меду та въ выно, щобъ солодче було», потомъ ѣдятъ;

брендуши: ѣдятъ корень, очистивъ отъ коры;

бугилу, козельцы, бабки, дидки, катранъ — ѣдятъ очищенный стволъ;

воробьиного щавеля (два вида: «лопаты» и узкіе) молодого листья ѣдятъ;

камыш молодого корень;

желтой *акаціи* цвѣты;

ѣдятъ *чернобыль, свырипу, бараболу, калачики, половныци*;

одуванчики: отрываютъ цвѣтокъ, облупливаютъ кожу, стебель скручиваютъ бубликомъ и ѣдятъ, что-то приговаривая.

Одуванчикъ служитъ также для забавы такого рода: надрываютъ кожу такъ, что изъ нея получается четыре ленты и съ противоположной стороны дуютъ, причемъ кожа загибается въ видѣ рожковъ.

Изъ ягодъ *шипшины* дѣвочки дѣлаютъ себѣ наместа.

Привязываютъ къ веревочкѣ траву *курай* за корень; одинъ садится на нее, а другой возить.

Кромѣ того, въ употребленіи слѣдующія самодѣльные игрушки: *млинокъ*: двѣ палочки, скрѣпленныя крестообразно посредствомъ гвоздя, вертятся на вѣтрѣ; *скрипка* съ нитяными струнами и со смычкомъ изъ лошадиныхъ волосъ, *повозочки*, *столики*, у дѣвочекъ — *куклы* изъ тряпокъ.

Многіе хлопцы и парубки, а также и взрослые крестьяне *разводятъ голубей*, покупаютъ и крадутъ ихъ; тѣ, которые вертятся, называются *вертуны*, а самыя лучшія тѣ, которые при ходьбѣ трясутъ грудью, черныя и бѣлыя, — *трусаки*.

Среди малыхъ дѣтей въ большомъ ходу *игры подражательныя*. Такъ, дѣвочки любятъ играть *въ свадьбу*; при этомъ одна изъ нихъ называется молодымъ, другая — молодой, остальные — дружками; играющія подражаютъ всѣмъ дѣйствіямъ, составляющимъ сельскую свадьбу.

Маленькія дѣти обоюга пола играютъ въ *похороны*; для этого дѣлаютъ изъ лоскутьевъ куклу, изображающую дитя; одинъ изъ играющихъ становится священникомъ, другой псаломщикомъ, третій гробовщикомъ, четвертый хозяиномъ, пятый гробокопателемъ; у хозяина умерло дитя; просятъ гробовщика сдѣлать гробъ, псаломщикъ читаетъ псалтырь, идутъ пригласить священника, священникъ съ причтомъ отпѣваетъ, гробокопатель копаетъ яму и ребенка (куклу) зарываютъ; хозяинъ раздаетъ людямъ кусочки хлѣба.

Изъ огурца дѣлаютъ бочку; посредствомъ нея достаютъ изъ колодца воды, которую наливаютъ въ выкопанную ямку, изображающую копанку, а изъ копанки уже *поливаютъ огороды*.

Маленькія дѣвочки играютъ *въ коровы*: одна изъ нихъ становится коровой, одинъ мальчикъ — волкомъ, остальные дѣвочки гонятъ коровъ, махая прутьями; волкъ выскакиваетъ и нападаетъ.

Мальчики-пастухи, собравшись въ степи, играютъ *въ шпанки*. Выбираютъ три волка, 2 — 3 чабана, 3 собаки, остальные называются овцами. Чабаны гонятъ овецъ; волки, засѣвшіе въ засадѣ, выскакиваютъ, хватаютъ овецъ и тащатъ ихъ

къ себѣ; остальные овцы разбѣгаются, а чабаны съ собаками гонятся за волками и отбиваютъ овецъ.

Ръ ходу также особаго рода *шутки-шалости*, рассчитанныя на незнаніе и легковѣріе нарочито для того приглашенныхъ дѣтей. Изъ такихъ шалостей извѣстны:

а) *Запустить солнце*: поперекъ маленькой ямки, выкопанной въ землѣ, кладутъ двѣ щепочки, а между ними втыкаютъ палочку; щепки присыпаютъ пылью и мелкой землей; потомъ убѣждаютъ кого-нибудь изъ дѣтей, что онъ увидитъ солнце, если возьметъ конецъ палочки въ зубы; въ то время, когда онъ приступаетъ къ этому дѣлу, другой участникъ игры подкладываетъ два пальца подъ щепки, подбрасываетъ ихъ и порошитъ легковѣрному глаза и ротъ пылью.

б) *Ложки танцуютъ*. Участвуютъ трое, изъ нихъ одинъ—незнающій игры. Одинъ изъ знающихъ кладетъ 4 ложки (или палочки, если ложекъ нѣтъ) по-парно: двѣ внизу и двѣ вверху, въ поперечномъ къ тѣмъ положеніи, потомъ беретъ двѣ шапки, одна изъ которыхъ вымазана сажей, послѣднюю даетъ незнающему, а не намазанную—другому изъ участвующихъ, говоря: «тритьця, ложки будутъ танцовать!». Незнающій пачкаетъ себѣ лицо шапкой.

в) *Отрѣзать рукавъ*. Уговариваютъ одного изъ дѣтей вынуть руку изъ рукава и просунуть его въ пріотворенную дверь; потомъ придавливаютъ рукавъ дверью, наливаютъ въ него воды и быстро отворяютъ дверь, причемъ вода выливается изъ рукава на тѣло.

г) *Перепелыци*. Участвующихъ трое, изъ нихъ одинъ незнающій. Одинъ изъ знающихъ становится на четвереньки и изображаетъ собою коня; незнающаго склоняютъ сѣсть верхомъ на этого коня, завязавъ себѣ глаза и протянувъ впередъ руки, говоря, что онъ поймаетъ перепелицу; въ то время, когда онъ, усѣвшись, протягиваетъ руки, ему подносятъ палку, выпачканную дегтемъ или грязью, и онъ пачкаетъ себѣ руки.

д) *Проводить сквозь стѣнку*. Изъ трехъ участвующихъ одинъ долженъ быть незнающій; его увѣряютъ, что проведутъ сѣвозъ стѣнку; одинъ изъ участвующихъ,

— «вожатый» завязываетъ ему глаза платкомъ, потомъ беретъ его за руку или за туловище и медленно подводитъ его къ тому мѣсту, гдѣ третій участвующій въ это время успѣлъ выпачкать стѣну саломъ или сажей, приказываетъ ему дотронуться до стѣны лбомъ и въ такомъ положеніи придерживаетъ его силой, причеиъ тотъ пачкаетъ себѣ лобъ.

е) *Проходитъ сквозь землю.* Знающій игру связываетъ себѣ ноги веревкой и уговариваетъ кого-нибудь взяться руками за веревку и крѣпко держать ее, обѣщая ему, что проведетъ сквозь землю; когда тотъ ухватится за веревку, онъ быстро переворачивается нѣсколько разъ, причеиъ у того скручиваются руки.

ж) *Пятака доставать.* Кого-нибудь сажаютъ на землю съ приподнятыми колѣнями и предлагаютъ достать съ колѣнъ пятакъ, обѣщая, что тогда послѣдній будетъ принадлежать ему; затѣмъ подъ колѣнями пропускается палка; концы ея поддерживаются серединами согнутыхъ рукъ, причеиъ кисти рукъ складываются впереди, на колѣняхъ и связываются такъ, чтобы онъ не могъ шевелить ими; затѣмъ двое берутся за концы палки, тянутъ его по землѣ и потомъ спускаютъ съ горы.

з) *Вз соломинки.* Кто-нибудь беретъ соломинку, даетъ ее другому и говоритъ: «на цю соломинку въ зубы, и вона тебе заведе, куда ты хочешь». Тотъ беретъ соломинку зубами, а въ это время зачинщикъ игры хватаетъ его пальцами за губы и тянетъ.

и) *Вз церковки.* Копаютъ рядомъ двѣ ямки, одну изъ нихъ накрываютъ щепкой, подъ нее запускаютъ одинъ конецъ палочки, другой конецъ которой долженъ прійтись надъ второй ямкой; щепочку посыпаютъ пылью а сверху кладутъ кусочекъ хлѣба; потомъ уговариваютъ кого-нибудь «взять проскуру съ церкви», и когда тотъ наклоняется взять хлѣбъ ртомъ, зачинщикъ игры давитъ на конецъ палочки, отчего щепочка подскакиваетъ и пыль летитъ тому въ глаза.

і) *Вз палочки.* Зачинщикъ игры даетъ кому-нибудь палочку и говоритъ: «на тоби эту палочку и спрятай, а я у тебя найду, хоть де буде»; въ то время когда тотъ

отходить въ сторону прятать палочку, зачинщикъ беретъ въ руку мелкой земли и потомъ подходитъ къ нему нскать палочку; начинается допросъ: «можетъ быть, въ рукѣ? можетъ быть, подъ ногою? можетъ быть, во рту?» и въ то время, какъ довѣрчивый товарищъ раскрываетъ ротъ, онъ набиваетъ ему въ ротъ земли.

Дѣти «дражняця»:

«Шобъ ты здохъ, антыкъ мохъ, а я вмеръ у четверь, шобъ я съ тебе шкуру здеръ, та продамъ, тоби грошый не оддамъ». (Пл. Ташлыкъ).

Бросаясь комьями земли, дразнить:

а) «Кынувъ, кынувъ, не докынувъ, батько згынувъ, маты пропала, шобъ на тебе короста напала».

б) «Не полавъ, батька и матиръ заховавъ не въ ривъ, не въ долину, а у чортову могилу».

в) «Батька въ лобъ, матиръ у спыну, шобъ привела чорта, а не дытыну».

Затѣмъ практикуется безчисленное множество разнообразныхъ игръ, изъ которыхъ мы приведемъ слѣдующія, менѣе извѣстныя:

1. *Зайчыкъ*. Играющій скачетъ на одной ногѣ, другую придерживая рукою, и приговариваетъ:

Зайчыку, зайчыку, де ты бувавъ?	А я втикъ
Умныца, умныца, що жъ ты выдавъ?	Чырызь бабинъ тикъ,
А я бачывъ симыхы-ворыхы.	Та чырызь колоду,
Чомъ же жъ ты ны вкравъ?	Да упавъ у воду,
А тамъ булы кравчыкы,	Та закрычавъ:
Пырыбылы пальчыкы.	Пи-пи-пи-пи-пи!

Или:

Зайчыку, зайчыку, де жъ ты бувавъ?	Выпыль рюмку, выпыль двѣ,
За горами вотку пывъ,	Зашумѣло въ головѣ.

(с. Плетеный-Ташлыкъ. Запис. Вас. Письменный).

2. *Въ войну*. Играютъ мальчики, чаще всего въ полѣ. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи, каждая изъ нихъ выбираетъ себѣ полковника, которымъ, большею частію, становится самый рослый и сильный

изъ нихъ; уславливаются, гдѣ будетъ «верхъ», гдѣ «низъ»; каждый изъ солдатъ дѣлаетъ на землѣ кругъ, называемый *городкомъ*, и складываетъ въ немъ свое имущество (шапку, пальто, палку). Затѣмъ партіи мѣряются на палкѣ или на соломинкѣ, и кому достанется верхъ, тотъ и идетъ на верхъ. Потомъ партіи начинаютъ сходиться, съ полковниками впереди, и, сойдясь, бьются кулаками; убитые падаютъ, побѣжденные обращаются въ бѣгство, побѣдители преслѣдуютъ ихъ и берутъ городки, захватывая имущество побѣжденныхъ, послѣдніе возвращаются и выкупаютъ свое имущество за деньги, причемъ деньгами служатъ кусочки бумаги. (Плетеный Ташлыкъ).

3. *Царскія (золотыя) ворота*. Двое играющихъ становятся лицомъ другъ къ другу и берутся за руки, потомъ уславливаются въ названіяхъ, одинъ, напр., называетъ себя яблокомъ, а другой грушей; затѣмъ кто-нибудь изъ остальныхъ играющихъ становится между ихъ руками и они спрашиваютъ его: чего онъ хочетъ, яблоко или грушу? Кого назоветъ, того обхватываетъ сзади за талию. Потомъ условныя прозванія измѣняются, между руками становится другой и продѣлываетъ тоже самое и такъ далѣе, пока всѣ, принимающіе участіе въ игрѣ, распредѣлятся по обѣ стороны отъ воротъ; вслѣдъ затѣмъ они начинаютъ тянуть среднихъ въ разныя стороны и тѣхъ, кого перетянуть, проводятъ сквозь строй, причемъ бьютъ шапками, кулаками или жгутами. (Плетеный Ташлыкъ, Семенастое, Новоархангельскъ).

4. *Въ царя (въ разбитного царя)*. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи, каждая изъ нихъ выбираетъ себѣ царя; цари вымѣряются на палкѣ, причемъ кто останется съ верхомъ, тотъ — *бѣлый царь*, а другой — *мурецкый царь*. Партія послѣдняго выстраивается въ рядъ, и участники ея держатся крѣпко руками; насупротивъ строится партія бѣлаго царя; при этомъ цари становятся другъ противъ друга, каждый съ краю своей партіи. Затѣмъ каждый изъ партіи бѣлаго царя, начиная съ края, противоположнаго царю, и кончая самимъ царемъ, разбѣгается и старается разбить руки какой-нибудь парѣ противной стороны; если разбилъ, то отбитую часть уво-

дять въ плѣнъ, и она принимаетъ участіе въ дальнѣйшей игрѣ уже со стороны бѣлаго царя, а если не разбилъ, то самъ остается въ плѣну у турецкаго царя. Играютъ до тѣхъ поръ, пока съ одной какой-нибудь стороны не заберутъ всѣхъ. (Новоархангельскъ. Плетеный Ташлыкъ. Петроостровъ).

5. *Чьи батько дужчий.* Двое играющихъ садятся на землѣ и, упершись ступнями ногъ, стараются перетянуть другъ друга. (Антоновка).

6. *Въ голубей.* Одинъ изъ играющихъ, по желанію, становится *коршунѡмъ*, другой — *хозяиномъ*, третій—вороною; остальные называются *голубями*. Коршунъ и ворона удаляются; голуби дѣлаютъ себѣ изъ соломы гнѣзда и садятся въ нихъ; хозяинъ бросаетъ въ нихъ палкой, кричить: «кишъ!» — голуби разбѣгаются, иные крутятся колесомъ, потомъ вдали садятся и клюютъ (дѣлаютъ пальцами движенія, напоминающія клеваніе); въ это время неожиданно выскакиваетъ коршунъ, хватаетъ кого-нибудь изъ голубей, бьетъ щелчками въ голову; но потомъ прилетаетъ ворона, съ крикомъ: крр! — коршунъ гонится за ней, а голубь улетаетъ. (Глодоссы, Плетеный Ташлыкъ).

7. *Орелъ (шулика) и курица.* Курица становится вмѣстѣ съ цыплятами, причемъ послѣдніе берутся за талію—одинъ матери, остальные — другъ друга; орелъ старается поймать послѣдняго, курица бѣгаетъ и не даетъ цыплятъ; когда орелъ переловитъ всѣхъ, то, вмѣстѣ съ цыплятами, гонитъ курицу сквозь строй. (Новоархангельскъ, Глодоссы, Панчевъ, Абрамовка).

8. *Въ полотна.* Играющіе берутся за руки и становятся въ рядъ, причемъ съ краю становится самый высокій изъ нихъ, называемый *стовбомъ*. Онъ долженъ стоять неподвижно, а остальные обматываются вокругъ него; когда всѣ обмотаются и совьются въ клубокъ, то двое или трое крайнихъ отрываются отъ цѣпи и толкаютъ остальныхъ. (Глодоссы).

9. *Въ кольцо.* Играющіе садятся попарно всѣ, за исключеніемъ одного, который, зажавши между руками кольцо или какой-нибудь другой предметъ, который дол-

женъ собою замѣнить кольцо, обходить ихъ, останавливаясь передъ каждой парой, и дѣлаетъ видъ, что даетъ кольцо; незамѣтно оставивъ у кого-нибудь кольцо, онъ отходить къ сторонѣ и говорить: «кольцо, ко мнѣ!» Тогда тотъ, у кого находится кольцо, долженъ бѣжать къ нему, а сидящій съ нимъ въ парѣ удерживаетъ его; если его удастся удержать, то онъ кладетъ за себя фантъ, а если не удастся, то фантъ кладетъ тотъ, кто сидѣлъ съ нимъ въ парѣ. У кого нашлось кольцо, тотъ теперь будетъ давать его и уступаетъ свое мѣсто тому, кто передъ нимъ давалъ. По окончаніи игры тотъ, у кого не было фанта, назначаетъ наказаніе. (Петроостровъ, Ново-архангельскъ, Семеновское).

10. *Въ красокъ.* Играющіе собираютъ цвѣты, и каждый беретъ себѣ условленное число цвѣтовъ, или *красокъ*, положимъ — десять и, кромѣ того, долженъ отыскать *царька*, т. е. неподходящій къ остальнымъ, но одинаковый у всѣхъ, цвѣтокъ; всѣ садятся въ кружокъ и цураются: цуръ, я первый! цуръ, второй! и пр.; зацуравшемуся первымъ всѣ сдаютъ свои краски съ царьками; онъ кладетъ ихъ на ладонь, подбрасываетъ вверхъ и ловитъ пястемъ руки, потомъ подбрасываетъ пястемъ и ловитъ ладонью, затѣмъ считаетъ, сколько поймалъ; если онъ поймалъ четное число, то отдаетъ слѣдующему, (второму), если нечетное и безъ царька, то беретъ всѣ пойманные цвѣты себѣ и опять ловитъ, пока поймаетъ четное число или нечетное, но съ царькомъ. Когда выловятъ всѣ краски, каждый считаетъ, сколько всего поймалъ красокъ и сколько недостаетъ до условленнаго числа (положимъ, до десяти); тотъ, кто выловилъ больше условленнаго числа, бьетъ щелчкомъ по косточкамъ руки тѣхъ, у кого недостаетъ до условленнаго числа; если у него нѣтъ царька, то бьетъ за царька 5 разъ. (Петроостровъ).

11. *Въ орѣхи.* Одинъ изъ играющихъ зажимаетъ въ рукѣ нѣсколько орѣховъ и, протягивая руку другому, спрашиваетъ: чотъ или нечотъ (цидъ или лышка)? Если тотъ угадаетъ, то выигралъ, а если не угадаетъ, то долженъ отдать такое-же количество орѣховъ, какъ и въ рукѣ; кто выигралъ, тотъ загадываетъ дальше; играютъ

до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ участвующихъ не проиграетъ всѣхъ своихъ орѣховъ, или пока «не очортіе». (Гладоссы, Семенастое).

12. *Вз сѣрниковъ.* Зажимается въ рукѣ сѣрникъ; угадываютъ: куда головкой—вверхъ или внизъ? Угадалъ — выигралъ, и будешь загадывать. (Гладоссы, Панчевъ, Петроостровъ, Аврамовка, Плет. Ташлыкъ).

13. *Вз деньги.* Играютъ зимой, на льду. Одинъ изъ играющихъ ставитъ во льду мѣдную монету; потомъ отмѣриваютъ 15 — 20 шаговъ, и второй бьетъ пятакомъ, такъ чтобы онъ летѣлъ по льду плашмя и попалъ въ ребро монеты; если собьетъ ее съ мѣста, — беретъ себѣ; проигравшій-же ставитъ вторично и бьетъ; если попалъ, то противникъ обязанъ отдать ему такую монету, какую онъ сбиль. (Плетеный Ташлыкъ, Аврамовка, Панчевъ).

14. *Вз пуговочки.* Выкапываютъ маленькую ямку; отходятъ отъ нея шага на три и по очереди бросаютъ пуговицей, стараясь попасть въ ямку; если попалъ, то это называется *буцъ*; потомъ бьетъ щелчкомъ тотъ, чья пуговка ближе всѣхъ къ ямкѣ, и если попалъ, бьетъ ближайшую чужую пуговицу; сколько кто разъ попалъ, столько выигралъ пуговицъ; игра кончается, когда не хватитъ пуговицъ. (Новоархангельскъ, Аврамовка, Плетеный Ташлыкъ).

Вариантъ: Играютъ двое; отмѣриваютъ на землѣ 3—4—5 четвертей, по условію; одинъ ставитъ на концѣ отмѣренного пространства свою пуговицу, а второй на другомъ концѣ кладетъ свою; затѣмъ кто-нибудь изъ нихъ бьетъ щелчкомъ, и если попалъ, беретъ, а если не попалъ, то другой участвующій бьетъ непопавшей пуговицей въ свою и можетъ выиграть также. (Гладоссы, Панчевъ).

Игра эта подъ другимъ названіемъ («въ ямки») известна въ предмѣстьѣ Елисаветграда Чечорѣ; но здѣсь въ началѣ игры бросаютъ свои пуговицы всѣ участвующіе разомъ и играютъ иногда на деньги.

15. *Вз классы.* Участвующіе цураются (цуръ, я первый, цуръ, второй и т. д.). Вышедшій первымъ отмѣриваетъ одинъ шагъ отъ стѣны («первый классъ»), бьетъ

въ стѣну мячомъ 3 раза и ловить мячъ, если не поймалъ, то начинаетъ второй; если поймалъ, то переходитъ во 2-й классъ, т. е. отмѣриваетъ 2 шага, бьетъ и ловить также 3 раза и т. д. Послѣ перваго начинаетъ второй; послѣ всѣхъ мячъ переходитъ къ оставшимся въ классахъ; если вышли всѣ, за исключеніемъ одного, то ему назначаютъ наказаніе: по 5 — 6 ударовъ въ руку или въ спину отъ каждаго, на разстояніи 5—6 шаговъ. При возобновленіи игры не цураются, а соблюдаютъ тотъ порядокъ, въ которомъ вышли въ первую игру. (Семеновское, Новоукраинка, Петроостровъ, Тишковка).

16. *Въ котка.* Играютъ 3 — 4 мальчика. Сначала цураются (цурь, я первый, цурь, второй и пр.). Вышедшій первымъ бросаетъ мячъ на крышу и ловить условленное число разъ или пока не упустилъ; если упустилъ, то второй этимъ-же мячомъ бьетъ перваго, а тотъ спасается бѣгствомъ; если второй попалъ въ него, то бросаетъ мячъ на крышу и ловить, а если не попалъ, то играть начинаетъ опять первый. Если второй упустилъ мячъ, то бьетъ въ него третій. (Глодоссы).

17. *Въ серединки.* Три мальчика становятся одинъ за другимъ; крайніе перебрасываютъ одинъ другому мячъ и ловятъ его по три раза; кто изъ нихъ поймалъ три раза, тотъ получаетъ право бить въ средняго, хотя можетъ и не пользоваться этимъ правомъ, а перебросить мячъ обратно другому крайнему; если крайній билъ и попалъ въ средняго, то средній отбивается, причемъ крайніе убѣгаютъ; если онъ отбился, то мѣняется мѣстами съ тѣмъ, съ которымъ бился; если крайній бросаетъ въ средняго и не попадетъ, то идетъ на его мѣсто. (Петроостровъ).

Вариантъ I. Когда кто-нибудь изъ крайнихъ попалъ въ средняго, то крайніе быстро мѣняются мѣстами, такъ чтобы средній не успѣлъ попасть; при этомъ, если крайній вернулся на свое мѣсто, то средній въ него бить уже не смѣетъ (Кальниболотъ).

Вариантъ II. Играетъ четное число мальчиковъ; верхняя партія становится кругомъ, а нижняя въ серединѣ круга; мячъ бросаютъ сосѣду, по солнцу; кто пой-

малъ три раза, тотъ бьетъ въ нижнюю партію; если попадетъ, то нижняя партія должна отбиваться; если отобьется, то идетъ на верхъ; если бившій изъ верхней партіи не попадетъ, то верхняя партія идетъ на низъ (Новоукраинка).

18. *Блудъ*. Втыкаютъ въ землю колокъ; потомъ по очереди забиваютъ его палкою, закладывая ее между пальцами, начиная съ той стороны, гдѣ мизинецъ, причемъ каждый ударяетъ его 4 раза; промахнувшійся вытаскиваетъ колокъ, между тѣмъ какъ остальные разбѣгаются, и старается попасть имъ въ кого-нибудь; если попалъ, то побитый долженъ отбиться, если не попалъ, то называется *блудъ* (Тышковка).

19. *Рай-дай* (въ рая, въ перстня, курочки, въ гадыла). Выбираютъ бога и чорта. Играющіе садятся въ рядъ, сложивъ руки ладонями; чортъ отходить и дѣлаетъ видъ, что куритъ трубку, причемъ роль трубки играетъ палочка; богъ обходитъ всѣхъ, дѣлая видъ, что кладетъ что-то въ руки, и кому-нибудь дѣйствительно даетъ палочку; потомъ чортъ обходитъ сидящихъ, указывая на каждого и произнося поочередно: *рай-дай*; если онъ скажетъ *дай*, указывая на того, у кого палочка, то беретъ его себѣ, а если не угадалъ, то богъ беретъ себѣ; наконецъ играющіе раздѣляются на двѣ партіи; партіи берутся руками за большую палку и перетягиваются черезъ черту, проведенную на землѣ: какая партія перетянетъ, та побѣдила; побѣдившая партія дѣлится на два ряда, которые становятся другъ противъ друга, а побѣжденная проходитъ сквозь строй три раза, причемъ побѣдители награждаютъ побѣжденных ударами кулака въ спину (Петроостровъ).

Въ Новоархангельскѣ эта игра называется «въ перстня»; обходя сидящихъ, чортъ говоритъ: «гады, гады, гадыло, що по полю ходыло, дай, боже, угадаты, въ яки руци перстень взяты» и ударяетъ по рукамъ *трубкой* того, у кого предполагаетъ спрятаннымъ перстень.

Въ Синюхиномъ Бродѣ игра называется «курочки». «Курочкой» называется и палочка, которую прячутъ. Когда она спрятана, то богъ говоритъ: «иды, чортъ, до

курча, дамъ тобі калача». Когда играющіе раздѣляются на партіи, богъ беретъ *курочку*, закладываетъ за спину руки, потомъ обѣ руки протягиваетъ чорту и, повараживая кулаки, говоритъ: «сутули, мутули, на тобі, чорте, дви дули!» Тотъ угадываетъ, гдѣ курочка, и если угадалъ, то одинъ изъ партіи бога переходитъ къ чорту; потомъ тоже самое дѣлаетъ чортъ — каждый по 3 раза. Послѣ того какъ партіи перетянутся, богъ и чортъ берутся за одну палку и стараются выкрутить ее другъ у друга изъ рукъ, и у кого изъ нихъ выкрутятъ палку, тотъ проходитъ сквозь строй.

Въ Тишковкѣ игра извѣстна подъ названіемъ «рай». Отдавши палочку, богъ зоветъ чорта слѣдующими словами: «иды, чортику, зъ за куста, я дамъ тобі кусокъ калача»!

Подъ такимъ-же названіемъ существуетъ игра въ Кальниболотѣ. Когда у бога останется одинъ, чортъ идетъ курить трубку и отворачивается, а Богъ кладетъ оставшемуся въ одну руку земли, а въ другую травы, причемъ трава представляетъ собою борщъ, а земля — кашу, и говоритъ: «чорте, чорте, иды до мене галушокъ йисты»! а оставшійся, протягивая чорту руки со сжатыми кулаками, спрашиваетъ: «въ якому борщъ, въ якому каша»? Чортъ угадываетъ до трехъ разъ, если угадаетъ третій разъ — беретъ его себѣ. — Варіанты этой игры подъ разными названіями см. у Чуб. III, 105, № 57, у Иванова, въ Харьк. Сб., II, 61, № 74 и у Покров., 355.

20. *Въ кашу*. Играющіе становятся въ кучу, а одинъ стоитъ въ сторонѣ съ палкою; онъ спрашиваетъ: «чы густа каша»? — Если отвѣчаютъ: «густа», то онъ бросаетъ палку въ кучу, чтобы она стала «ридкою», причемъ играющіе разбѣгаются; если же отвѣчаютъ: «ни, ридка», то онъ обходитъ кругомъ ихъ и сгоняетъ палкою, чтобы каша сдѣлалась гуще (Синюхинъ Бродъ).

21. *Десятороука цурка* *). Играющіе выбираютъ двухъ матокъ, которыя потомъ мѣряются на палкѣ; къ старшей (или верхней) маткѣ подходятъ играющіе попарно и спрашиваютъ: небо или земля? и т. п., и кого она выбе-

*) Десятая рота, — названіе села Канижа. Въ Плетеномъ Ташлыкѣ эта игра называется *молдаванска цурка*.

реть, тотъ остается съ ней, а другой уходитъ къ младшей. Когда всѣ играющіе раздѣлятся на двѣ партіи, старшая матка съ своей партіей идетъ въ *городокъ*; здѣсь копаютъ ямку и втыкаютъ въ нее наклонно палочку, или цурку; этотъ пунктъ городка называется *дучкой*; отъ дучки отмѣриваютъ три шага и дѣлаютъ замѣтку; это будетъ т. н. *середина*; отъ середины отмѣриваютъ еще 3 шага—это уже конецъ городка. У cadaго члена старшей партіи имѣется по нѣскольку палокъ, а ихъ матка должна имѣть больше всѣхъ. Младшая партія, сложивъ свои палки, размѣщается съ разныхъ сторонъ дучки, и самый проворный — поближе къ ней. Старшая матка отъ конца городка бьетъ палкой въ цурку; цурка отлетаетъ, матка бѣжитъ за палкой, младшая партія ловитъ на лету цурку, которую потомъ бросаютъ тому, кто стоитъ близъ дучки, и тотъ долженъ заложить ее въ дучку раньше, чѣмъ матка перескочитъ въ городокъ, и если заложилъ, то матка бросаетъ палку на то мѣсто, гдѣ взяла цурку, и идетъ на середину городка бить остальныхъ; когда всѣ палки вышли, то бьютъ остальные члены старшей партіи, начиная съ края; если матка успѣла вскочить въ городокъ раньше, чѣмъ заложили дучку, то бьетъ той-же самой палкой вторично. Если израсходованы всѣ палки, то старшая партія идетъ *въ поле* (Панчевъ).

22. *Шурды-бурды (квилы)*. Играютъ двое. Чертятъ на землѣ четырехугольникъ и дѣлятъ его на четыре части; потомъ каждый изъ участниковъ игры беретъ по 3 палочки и втыкаетъ ихъ въ точки пересѣченія линий, наблюдая при этомъ, чтобы палочки cadaго изъ нихъ стояли не подъ рядъ; затѣмъ переставляютъ ихъ въ незапятнанные мѣста, на этотъ разъ уже стараясь поставить ихъ рядомъ; кто достигнетъ этого, значитъ — взялъ взятку; игра можетъ также окончиться розыгрышемъ (Глодоссы, Петроостровъ, Панчевъ).

23. *Воръ и ворожка (у царя и вора)*. Дѣлаютъ пять билетовъ съ надписями: «воръ», «ворожка», «судья», «хозяинъ» и «коть», садятся въ кругъ; желающій разносить билеты въ шанкѣ и ихъ разбираютъ; иногда,

вмѣсто раздачи билетовъ, одинъ кто-нибудь говоритъ каждому на ухо названіе его роли. Потомъ тотъ, кому вынулась «ворожка», беретъ жгутъ и бьетъ по ладонямъ (которые обязаны ему подставлять), кого выберетъ, со словами: «руки на базарь!» и если ударить «вора», то онъ, а за нимъ судья, хозяинъ и катъ выходятъ въ кругъ. Судья спрашиваетъ хозяина: «что онъ у тебя уворовалъ?». Хозяинъ отвѣчаетъ: вола, или лошадь или т. п. Тогда судья присуждаетъ дать вору нѣсколько штукъ горячихъ, или, по его усмотрѣнію, — холодныхъ и катъ приводитъ въ исполненіе приговоръ, при помощи жгута. Потомъ «ворожка» раздаетъ билеты снова, и игра возобновляется. Если-же «ворожка» не угадала «вора» и воръ остался послѣднимъ, то всѣ бьютъ ее по рукѣ-же по одному разу тѣмъ-же жгутомъ (Петро-островъ, Новоукраинка, Панчевъ).

Въ д. Аврамовкѣ Владиміровской вол. эта игра называется «у царя и вора». Играющихъ только четверо: «царь», «воръ», «катъ» и «бѣдный человѣкъ»: Царь спрашиваетъ: «кто бѣдный человѣкъ?». «Бѣдный человѣкъ» объявляетъ себя «царю». «Кто тебя обокралъ?» — спрашиваетъ царь. «Бѣдный человѣкъ» долженъ указать вора, причемъ, если указалъ правильно, то „катъ“ даетъ вору жгутомъ столько ударовъ, сколько назначить «царь», а если, по ошибкѣ, вмѣсто «вора», укажетъ на «ката», то удары получаетъ самъ.

24. *Сорока*. Играющіе садятся въ кружокъ; раскалываютъ пополамъ маленькую палочку и съ расколотою стороны срѣзаютъ одинъ конецъ, потомъ сжимаютъ эти половинки между двумя пальцами срѣзанными концами вмѣстѣ и бросаютъ; если обѣ половинки упали расколотыми сторонами вверхъ, то бросившій — «панъ», если тыльными частями, — «цыганъ», если одна тылемъ, а другая расколотомъ — «сорока». Затѣмъ цыганъ отсчитываетъ по рукамъ сорокѣ жгутомъ столько горячихъ, или холодныхъ, сколько скажетъ панъ. Если играющихъ много, бросаютъ палочки по солнцу, въ томъ порядкѣ, въ какомъ сидятъ. Когда выйдетъ новый цыганъ, старый передаетъ ему «цыганство», ударяя въ ладонь и приго-

варивая: «на тоби панство-цыганство, рябу кобылу кругомъ хаты гоняты, рябой кобылы шукаты» (*вар.*: «на тоби цыганство, на тоби панство, коня вороного, хвайду^{*)} до ёго, хамути у стриси, а дуга у лиси»). Панство-же передается пожатіемъ руки со словами: «на тоби панство». Если панъ не выходитъ долго, и цыганъ — тоже, то ждуть, пока выйдуть, и когда панъ вышелъ, то присуждаетъ удары за всѣ разы, всѣмъ, выходившимъ «сорокою», не исключая и самого себя. Если кто ударитъ другого, не имѣя на то права, то обязанъ выдать обиженному жгутъ, и тотъ возвращаетъ ударъ (Петро-островъ, Калниболотъ). Коротенькій вариантъ у Иванова, въ Сб. Харьк. Ист.-фил. общ., II, 38, № 33.

25. *Борозденька*. Копають маленькіе ровики, оставляя между ними бороздки, по числу играющихъ; участвующие въ игрѣ присѣдаютъ вокругъ и по очереди, по солнцу бросаютъ вверхъ ножъ; если ножъ упадетъ условленной ранѣе стороной, то это считается выигрышемъ; тотъ случай, когда ножъ воткнется въ землю, предварительно надо зацурать на какое-нибудь число (напр. на десять); по числу выигрышей играющие отрѣзываютъ землю со своей борозды, отмѣривая шириной ножа; потомъ, тому, кто не вышелъ, закрываютъ шапкой глаза, даютъ въ руки землю, отрѣзанную съ бороздокъ, водятъ его, заставляють выкопать ямку и спрятать эту землю, затѣмъ водятъ снова и приводятъ на мѣсто игры; здѣсь онъ можетъ снять шапку съ глазъ и начинаетъ искать спрятанную землю; если найдетъ — откупился, а если нѣтъ, то идутъ вмѣстѣ съ нимъ и бросаютъ въ него этой землей (Новоукраинка). Короткіе варианты у Исаевича въ Кіев. Стар. 1887 г. № 18, 484, х. и у Иванова, Сб. Харьк. Общ. II, № 29.

26. *Шапки*. Одинъ мальчикъ становится, нагнувъ голову, опершись руками въ землю и раздвинувъ ноги. Другіе играющие бросаютъ между его ногами шапки, стараясь забросить подальше; онъ ищетъ шапки, зажмуривъ

*) Шеть.

глаза, и чью первую найдетъ, тотъ становится на его мѣсто. (Тишковка).

27. *Въ скрякачи.* Одинъ изъ играющихъ — или по согласію, или послѣ вымѣриванія на палкѣ, становится, нагнувшись впередъ и заложивши руки за спину, ладонями вверхъ; затѣмъ ему закрываютъ глаза и сильно бьютъ по рукамъ; послѣ каждаго удара ему открываютъ глаза, и онъ долженъ указать, кто его билъ; если узналъ, то на его мѣсто становится тотъ, кто билъ; а если не узналъ, то продолжаютъ бить (Глоссоссы, Аврамовка, Тишковка).

28. *Въ бобра.* Одинъ изъ играющихъ называется «хозяиномъ», а другой «бобромъ», остальные играющие «гончими». Хозяинъ накрываетъ гончихъ полой или чѣмъ-нибудь инымъ, а бобръ прячется. Закрывши всѣхъ гончихъ, хозяинъ произноситъ: «бобре, бобре, ховайся добре, я хортивъ маю, у поле пускаю, уси звоны звонять, тебе догонять». Потомъ раскрываетъ ихъ, они бѣгутъ и ищутъ бобра; кто первый догонитъ, тотъ становится бобромъ, а бобръ — гончей. Когда бобра, ставшаго гончей, приведутъ, то хозяинъ его спрашиваетъ: «бобре, бобре, де ты бувъ?» — Въ лиси. — «Шо ты робувъ?» — Колеса. — «А де жъ твои колеса?» — Попродавъ. — «А де жъ твои гроши?» — Проскуры купувъ. — «А де жъ твоя проскура?» — (указывая поочередно на гончихъ). Тому давъ, тому давъ... а на того (указываетъ на того, кто его поймалъ) крыхта впала (Глоссоссы). — Короче варианты у Чуб. IV, 40, Покров, 115 и Иванова, Сб. Харьк. Общ. II, № 70.

29. *Въ борща.* Играющие втыкаютъ въ землю палки, которыя образуютъ кругъ; одинъ изъ участниковъ игры идетъ въ середину круга, а другіе стоятъ каждый у своей палки; тотъ, что въ серединѣ, подходитъ къ каждому и проситъ: «дай борща!» и ему даютъ что-нибудь: траву, палочку, бумажку. Послѣ того, какъ онъ обойдетъ всѣхъ, всѣ перемѣняютъ мѣста, причемъ онъ старается занять также мѣсто у палки, а тотъ, кто остался безъ мѣста, идетъ въ кругъ (Плетеный Ташлыкъ).

30. *Ластивка.* Играютъ большею частію дѣвочки;

одна изъ нихъ кладеть свои руки на ладони другой; послѣдняя бьетъ ей руки и говоритъ: «печу, печу ласточку»; а та спрашиваетъ: «а утечешь?» — утечу! — и убѣгаетъ, а другая догоняетъ (Тишковка, Новоархангельскъ). Ср. Чуб. III, 103, № 51.

31. *Жмурки*. Игра общезвѣстная. При ней употребительны слѣдующія *личилки*:

а) Ась бись лука фора якъ піймала баба вора та й звязала руки-ноги та й пустыла по дорози, хто йде — ны мыне, по копіечкы дае.

б) Ана рана катарана дой слой цымбурой калидни-ка тупорамъ принди баба япурамъ ди кожокъ ди мотокъ ди бланица ди мыца паскотомца.

в) Ани бани столь (что) подь нами подь желѣзными столбами стульчикъ мультчикъ самъ корольчикъ на телѣжкѣ колокольчикъ дзинь, брязь, выйди князь.

Вар. Ани бани хто пидь нами подь жилизными стовбами альчикъ мальчикъ самъ корольчикъ крестъ. Ср. Ивановъ, Сборн. Харьк. Общ. II, 51.

г) Бигла кукла по току въ зеленому колпаку, куколка маленька, де твій панинька? въ мене батька нема, тики пипъ-попада, я попова дочка, шинкарочка молода, сахаръ билый, виноградъ спилый, табатырка съ табакомъ, красна дивка съ козакомъ. Ср. Ивановъ, 50, д.

д) Бигла пина по за морю, стали пину быть-быть колотыть, чашка ложка у медокъ, выйды, выйды, королекъ.

Вар. I. Бигла пина по за море, стали пину быты, стали колотыты, срибною ложкою, у медокъ-сахарокъ, пошелъ вонъ, каріекъ.

Вар. II. Бигла пина по за моремъ, а хто бувъ, колотывъ, чашка ложка ше й мыдокъ сахарекъ, ступай вонъ, каріекъ.

е) Иванъ лакатанъ погнавъ кони на Ливанъ, чимъ кони попутавъ, срибломъ злотомъ пидь копытомъ, у медокъ сахарокъ, пошелъ вонъ, королекъ. Ср. Ивановъ, 50, в.

ж) Йихала пани зъ города ни росчысала косу росу, якъ пидь вамы, такъ пидь нами, золотымы конытамы, дубъ, крестъ.

з) Однономъ, подвономъ, потреттёмъ, моркетомъ, попя-

томъ, джыгатомъ джыгоныць вороныць ченчыкъ погребенчыкъ.

и) Одына бубына рыкытынъ сымына гейно бейно сто воротъ поворотъ бибкомъ клѣць.

Вар. I. Одыно бубыно рекене ремено гейманъ дейманъ стоколосъ поволосъ сипки бибки клѣць.

Вар. II. Одыно попыро шыкыци ромыно гейломъ бейломъ соколо сноволо скрипкомъ бибкомъ диверь клѣць.

Вар. III. Одыно пыдыно рыкгыдзи рымыно гайномъ дайномъ стокылось повылось бидки клѣць. Ср. Чуб. III, 102.

і) Оданчыкы друганчыкы пойихалы по зайчыкы задкомъ передкомъ на казенный дворъ, ты, казенна душа, отчиняй ворота, твій сынъ Максимъ поломавъ аршинъ, шійшовъ выйшовъ, пишовъ вонъ.

Вар. I. Одынчыкы бубынчыкы пойихалы за зайчыкы задкомъ передкомъ, стоколена душа, отворяй ворота, твой сынъ, звать Максимъ, пивтораста аршинъ, ни попа, ни дяка, сорвавъ шапку, положивъ на лавку, хто укравъ, хто укравъ, Середіонъ, Середіонъ, вышель съ круга, пошель вонъ.

Вар. II. Одынчыкы другынчыкы пойихалы по зайчыкы задкомъ передкомъ на казенный дворъ, ты, казенна душа, отворяй ворота, йиде панъ-сырота, безъ рубашки, безъ штановъ, повна торба сухаривъ, шійшовъ, выйшовъ, пошель вонъ.

Вар. III. Одынчыкы бубынчыкы пойихалы по зайчыкы задкомъ, передкомъ, окаяннымъ дворкомъ, дзинь, брязъ, выйды, второй князь.

к) Одынъ тырыдынъ тройчанъ осерчавъ пьяданъ ладанъ сукманъ дукманъ дывырь дыкса цыць, Олекса.

л) Одынянъ другыянъ на чотыри локатанъ на пять цурья поламавъ Юрья, Катерина качка, шавуръ павуръ шышовъ, выйшовъ, вонъ пишовъ.

м) Одынянъ другыянъ сила баба ни баранъ, пойихала въ гости, разсынала кости, стой, баба, ни бѣжи, вирни мои пироги, Савка, булавка, Радивонъ, выйди вонъ.

н) Одынъ банъ, другый банъ, сила баба на баранъ, пойихала въ гости, поламала кости, цстой бабо, ни бѣ-

ги, подай свои пироги, зъ лукомъ, зъ перцемъ и зъ собачымъ сердцемъ.

о) Оно двоно черты парты юхтеръ бахтеръ нефта ёхта цокъ.

п) Отъ дуба до дуба, до зеленой коры, дубъ жмурь.

р) Отъ суднычка до суднычка полюбыла паскуднычка, та ны знала, що робыть, чы покынуть, чы любить.

с) Разъ, два, три, четыре, пять, выйшовъ зайчыкъ погулять, вдругъ охотныкъ набигае, прямо зайчика стреляе: пихъ, пахъ! Боже мой, умирае зайчыкъ мой.

т) Синька, бинька, акъ, бакъ, круль, квакъ, шефиль, бефиль, крудиль, кнакъ.

у) Соломына яломына, житный снопъ, карасеры просвистѣли, серебряный хрестъ, клоцъ.

ф) Уну дуну тры катуу сахаръ махаръ помадоры, ась бась кислый квасъ.

х) Уны буны речъ фынты фынты жечь уны бына равва (рабба) фынты фынты жаба.

Кромѣ описанныхъ выше игръ, употребительны и многія другія, съ тѣми-же подробностями и подъ тѣми же названіями, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Назовемъ еще здѣсь такія, которыя отличаются названіями:

а) Въ баштанъ (у Иванова «кавуны»).

б) Гайдукъ (у Покровскаго «дукъ»).

в) Горобецъ (въ другихъ собраніяхъ — горю-дубъ, высокій дубъ).

г) Дзыркаланъ (у Иванова «городокъ», у Покровскаго, стр. 247, находимъ, между прочимъ, названіе *зеркаломъ*).

д) Дыр-дыр (сборныя палочки) — у Покр. 144 стр. — *зоря* и др.

е) Въ каминци (у Иванова «креймашки», у Покровскаго «пятки» и пр.).

ж) Кици-баба, цюця-баба, слипа баба (у Чуб. IV, 49 — *цици-баба* или *куци-баба*). Первое изъ этихъ названій производять отъ слова *кицять* (попадать).

з) Въ кицки (у Иванова «ярки» и пр., у Исаевича — «яйца», «пички»).

и) Фуркало (у Чуб. «крутилка», у Покр. «колесо» и пр.). Санки, употребительныя въ этой игрѣ, называются *зренджола*.

і) Крученое колесо (у Покр. «кривое колесо», у Чуб. «дурне колесо»).

к) Въ масло, мета, мыты, москаль (у Иванова «масловый мячъ»).

л) Въ олійни (у Иванова «таранъ»).

м) Въ пекло (у Покр. «цари» и пр.).

н) Въ рынка (у Чуб. «продажне дитя», и у Иванова тоже).

Затѣмъ въ ходу *карточные шры*. Изъ нихъ укажемъ слѣдующія:

1) *Въ банка*. Играютъ на деньги, на сѣрники и т. п. Кто-нибудь беретъ колоду и каждому по очереди открываетъ по одной картѣ: у кого окажется самая старшая, тотъ называется *банщикомъ*. Банщикъ беретъ колоду и раскладываетъ карты кучками, числомъ на одну больше числа играющихъ, прилагая стараніе, чтобы никто не видѣлъ нижнихъ картъ, и потомъ первую кладетъ на послѣднюю. Каждый изъ играющихъ выбираетъ себѣ кучку и кладетъ сверхъ ея деньги, или сѣрники — сколько хочетъ; послѣдняя изъ кучекъ достается банщику, который на нее ничего не кладетъ. Банщикъ переворачиваетъ кучки одну за другой и въ концѣ — свою. Если у него оказалась карта старше всѣхъ, онъ забираетъ деньги (или сѣрники) у всѣхъ играющихъ; если у кого-нибудь одного, или у нѣсколькихъ изъ играющихъ карта старше, чѣмъ у банщика, послѣдній уплачиваетъ имъ столько, сколько у нихъ лежало на кучкѣ. Если исподняя карта у кого-нибудь — тузъ, то онъ становится банщикомъ, а если окажется болѣе одного туза, — тогда пересдають (Глодоссы).

2) *Въ жиды*. Выкидываютъ изъ колоды пиковаго (виннаго) валета и потомъ сдаютъ всю колоду; у кого окажутся парныя карты, отбрасываетъ въ кучу; потомъ тотъ, кому сдавали первому, вынимаетъ у сосѣда съ лѣвой стороны одну карту и, если у него найдется ей пара, отбрасываетъ обѣ, а если нѣтъ, то принимаетъ; тотъ вытягиваетъ у слѣдующаго и т. д., наконецъ выходятъ всѣ парныя, кромѣ валета; у кого валетъ — тотъ и *жидъ* (Большая Виска, Аврамовка).

3) *Въ пискуна*. Играютъ пятеро. Пискуномъ называется тотъ, кто сидитъ слѣва отъ сдающаго. Ему сдается 5 картъ, остальнымъ по три; оставшіяся отъ сдачи карты съ козыремъ кладутся на столъ. Если пискуну не нравятся карты, онъ можетъ бросить — или всё, или часть ихъ; тогда сдававшій даетъ ему изъ колоды новыя, которыя бросить уже нельзя, потомъ подбрасываетъ по 2 карты всѣмъ по порядку, чтобъ было у всѣхъ по пяти. Затѣмъ пискунъ сверхъ своихъ картъ кладетъ одну открытую, постарше, если есть — козырь и говоритъ: „кто до мене пристае“? Если у него большой козырь, то пристаесть одинъ кто-нибудь, а остальные трое играютъ особо; игра состоитъ въ томъ, что берутъ взятки, причемъ ихъ считаютъ по партіямъ, и которая насчитаетъ у себя меньше взятокъ, члены той получаютъ отъ каждого изъ противниковъ по 3 удара жгутомъ по ладони, за исключеніемъ пискуна, который и получаетъ, и даетъ только по два удара (Б. Виска).

4) *Съ подходомъ*. Играетъ неопредѣленное число человѣкъ. Сдаютъ по три карты, остальные съ козыремъ кладутъ на столъ. Если у кого-нибудь карты не хороши, то онъ можетъ объявить, что не играетъ, и сложить ихъ въ колоду. Слева отъ сдававшаго сидитъ т. н. *темный*; онъ принимаетъ участіе въ игрѣ лишь тогда, когда безъ него играть нельзя, т. е. за отказомъ остальныхъ останется всего одинъ играющій. Довольный картами объявляетъ: «я прошель»; другой поддерживаетъ его: «съ нашимъ»; третій говоритъ: „по 15 копѣекъ“ (примѣрно); если на предложенную сумму участники согласны, то говорятъ: «я хожу», и это называется *замирать*, а если не согласны, то бросаютъ карты. Затѣмъ игра кончается въ три хода; одинъ ходитъ, другой кроетъ и ходитъ въ свою очередь; а если кроетъ не можетъ, то кладетъ карту вверхъ крапомъ, а ходитъ снова первый. Темный, если не играетъ, платитъ выигравшему 5 копѣекъ (Елисаветградъ).

5. *Въ сжака*. Играютъ двое, или четверо, или шестеро. Сдаютъ по 4 карты, четыре кладутъ на столъ открытыми, прочія остаются въ колодѣ и въ числѣ ихъ

двѣ такъ называемыя *кончины*: трефовая двойка и бубновая десятка. Изъ картъ, лежащихъ на столѣ, можно брать парныя съ тѣми, которыя на рукахъ; кромѣ того, можно взять и двѣ, и три, если число очковъ ихъ равно числу очковъ одной, находящейся на рукахъ. Если взять нечѣмъ, то одна карта выкидывается на столъ. Когда картъ на рукахъ не осталось, сдаютъ снова по четыре карты. Когда всѣ карты вышли, считаютъ число взятокъ. Если у кого больше трефовыхъ картъ — это считается за одну взятку, если у кого больше картъ вообще — двѣ взятки, каждая изъ *кончинъ* считается взяткой. Выигрышъ состоитъ изъ 16 взятокъ, а такъ какъ такое число взятокъ съ одного раза взять нельзя, то игра возобновляется, пока число взятокъ у кого-нибудь изъ играющихъ не достигнетъ шестнадцати. Проигравшій называется *сжакомъ* (Елисаветградъ).

6) *Вз чмыха*. Сдаютъ всю колоду и объявляютъ козыря (послѣ шестой карты). Потомъ тотъ, кто сдавалъ, вертитъ поднятымъ вверхъ жгутомъ и объявляетъ: «запыраецца городъ Чмыхъ, ни балакаты, ни говорить!» Ходившему бросаютъ карты той-же масти; берутъ взятки. Когда выйдутъ всѣ карты, — у кого не окажется ни одной взятки, того каждый изъ играющихъ бьетъ жгутомъ столько разъ, сколько у него имѣется взятокъ. Въ заключеніе сдававшій карты объявляетъ: «отпираецца городъ Чмыхъ» (Глодоссы).

Свадьба.

Сватанье. Раньше сватанья отецъ жениха идетъ «допытываться». Случается, что бракъ рѣшаютъ между собою отцы жениха и невесты безъ вѣдома и согласія послѣднихъ, но чаще бракъ заключается по предварительному согласію молодыхъ. Рѣшивъ женить сына и получивъ его согласіе, отецъ ищетъ сватовъ, человека два, или болѣе; одинъ ихъ, наиболѣе опытный и рѣчистый, получаетъ званіе *старшаго свата*; на немъ лежитъ обязанность наблюдать за точнымъ выполненіемъ обрядовъ на свадьбѣ. Въ день сватанья, передъ вечеромъ

отецъ посылаетъ жениха звать сватовъ (старость). Старшій свать, входя въ хату, говоритъ скороговоркой какою-нибудь «брехню», напр.: „въ Крымъ йихалы, а сюда зайихалы; якъ пустыте, то переночуемо, а якъ е гарна дивка, то посватаемо», на что отецъ отвѣчаетъ: «ночувать ночуйте, а дивчатъ — тамъ, де живетъ невѣста, шукайте». Если отецъ жениха переговорилъ уже съ отцомъ невѣсты, то сваты берутъ съ собой жениха, въ противномъ случаѣ онъ остается дома. Сваты идутъ съ хлѣбомъ. Придя къ дому, женихъ становится подъ окнами, а сваты входятъ и останавливаются у порога. «Сидайте, люде добры, который на лавци, который на прыничку!» Садятся, приговаривая: «сидаймо, колы просятъ, бо мы потомылысь трохы, не вамъ кажуче». — Може скажете, чого прыйшли? — «Та тутъ, бачьте, ось мы пойихалы на охоту съ нашимъ молодымъ княземъ, зигналы лысыцю — куныцю (если сватамъ извѣстно, что женихъ и невѣста любятъ другъ друга, то они прибавляютъ: «та князь пидстрелывъ йи, чы, може, — вона ёго, чы, може, — одно одного, за те вже балакать не буду»); вона ото й побигла ось у оце село, а тутъ якъ разъ снигъ прытрусывъ, мы слидомъ за нею, вона перекинулась дивыцею та вскочыла у вашу хату; давайте хоть лысыцю, хоть молоду дивыцю, а то мы й хату разнесемъ, а ше якъ скажемъ молодому князю, шо вона тутъ, то винъ и васъ побье, и йи забере». Свату возражаютъ: «а ну, ну, нехай попробуе» и условная бесѣда продолжается. Если женихъ лично не извѣстенъ, то просятъ показать его: «а ну, покажить вашого князя, шо то винъ за цяця!»

Затѣмъ иногда тутъ-же, иногда на слѣдующій день происходятъ *заручины*. Въ послѣднемъ случаѣ невѣста ходитъ по селу и сзываетъ дивчатъ; женихъ приходитъ со всей родней, съ водкой. Когда всѣ сойдутся, невѣста подноситъ на тарелкѣ сватамъ рушники, а жениху — платокъ, причемъ они бросаютъ ей на тарелку деньги. Послѣ этого молодыхъ благословляютъ: отецъ — иконой, а мать — хлѣбомъ; той-же иконой и тѣмъ-же хлѣбомъ благословляютъ потомъ и другіе родственники. Потомъ садятся

всѣ за столъ, а молодые потчуютъ водкой, варениками и пр. По окончаніи церемоніи, старшіе уходятъ, а парубки и дивчата остаются «гулять», послѣ чего молодой остается ночевать у молодой, но спать отдѣльно.

Приготовленіе коровай Въ нѣкоторыхъ селахъ *весилья* происходитъ въ тотъ-же день, что и церковное вѣнчанье, но чаще — позже послѣдняго на нѣсколько дней, а иногда недѣли на двѣ и больше, почти всегда въ воскресенье. Въ четвергъ или въ пятницу въ домѣ невесты приглашенныя ею бабы пекутъ *шишки*, *коровай*, (*коровгай*) и продолговатый *дивычъ*. Подбивши тѣсто въ «дижи», обносятъ ее вокругъ комнаты и потомъ уже дѣлаютъ хлѣбы, причемъ въ «пидошву» коровай вкладываютъ монету. Число шишекъ опредѣляется количествомъ родныхъ и знакомыхъ, приглашаемыхъ на свадьбу. Въ нѣкоторыхъ селахъ коровай пекутъ и въ домѣ жениха; въ его домѣ пекутъ еще *лежень*, а также дѣлаютъ изъ тѣста *гребень* и *бугая съ бороною*. Когда посадятъ коровай въ печь, то стучать лопатой въ потолокъ три раза.

Дивычъ вечеръ (дивышныкъ). Въ субботу послѣ обѣда къ невестѣ является старшая дружка, т. е. подруга, которая держала (или будетъ держать) вѣнецъ; невеста украшаетъ себя лентами и цвѣтами, беретъ въ руки рушникъ, а дружка несетъ въ платочкѣ шишки, и онѣ вмѣстѣ отправляются просить на весилья. Приглашая на свадьбу, невеста кланяется три раза и говоритъ: «просылы батько, маты и я просю на весилья», причемъ родственникамъ и почетнымъ лицамъ дружка даетъ шишки, за что ей даютъ 5—10 коп. деньгами, или холста, или прядива — «молоди на подковы»; равныхъ себѣ приглашаютъ безъ церемоніальныхъ поклоновъ и условныхъ фразъ. По дорогѣ къ невестѣ присоединяются остальные дружки. Къ матери молодого молодая заходитъ въ домъ со всѣми дружками и здѣсь имъ подаютъ водку и закуску, въ другіе-же дома заходитъ молода съ одной только старшей дружкой; остальные въ это время стоятъ на дворѣ и поютъ, причемъ невеста проситъ дивчатъ, чтобы побольше пѣли. При возвращеніи молодой съ подругами домой, мать ея выходитъ на дворъ и приглаша-

еть всѣхъ дивчатъ ужинать. Дружки ужинаютъ и сидятъ за столомъ до прихода жениха, причемъ поютъ пѣсни.

Женихъ въ тотъ-же день также ходитъ просить на свадьбу. Передъ вечеромъ къ нему собираются молодыя бабы и дѣвки *вить гильце*. Сначала староста «заводитъ» молодого, т. е. беретъ платокъ за одинъ конецъ, молодому даетъ другой и ведетъ молодого за столъ. Потомъ кладутъ на столъ хлѣбъ, втыкаютъ въ него *гильце*, т. е. вѣтку вишни или другого дерева, затѣмъ привязываютъ къ вѣткамъ его крестики изъ пшеничныхъ колосьевъ, вѣточки калины, ленты, конфекты. Послѣ этого идетъ угощенье, которымъ распоряжаются бояринъ (буяринъ) и старшая дружка, приглашенные съ утра. Наконецъ молодой отправляется къ молодой. Его сопровождаютъ: *староста, старшій бояринъ*, двѣ *свашки* (замужнія женщины) и *свитылка* — дѣвушка, или дѣвочка, — родственница молодого; бояринъ несетъ гильце съ хлѣбомъ (если молодой изъ другаго села), староста — хлѣбъ, а свитылка — *свитылникъ*, т. е. деревянный крестикъ, вставленный въ пучекъ зилья (крокъ, чебчикъ, василекъ) и обвитый свѣчой, которую при этомъ зажигаютъ. Когда молодой приближается къ дому невѣсты, ему загораживаютъ дорогу парубки и требуютъ выкупа; женихъ даетъ имъ на водку. Невѣста выходитъ, кланяется всѣмъ и приглашаетъ въ хату. Староста идетъ впереди и ведетъ за платокъ жениха и невѣсту, обводитъ ихъ три раза вокругъ стола и сажаетъ подъ образами. Возлѣ молодого садится свитылка и свашки, а дружки стоятъ до тѣхъ поръ, пока староста не выйдетъ изъ за стола; если-бы которая-нибудь изъ нихъ сѣла прежде времени, то староста бьетъ ее по головѣ палкой. Посидѣвъ немного, староста выходитъ изъ за стола; тогда дружки садятся возлѣ невѣсты. Подаютъ ужинъ, впродолженіе котораго дружки поютъ, причемъ старшая дружка начинаетъ каждую пѣсню. Свитылка не ужинаетъ. Въ началѣ ужина старшая дружка обманываетъ боярина, а именно подаетъ ему ложку съ кушаньемъ и кусочекъ хлѣба, и когда тотъ протягиваетъ руку, чтобы взять, она прячетъ, причемъ онъ

старается поймать ее за руку; бояринъ, въ свою очередь, обманываетъ дружку. Когда мать или отецъ «частуетъ» молодыхъ, то подаетъ рюмку, обернувъ платкомъ; молодые тоже берутъ рюмку при помощи платка. По окончаніи ужина староста выводитъ молодыхъ за платокъ на дворъ, за ними выходятъ и всѣ гости. Во все продолженіе ужина на дворѣ играетъ музыка (которую приводитъ съ собой женихъ), и желающіе изъ публики танцуютъ. Выйдя послѣ ужина, гости принимаютъ участіе въ танцахъ и молодежь танцуетъ почти всю ночь, а подъ утро, гдѣ танцуютъ, тамъ и спать ложатся: невѣста съ женихомъ, старшая дружка съ старшимъ бояриномъ, остальные тоже попарно.

Весилья. Женихъ прибываетъ въ домъ молодой въ сопровожденіи такой-же свиты, какъ и на дивычъ-вечоръ; свитылка идетъ съ свитыльнымъ, свашки съ шишками и чоботами для матери молодой. На улицѣ у воротъ его встрѣчаютъ парубки, которые вмѣстѣ съ молодой гуляли на вечерныцахъ, и требуютъ заплатить за молодую; съ односельчанами дѣло ограничивается квартирой, а если женихъ изъ другого села, то долженъ бываетъ дать на четвертину. Передъ дверьми старосты ставятъ столъ; молодой подносятъ имъ водки. Бояре съ гильцемъ входятъ въ хату; иногда тамъ они находятъ на столѣ гильце невѣсты, стараются выбросить его и поставить свое; подруги невѣсты препятствуютъ этому, пока бояре не заплатятъ имъ. Родственники молодой у порога дома ведутъ разговоры съ женихомъ и его свитой; спрашиваютъ у нихъ: что они за люди и откуда пришли? Тѣ отвѣчаютъ, что они *чезесторонци*, идутъ изъ Тавріи или съ Дона, что у нихъ здѣсь есть родня и что они пришли въ гости къ ней. Затѣмъ иногда къ жениху подходитъ баба, одѣтая въ вывороченную шубу, и дѣлаетъ видъ, будто хочетъ поцѣловать его, а онъ отталкиваетъ ее (вар.: выходитъ баба съ рѣшетомъ и «точить» имъ; женихъ и поѣзжане бросаютъ туда деньги); послѣ двукратнаго появленія бабы, къ жениху выходитъ мать молодой и подаетъ ему горшочекъ съ водой и съ какими-нибудь зернами; онъ передаетъ горшочекъ

боярину, а тотъ, «обмотавъ» его три раза вокругъ жениха, перебрасываетъ черезъ хату. Затѣмъ старосты даютъ ей подарки: чоботы и гребень изъ тѣста; жечихъ вынимаетъ изъ кармана водку и старосты подносятъ ей водки и подаютъ шишку; она выпиваетъ, благодаритъ и уходитъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ мать является въ вывороченномъ кожухѣ, на кочергѣ верхомъ, и пугаетъ жениха. Надѣвши подаренные ей чоботы, она возвращается съ пѣніемъ извѣстной пѣсни: «Чоботы, чоботы, вы мои». По удаленіи матери, выходитъ отецъ невесты, получаетъ въ подарокъ поясъ и сдѣланнаго изъ тѣста бугая съ бороной, пьетъ подносимую ему водку, закусываетъ шишкой и также уходитъ. Если у невесты есть братья, они получаютъ въ подарокъ боченки изъ хлѣба. Послѣ этого въ нѣкоторыхъ селахъ выходитъ молода, за ней выносятъ на тарелкѣ платокъ и ленты; молода беретъ платокъ и утираетъ имъ жениху носъ, потомъ имъ же подпоясываетъ его, а лентами перевязываетъ бояръ и свитылку, потомъ возвращается и садится за столъ. Въ хату входятъ староста съ дружкой молодого, держа въ рукѣ кухоль съ водкой или квасомъ, покрытый шишкою, и произноситъ слѣдующее привѣтствіе: «здравствуйте, свату, кланялись вамъ свать, сваха съ хлибомъ—съ солью»; это повторяется три раза. Отецъ молодой «частуетъ» старосту: сначала подаетъ ему кружку съ водой, говоря: «попробуйте нашего вына»; тотъ отпиваетъ глотокъ и, дѣлая видъ, что не можетъ стоять на ногахъ, говоритъ: «ну, крѣнке!» тогда ему подносятъ рюмку водки: «а попробуйте ще цѣго!» Потомъ такимъ-же самымъ образомъ староста угощаетъ отца молодой. Между тѣмъ дружка одариваетъ всѣхъ присутствующихъ въ хатѣ шишками и, обращаясь къ старостѣ, говоритъ: «старосты, пани старосты, благословить князя молодого за стиль завести»; ему отвѣчаютъ: «Богъ благословить»; это обращение и отвѣтъ на него повторяются три раза. Прежде чѣмъ женихъ войдетъ, его въ сѣняхъ благословляютъ, причемъ дружка платкомъ «рубить пороги», т. е. дѣлаетъ въ дверяхъ крестное знаменіе платкомъ. Между тѣмъ молода сидитъ, склонивъ голову на столъ, причемъ голо-

ва ея покрыта платкомъ, а иногда — лежнемъ; по лѣвую руку отъ нея сидятъ дружки, а по правую садится маленькій братъ съ палкою въ рукахъ. Обращаясь къ послѣднему, старосты говорятъ: «чего ты забрался за столъ? пусти, это наша молода!» Онъ отвѣчаетъ: «я кончаны кравъ, та сестру годувавъ, черезъ лѣсъ скакаль, та штаны порвалъ», и требуетъ выкупа. Ему даютъ копейкъ десять, онъ тычетъ имъ палкою въ глаза и требуетъ больше; наконецъ сторговались; братъ получаетъ рюмку водки и шишку и оставляетъ свое мѣсто. Въ нѣкоторыхъ селахъ жениху приходится дать выкупъ парубкамъ, — родственникамъ невѣсты, которые съ палками въ рукахъ становятся у стола. Затѣмъ молодой снимаетъ платокъ съ головы молодой, цѣлуетъ ее и садится рядомъ, на полушубокъ, разостланный вверхъ шерстью. Передъ ними стоятъ зажженные подвѣчные свѣчи, вставленные въ стаканы съ житомъ. Садятся и всѣ остальные, за исключеніемъ свашекъ, которыя остаются нѣкоторое время у порога и перебраниваются пѣснями съ дружками, потомъ и онѣ садятся тоже; свашки раздаютъ дружкамъ шишки. Староста моетъ руки, причемъ дружка сливаетъ ему воду, а потомъ подаетъ рушникъ вытереть руки и перевязываетъ его черезъ плечо. Дружка подаетъ старшему боярину черезъ столъ ложку съ капустой и тотчасъ отнимаетъ ее; повторивъ этотъ маневръ три раза, она наконецъ даетъ ему ложку. Дружка подаетъ боярину на тарелкѣ рюмку водки и шишку, бояринъ водку выпиваетъ, а на тарелку бросаетъ деньги, которыя дружка беретъ себѣ. По окончаніи обѣда бояре и дружки дарятъ молодыхъ, а молодые подносятъ имъ водки. Потомъ сестра невѣсты пришиваетъ на шапку молодому «квитку» изъ ленты, а онъ даритъ ей деньги. Затѣмъ староста выводитъ молодыхъ изъ-за стола за платокъ на дворъ «на прогулянье». На дворѣ, гдѣ во все продолженіе обѣда играетъ музыка, ставятъ на скамейку дичу съ хлѣбомъ наверху и обводятъ молодыхъ три раза вокругъ дичи, причемъ теща обсыпаетъ ихъ сѣменами, орѣхами, деньгами и т. п.; они кланяются на четыре стороны и отходятъ въ сторону, а бояре и дружки присоединяются

къ танцующимъ. Передъ вечеромъ староста опять вводитъ молодыхъ въ хату, обводитъ ихъ три раза вокругъ стола и сажаетъ за столъ; садятся и остальные; при этомъ молодой сидитъ, не снимая шапки. Вслѣдъ затѣмъ братъ молодой расплетаетъ ей косу, причемъ молода раздариваетъ свои ленты. Послѣ этого дружка идетъ въ комору, гдѣ все это время лежитъ коровай, — беретъ вико съ короваемъ, покрытымъ кисейкою, кладетъ себѣ на голову, вноситъ въ хату, на порогѣ останавливается и «благословляется», произнося обычныя слова: «старосты, пани старосты, благословить въ цей домъ цей чесный хлибъ внести!» — Богъ благословить! — отвѣчаютъ ему (это благословеніе повторяется три раза); потомъ подходитъ къ столу, дѣлая круги, и вико съ короваемъ ставитъ на столъ, а кисею даетъ свашкамъ, которыя покрываютъ имъ молоду; при этомъ свашка надѣваетъ на нее шапку молодого, а сестры молодого и молодой берутъ кисею за концы и машутъ ею; молода три раза бросаетъ шапку къ порогу, но свашки каждый разъ надѣваютъ снова и наконецъ накрываютъ кисеей, послѣ чего бьютъ въ ладони. Затѣмъ дружка рѣжетъ коровай; при этомъ молодой опредѣляетъ порядокъ его раздачи, а староста выкликаетъ, кого слѣдуетъ, и вручаетъ куски коровай; молодой даютъ верхнюю шишку съ коровай; остатки коровай раздаются на тарелкѣ народу; если кому достанется монета въ кускѣ коровай — это къ счастью. Потомъ дружки начинаютъ прощаться съ молодой и въ это время пытаются вывести ее съ собой изъ-за стола, а молодой старается удержать ее и, если дружки ее выведутъ, то женихъ выкупаетъ ее. Старшій бояринъ отводитъ старшую дружку къ ея матери; ихъ сопровождаютъ старосты, дивчата и музыка. Мать дружки встрѣчаетъ эту процессію у порога. Бояринъ подводитъ къ ней дважды постороннихъ дѣвушекъ и спрашиваетъ: «це ваша дочка?» на что та даетъ отрицательный отвѣтъ; наконецъ подводитъ къ ней дочь, и на такой-же вопросъ мать отвѣчаетъ: «о це моя дочка!» «А чы вона не крива?» спрашиваетъ она. Дружка съ бояриномъ танцуютъ казачка. Тогда мать дружки приглашаетъ всѣхъ въ

хату и угощаетъ водкой и закуской. Посидѣвъ немного, старосты, бояринъ и музыка уходятъ обратно къ невѣстѣ, а дивчата расходятся по домамъ, за исключеніемъ свитылки, которая остается и потомъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ молодыми. Возлѣ молодой за столомъ усаживаются молодницы и поютъ. Она прощается съ матерью и отцомъ; они благословляютъ молодыхъ образомъ. Послѣ этого берутъ скриню молодой, кладутъ на возъ, запряженный волами, и сажаютъ на верхъ молоду; молодой три раза обѣгаетъ вокругъ воза и бьетъ невѣсту кнутомъ; наконецъ садятся и остальные и съ пѣніемъ «приданьскихъ» пѣсенъ ѣдутъ къ молодому. Въ нѣкоторыхъ селахъ приданое увозятъ нѣсколькими часами раньше невѣсты; молодой выкупааетъ его у невѣстинаго брата и свашки. На дорогѣ или у воротъ молодого родные его разводятъ костеръ, черезъ который молодые должны переѣхать. У воротъ или въ хатѣ родители молодого встрѣчаютъ молодыхъ благословеніемъ. Молодыхъ заводятъ въ клѣть. Молода обязана скинуть молодому сапоги, внутрь которыхъ предварительно кладутъ деньги. Клѣть стережетъ дружка, который потомъ несетъ въ хату рубашку молодой, завернутую въ полу, и показываетъ бабамъ. Если «хороша молода», то бояринъ (тотъ, что гильце носилъ) тотчасъ-же везетъ родителямъ ея шишку, перевязаную красной лентой; вручивъ ее, онъ привязываетъ къ концу палки куль соломы и зажигаетъ. Если «хороша молода», то она вечеромъ выходитъ къ гостямъ и, ставъ у дверей, поетъ пѣсню. На слѣдующій день, если «молода хороша», она надѣваетъ на голову красную ленту, а если «не хороша» — зеленую, а дружка перевязываетъ себѣ черезъ плечо въ первомъ случаѣ красный поясъ, а во второмъ случаѣ — рушникъ. Рано утромъ молода съ мужемъ идетъ къ колодцу за водой и, принеся воды, подаетъ умыться мужу, свекру и свекрови, причемъ «даетъ имъ рушникъ собственной работы. Затѣмъ идутъ къ священнику и у него надѣваютъ молодой очипокъ (если онъ не былъ надѣтъ наканунѣ) и повязываютъ ее платкомъ; иногда священникъ дѣлаетъ это самъ. Послѣ этого молодые идутъ съ подарками къ матери молодой и ко всѣмъ гостямъ,

бывшимъ на свадьбѣ. Войдя въ домъ, молодые кланяются хозяйкамъ три раза и подносятъ на тарелкѣ шишку, рюмку водки и платокъ; хозяинъ выпиваетъ водку, беретъ шишку и платокъ, а на тарелку кладетъ деньги, или-же говоритъ, что даритъ молодымъ телку, овцу, лошадь и т. п. У бѣдныхъ свадьба оканчивается въ понедельникъ, а богатые еще во вторникъ переодѣваются цыганами, турками и т. п. и ходятъ въ такомъ видѣ въ гости къ роднѣ молодыхъ (Настоящее описаніе свадьбы есть сводъ записей, сдѣланныхъ мною въ с. Алексѣевкѣ Елисаветинск. уѣз. и Онуфриевкѣ Алекс. уѣз., А. Иличевской въ с. Григоро-Денисовкѣ (Тимковкѣ) Алекс. уѣз. и Т. Виланенкомъ въ разныхъ селахъ Елисаветинск. уѣз.). Ср. Чубинск., IV т.

Похороны.

Если больной ложится на бокъ, лицомъ къ стѣнѣ, или укутывается съ головою — умретъ.

Если гробокопатели, вырывъ яму для мертваго, начнутъ копать для больного, то послѣдній ни за что не умретъ отъ той болѣзни, которой боленъ въ этотъ моментъ.

Якъ добрый чоловікъ умирае, такъ солнце свитытъ и гарна така погода, а якъ злый — то буря, дощъ.

Якъ хто убѣецца съ качели, то буде чортова жертва.

Покойникъ слышитъ до тѣхъ поръ, пока священникъ не скажетъ: «вѣчная память».

Умирающаго кладутъ на полъ, на соломѣ, головой къ образамъ. При кончинѣ сходится много народа, но всѣ соблюдаютъ тишину. Умершаго кладутъ на лавкѣ и покрываютъ тонкимъ полотномъ; по сторонамъ головы кладутъ васильки. Въ ночь на третьи сутки по смерти покойника ставятъ на столѣ стаканъ воды и стаканъ меду и кладутъ булку; для того чтобы душа покойника пила и ѣла. Дѣвушку кладутъ въ гробъ съ распущенными волосами и одѣтую, какъ невѣста, съ рушникомъ на рукахъ. Говорятъ, прежде когда-то мущинамъ клали въ гробъ водку, которую будто-бы случалось находить иногда въ старыхъ могилахъ. На крышку гроба кладутъ женщинѣ — скатерть, дѣвушкѣ — рушникъ, а всѣмъ вообще — кусокъ полотна и

хлѣбъ; все это достается священнику; если хоронятъ богатую невѣсту, то вяжутъ рушниками хоругви и кресты; при погребеніи дѣтей раздають коржики съ медомъ, а на панихидѣ — кутью. При погребеніи держится обычай «тужить», т. е. причитать. Родственники умершаго во время похоронъ ничего не дѣлають, а только распоряжаются; до конца похоронъ родственники — мушны ходять безъ шапокъ, хотя-бы былъ морозъ. (с. Михайловка Ал. у.).

Когда умираетъ человѣкъ, знавшійся съ нечистой силой, нужно сдѣлать въ потолокъ отверстіе, иначе душа изъ него не выйдетъ, и онъ будетъ сильно мучиться. Послѣ смерти такого человѣка слѣдуетъ перекрестить окна ножомъ и потомъ воткнуть его въ глухомъ углу; тогда нечистая сила не придетъ болѣе, а если придетъ раньше, чѣмъ перекрестятъ окна, то ножъ заколетъ ее и на ножѣ можно будетъ видѣть кровь. (Лозоватка Ел. у. Зап. Т. Биланенко).

Черезъ огородъ нельзя нести мертвеца.

Когда несутъ мертвеца, нельзя смотрѣть черезъ заборъ. Если хоронятъ человѣка на кладбищѣ того села, къ обществу котораго онъ не принадлежалъ, то при закапываніи его надо бросить въ могилу какую-нибудь монету; тогда если на томъ свѣтѣ души умершихъ крестьянъ того села будутъ спрашивать: «чего ты сюды зализъ помежъ насъ?» покойникъ отвѣтитъ: «вы ны можете мене выгнать видсея, бо я купывъ це мистя». (Красноглазовка. Запис. А. Янковскій).

Когда хоронятъ некрещеныхъ дѣтей, съ ними кладутъ все необходимое для крещенія: свяченую воду въ стаканѣ или въ бутылкѣ, маленькую мисочку, свѣчу, крестикъ; по минованіи семи лѣтъ дитя станетъ крещенымъ. (Б. Виска. Харченко).

Если въ семьѣ умеръ взрослый сынъ или умерла взрослая дочь, три года считается непозволительнымъ танцовать, играть и вообще веселиться.

II. ЛЕГЕНДЫ, СКАЗКИ И РАЗСКАЗЫ.

1. Дружба бога съ чортомъ.

Давно, давно, ше якъ тикы земля заснувалась, богъ дружывъ съ чортомъ. Чортъ мавъ у своихъ рукахъ гримъ, а богъ небо. Чортъ съ своимъ громомъ богацько шкоды робывъ усимъ, отъ богъ и задумаваъ отнять у ёго гримъ. Для цёго зійшовъ на землю и ходе; а у чорта земли не було, винъ по води плававаъ у пини; отъ чортъ и каже богови: «научы мене насіять соби земли такъ, якъ ты соби насіявъ!» богъ каже: «добре! лизъ у море, достанъ зи дна у жменю трохы земли и якъ будышь выплывать, то держи крѣпко, а то вода вымье; ту землю, шо останецця хотъ за нигтями, посій по води,—тоди буде у тебе земля». Богъ це сказаваъ и пишовъ на небо; чортъ положивъ свій гримъ коло берега на камини, а самъ пирнуваъ у воду. Тоди богъ каже архангелу Гавріилу: «бжи, визьми у чорта гримъ, бо лыжыть на нашій земли!» — а було такъ: якъ шо чортовс лежыть на земли, то уже переходыло до бога у руки, чортъ не мавъ права ложыть ничего своего на богови земли.—Архангелъ полытивъ и засивъ за каминемъ. Чортъ якъ первый разъ пирнуваъ, та не дійшовъ до дна, а вернувсь подывыцця, чы не взявъ хто ёго грома; баче: лежыть; другой разъ пирнуваъ, — пишовъ дальше, а все-таки не дійшовъ до дна, вернувсь, дывыцця, шо никто не бере ёго грома: «мабудъ, каже, богъ забувъ, шо гримъ лежыть на ёго земли,» — и пирнуваъ до самого дна. Тоди архангелъ за той гримъ, та ходу. Богъ баче, шо чортъ вертаицця уже зъ землею, взявъ та й приморозывъ зверху море, такъ шо лідъ ставъ товстый — товстый. Чортъ якъ стукнецця головою объ лідъ — и не пробывъ; тоди баче, шо дило плохо, разигнавсь другой

разъ, стукнувся — лідь не ломаецця; въ третій розигнавсь, та якъ стукнувся, ажъ голова затрищала, — пробывъ лідь; дывыщя, ажъ нема ёго грома, архангелъ уже понисъ ёго; винъ тоди за нымъ, а архангелъ навтёкы; а ше тоди чорты литалы добре; отъ-отъ-отъ нажене, уже за ногу хватывъ и вырвавъ кусочекъ мняса (оттого теперь у людей на нози зъ одного боку выемка: то чортъ вырвавъ); тоди ангелъ каже богови: «шо мени робыть, уже скоро піймае!» — Визьмы, та ёго громомъ ёго и стреляй! — Ангелъ якъ повырнувся, якъ стрильнувъ, такъ крыла и осмалывъ чортови (теперь вони погане литають); чортъ упавъ на землю, а ангелъ полетивъ на небо и вручивъ гримъ пророку Ильи. Другый разъ богъ прыйшовъ до чорта, а чортъ уже насіявъ соби земли. Отъ богъ ходывъ, ходывъ съ чортомъ — скушно стало. Тоди Богъ узявъ, умочывъ палець у воду, кынувъ назадъ себе — яывсь чоловикъ, такый, шо говорыть, и ходе, и все. Чортъ и соби зробывъ чоловика такого, тикы ёго чоловикъ бувъ зроблений не зъ такой кожи, якъ у богова, и не ходыть; чортъ шо не робывъ, — не вмие чоловикъ ни ходыть, ни говоритъ; винъ тоди взявъ, обплювавъ, обхарькавъ, та й дывыщя. Богъ засміявсь та й каже: «визьмы та выверны ёго!» Чортъ вывернувъ: зробывся чоловикъ такый, якъ у Бога, тикы — шо на пальцяхъ нигти выглядалы съ тій кожи, шо винъ бувъ зробляный, и харькавъ и плювавъ — выхарькувавъ те харькотыня, шо ёго чортъ обхарькавъ (черезъ те теперь люды плюють и харькають и нигти у ихъ есть). Тоди чортъ наробывъ багато соби такихъ людей, а богъ пишовъ на небо. Стало чорту завьдно, шо у бога такъ мало людей, а вони жывуть на неби, — а у ёго багато, та на земли. Отъ винъ задумавъ вылизты на небо съ своими, зигнать звиттиль бога, а самому тамъ жить. Отъ выйшлы вони на высокую гору, а звиттиль на небо и йшлы бога спыхать зъ неба. Тоди одынъ ангелъ и каже богови: «яка съ, каже, велыка сыла иде по неби до насъ, сами чорты». Тоди богъ каже архангелу (архангелъ держыть въ своихъ рукахъ небеса): «встрепены небесамы, тоди вони вси полетять!» Отъ архангелъ якъ встрепенувъ, вси чорты такъ

и посыпалысь на землю,—де хто упавъ, тамъ того и мисто було (черезъ те теперь не на всякимъ мисти можна хату строить: якъ построишь на тимъ мисти, де чортъ зъ неба упавъ, то будешь мать роботу). Ще третій разъ прійшовъ богъ до чорта. Дывыця винъ: шо-сь строе чортъ на земли, яки-сь хаткы зализны, одни бильши, други меньши, а одна здорова — здорова. Богъ и пытаиця: «шо ты робышь?» — Пекло, каже, строю для тыхъ, котори прыйдутъ до мене (прежде у чорта була роспыска съ богомъ, шобъ всякій, хто умирае, прыходывъ до ёго въ пекло; цю роспыску порвавъ Хрыстось, якъ сходывъ въ адъ пился смерти*). — «А ця здорова на шо?» — Це якъ ты умрешъ, то й ты тутъ, у ци хатыни заклепаны будешь! — «А якъ-же тамъ сыдять? покажы!» Чортъ сивъ у хатыни, заперся на вси замкы; богъ и пытаиця: «вже?» — Вже! — Тоди богъ сказавъ: «Во ймя Оца и Сына и Святого Духа!» — и зализна хата залилась. Тоди чортъ зарывивъ. Позбигалысь уси чорты со всёго пекла; а ёго одна рука не була закинута клямкою и була слободна; чертъ и каже: «ослободжайте мене, а то пропаду!» Одынъ, самый старшій, цокавъ, цокавъ коло хатыны, та каже: «не можу!» Тоди той, шо сыдивъ у хатыни, схватывъ ёго слободною рукою, та якъ кине объ скалу (черезъ те теперь самый старшій чортъ крывый), а самъ такъ и оставсь залитый зализомъ. На тимъ и дружба бога съ чортомъ кончылась (Сообщ. Т. Биланенко, слышавшій этотъ рассказъ отъ одного старика, недалеко отъ с. Лозоватки, Елис. уѣз.). Ср. Чуб. I, 142—145; Драг., 89 — 91; Кіев. Ст. 1887 г. № 18, 196—197.

2. Богъ и чортъ.

Заспорылысь разъ богъ и чортъ объ людяхъ. Отъ чортъ и каже богови: «чсмъ ты ны зробишь бидного багатымъ, шобъ уси ривни булы?» А богъ каже: «зроби ты!» Отъ чортъ узавъ мишокъ золота и петаскавъ бидному, прынисъ и поклавъ въ синяхъ у мирци. А коло того бидного та жывъ другый чоловикъ, багачый за ёго,

*) О рукописаниі Адама и уничтоженіи его Христомъ см. И. Я. Порфирьевъ: Апокр. сказанія ветхаго завета стр. 40—41 и Апокр. Сказанія нов. завета стр. 39. Прим. ред.

та й каже: «позычьте мини, куме, миркы, бо свою запорожнылы!» — Визьмить о-тамъ у синяхъ! — Пишовъ той багачъ (а винъ и ны знавъ, що въ мирци есть гроши), узявъ мирку та й пишовъ до дому. Отъ чортъ изновъ понисъ мишокъ грошей и поклавъ у жлукти, дума соби: «якъ буде жинка сорочки мочыть, то найде», поклавъ, а самъ пишовъ. Приходыть жинка сосида та й каже: „позычьте, кумасю, жлукта, бо треба сорочки мочыть!“ — Визьмить о-тамъ, пидъ коморою! — Сосидка пишла, взяла жлукто зъ гришмы и пишла до дому. «Ну, дума чортъ, де бь тутъ заховать, шобъ никто ны взявъ?» Взявъ мишокъ грошей та й заховавъ пидъ подушкамы, дума: «воны картоплю копають, наморятця та ляжуть на пиль, та й найдуть». А та сосидка узнала, шо имъ хто-сь гроши кладе, прыйшла, найшла гроши и взяла. Тоди чортъ и каже богови: „ну, теперь ты зроби ёго багатымъ, я вже пробувавъ». Отъ, Богъ зробывъ такъ, шо той бидный копавъ картоплю, та захотивъ водкы выпыть, винъ и каже жинци: «хочыця мини чого-сь дуже водкы, хочь-бы чарочка коло мене, ажъ пахне вона!» — Ну, каже жинка, бижы та выпый!» — Винъ пишовъ, упывся та йде вульщю, та крычыть напротивъ сосидовой хаты: «а, знаю я, знаю!» Той багачъ выбигъ изъ хаты та пытае ёго: «шо вы, дядю, знаете? скажите мини, я заплачу (винъ злякався, думавъ, шо той бидный знае, шо винъ гроши вкравъ, а бидному Богъ такъ давъ: винъ говорывъ — и самъ не знавъ — шо)!» А той бидный крычить: «знаю я, знаю!» Багачъ вынисъ ему сто карбованцивъ. А той бидный изновъ крычить: «знаю я, знаю!» Той багачъ отдавъ ёму вси ты гроши, шо у бидного взявъ, ше й своихъ давъ, шобъ той мовчавъ, та никому ны казавъ. Такъ богъ бидного зробывъ багачомъ (С. Петроостровъ. Запис. Н. Гавриленко).

*3. Богъ и св. Петръ *).*

Бувъ соби чоловікъ зъ жинкою. Жили вони дуже бидно, а дитей було багачько, няма ихъ чымъ ни одить,

*) Въ рукописи озаглавлено: «Правда».

ни кормить. Отъ одынъ разъ чоловікъ и каже жиници: «пиду я въ якономію на роботу, може, хочъ трохи зароблю на завтра на хлибъ дитямъ». Пишовъ винъ туды вечиромъ, якъ начало смыркаця, шобъ поспить туды на работу на ранокъ. Проишовъ винъ, може, съ пивъ дороги, дывищця,—а такъ, трошки въ сторону отъ дороги, стоить хатка; винъ и дума: «шо-объ воно значыло, николы ны було ціи хаты, а теперъ есть, дай-ка вйду въ ней, побачу, шо тамъ таке». Входить винъ туды, а тамъ горыть багацько лампадокъ, посередыни хаты стоить стиль, а на тимъ столи есть, шо хочышь, съисного, тикы, мабудь, птычого молока ны було; а зъ людей ны було никого въ хати. Ны довго думавшы, винъ прынявся заразъ за йижу. Стикы винъ ны йисть, а воно все циле стоить. Винъ найився добре, напывсь и сховався пидъ стиль, дума, шо, може, хто жъ ныбудь такы прыйде сюды. Колы це, трохи пырыгодя, входять яки съ два чоловіка, а то булы Богъ и св. Петро. Силы воны за стиль и началы йисты. Ны вспилы воны ще найистысь, якъ прылита до викна ангель и каже: «Боже, дытына народылась!» — Добре! — каже Богъ. «А яке ии щастя?» спытавъ анголь. — Таке, якъ и намъ теперъ! — одвитывъ ёму Богъ. Той ангель и полытивъ, Богъ и Петро найилысь и пишы. Той чоловікъ баче, шо вже ныма никого, вылизъ спидъ стола, глянувъ на стиль, — а тамъ все стоить такъ, якъ и було; винъ набравъ соби въ мишокъ всёго по троху и понисъ до дому; дома накормывъ и дитей, и жинку, ще й осталось на другый день; но де винъ це набравъ, про те винъ ны сказавъ никому. На другый вечиръ пишовъ винъ опьятъ до тыеи хаткы. Хата стояла попрежнёму; винъ вйшовъ туды, — тамъ тоже все попрежнёму. Напывшись и найившись, винъ полизъ пидъ стиль. Трохи пырыгодя, прыходятъ зновъ Богъ и Петро, силы за стиль и началы йисты. Прылытивъ опьятъ анголь и объявивъ Богови, шо народылась дытына, и спытавъ, яке ии щастя. «Таке, якъ и намъ теперъ», одвитывъ ёму Богъ. Той анголь полытивъ. Богъ и Петро найились та й пишы. Чоловикъ той опьятъ вылизъ, набравъ хлиба и другои стравы и

понисъ до дому. Но на цей разъ винъ ны вытирпывъ и розказавъ усе жиньци, якъ було. Жинка и каже ему: «якъ пидышь ты сёгодня, то якъ уже полытыть анголь, то ты тоди спытай, яке твое щастя!» Пишовъ той чоловікъ на третю ничь, прыходыть винъ въ ту хату, а тамъ теперъ тике одна лампадка горыть, а на столи лежить тике одынъ хлибчыкъ та стаканъ воды. Винъ поивъ трохы хлиба и полизъ пидъ стиль. Прыходять Богъ и Петро, силы за стиль и началы йисты той хлибчыкъ. Колы це прылита ангиль, сказавъ Богови, шо родылась дытына, и спытавъ, яке ии щастя. «Таке, якъ и намъ теперъ», одвитывъ ёму Богъ. Винъ и полетивъ. Тоди чоловікъ той вылизъ спидъ стола, ставъ пырыдъ Богомъ на коліна и пытае: «Боже, яке жъ мое щастя?» — Дурный ты, чоловіче, каже ему Богъ; чого ты ны пытавъ вчора, або позавчора? якъ бы ты бувъ спытавъ вчора, або позавчора, то ты бувъ бы и багатый, и щасливый, а теперъ ты будышь такый, якъ и есть, бидный до самои твоеи смерти». Тоди вдругъ все пропало: ны стало ны хаты, ны Бога, ны Петра; остався чоловікъ самъ. Заплакавъ винъ та й пишовъ до дому. Такъ винъ и остався на всю жизнь биднякомъ (В. Виска. Зап. К. Харченко).

4. О женскомъ господствѣ.

Разъ, у стародавню старину, яка-сь цикава жинка вблагала апостола Павла своими жалобами на чоловікы, щобъ не чоловіки булы старши, а жинки. Святый Павло ставъ Господа просыть: «хай буде жинка порядкувать, хай буде вона старша, бо чоловіки хуже жинокъ». — Добре! — сказавъ Господь, и стала жинка старшинувать и господарювать, стала вона скрызъ старшою: и въ дому, и въ казайстви, и у всякій распоряди. Отъ, чы мало втикло годивъ, тильки Господь узавъ Петра и Павла апостолывъ та й пишовъ на землю. «Ходимъ, каже, Павле, роздывымся, якъ теперъ на земли людямъ живеция, чы добре, чы ни». — Добре, Господы, каже св. Павло, жинка добрише и чутнише на все благе сердце мае, чимъ чоловікъ. — Отъ прыйшлы воны, въ село; вже смеркло,

треба де-сь заночуваты. Пидійшли до одной хаты, стали просыцца на ничь, а чоловікь сыдыть на прызьби та й каже: «це не моя хата,—жинчина, спытайтесь у неї». Выкльыкалы жинку. А вона ихъ не пустыла, ще й двери на крюкь взяла. Пишли пидь другу хату — и тамъ те жь. Вже и Господь, и свв. Петро и Павло просылы, мо-лылы, що вони здалека идуть, що вони голодни, що ледве ходять оть втомы—школа! Инча ще й вылае, або собакъ спусте. Отъ прыйшли наши святыи путныкы до богатой хаты: двирь широкый, хазяйство чымале. Ввійш-лы въ хату; хата простора и горныця пусте. Чоловикь коло запичка дытыну колыше. Вони до ёго, стали про-сыцца на ничь, а винъ одвичае: «жинки нема дома, а я не хазяинъ безъ неї». Вони ёго просять, та молють, а винъ ажъ руки до серця кладе, та розказуе: «люды добри! якъ бы моя воля була, я бъ и привитавъ васъ, и нагодувавъ, — колы жъ можно страныка не принять, не впокоиты? — колы жъ теперь жинка стала старша, и вона всимъ порядкуе; перше лучче було, а теперь життя немае; нема добра, ни розуму въ господарстви, — цикависть та злистъ совсимъ чоловікивъ зайила». Господь слуха, та на святого Павла погляда, а той тилькы головою хыта, а все-жъ не йме виры. А Петро каже: «такъ, Господы, такъ!» Отъ Господь такы вмовывъ чоловіка безъ жинки пустыть ихъ на ничь, а чоловікь ихъ осте-режа: «я, люде добри, зъ радистю, але-жъ щобъ вамъ не було погано, якъ жинка верныця». Нагодувавъ ихъ, постелывъ коло стины, пидь лавою, що коло божныци: зкраю лигъ св. Павло, по середыни Господь, а пидь са-мою стиною св. Петро. Прыходе жинка зъ гулянкы,—ажъ свитало вже,—пьяна, росхристана, стукае, гуркае, лаецци. Чоловикь скочывъ зъ печи, та такъ їи благае, щобъ не коверзувала, бо чужи люде, томлени странныкы спляте. Боже мій! вона якъ почувла, якъ заверещить, якъ за-стрекотить, хмилъ зъ головы выскочывъ, а на губахъ ажъ пина стала: «хто? кого? на що? кого пытавъ?» якъ схватыла чоловіка за чуба, ажъ до земли прыгнула та крычыть: «я старша! я господыня! моя хата! моя сына! моя воля!» А дали такъ разлютувалась, що схопыла чап-

лію та до страннѣкѣхъ: «я навчу ихъ по чужихъ хатахъ йисты та спаты!» та святого Павла (а винъ крайній лежавъ) чаплією, чаплією! Чоловикъ одтягъ ии, а святой Павло каже: «ой, Господы, пусты мене въ середыну, бо дуже бѣецця, клята баба». Пустывъ ёго Господь въ середыну лягты, а жинка вырвалась одъ чоловіка та крычыть: «ще цѣго, середнего не была!» та знову Павла чаплією гладе. Чоловикъ знову одтягъ ии, а святой Павло тымъ часомъ впросывъ святого Петра лягты середнимъ, а самъ швыдче ажъ пидъ стину лигъ. А жинка и тамъ его не забула, одишнула чоловіка, та зновъ за чаплію: «ще того крайнёго не вчила!» — изнову святому Павлу досталось. Насылу выбрались вони зъ теи хаты. Глянувъ Господь на святого Павла, а той слезами моле ёго: „ой, Господы мылосерднѣй! хай, покы й вику, покы й свита—чоловикъ буде старшѣй!“ Зъ того часу знова стала жинка въ повинни у чоловіка, бо якъ бы ще такъ було, то й Господь его святой знае, до чого дишлося бы!.. (Въ м. Дмитровкѣ записала Н. С. Тобилевичъ отъ кр. Вѣры Вайдовой) Сравни Чубин. II, 329, Драгом., 129, № 27, Этногр. Обзор. 1890 г. № 2, стр. 146. Сообщившее эту легенду лицо замѣчаетъ, что въ другомъ, извѣстномъ ей вариантѣ на мѣсто Господа является царь, а вмѣсто апостоловъ — царскіе слуги, министры, что дѣйствіе разказа происходитъ въ то еще время, когда на землѣ людей было мало и когда царство было только одно. Въ нашемъ распоряженіи имѣется еще одинъ коротенькій вариантъ этого разказа, записанный въ с. Плетеномъ Ташлыкѣ, «прибаутка», какъ называетъ его Вас. Письменный, сообщившій намъ записъ. Въ этомъ вариантѣ дѣйствующихъ лицъ только двое: Господь и св. Петръ; послѣдній и уговорилъ Господа, чтобъ жинки были старше, сжалившись надъ ними, потому что видѣлъ, какъ мужья, обижаютъ женъ, а потомъ самъ и потерпѣлъ отъ жинки.

5. Бѣдный чоловікъ и св. Николай.

Бувъ собі чоловікъ одымъ бѣдный, а другой багатый. Отъ у бѣдного чоловіка родывся сынъ; пишовъ

винь до багатаго чоловика, шобъ той позычывъ ему тры рубля. Винь каже: «добре, я тоби позычу, а хто за тебе поручыцца?» Той каже: «а онъ, святыи Мыколаи.» Писля того чоловикъ той умеръ и ны отдавъ гроши багатуму. Багатыи запригъ фургонъ и пойихавъ до ёго. Прыйихавъ, взявъ мертваго на фургонъ и Мыколаю и везе въ городъ. Дорогою узявъ батигъ и давай бытъ ихъ, два разы мертваго, и каже: «шобъ ты ны позычавъ», а разъ Мыколаю, и каже: «а ты ны ручайся, сякый-такый!» Отъ йиде винь по городу. У одной вдовы сынъ торгуе милкимъ товаромъ, баче, шо везе багатыи, и пытае: «шо ты робышь?» а винь каже: «шо я роблю?— о-цей позычывъ та й умеръ, а цей поручывся». Той парубокъ давъ ёму тры рубля, узявъ икону и мертваца до дому, мертваца поховавъ, а Мыколаю поставывъ у хати. Черезъ времня йидуть купци у чужу землю за товарами, а винь каже: «отъ, мамо, якъ бы у мене були гроши, то я бь пойихавъ!» а вона каже: «шо жь робытъ, сыну, якъ нымае, то такъ и буде». Винь соби торгуе на базари, колы прыходе до ёго сывыи старыкъ и каже: «драствуй, сыну, Боже, поможы тоби! якъ ты тутъ прожываишь?» а винь каже: «та такъ, перебиваемось по-троху». А маты й каже ему: «отъ, бидна головка, купци йидуть за товарамы, а мий сынъ соглашаецца йихать, та нымае достаткивъ». А той старыи и каже: «гайда, пойдимъ у двохъ!» а винь пытае: «та на чомъ мы пойдимъ?» а той каже: «зробимъ соби корабля та й пойдимъ». Отъ ставъ той старыкъ робытъ корабль, а той парубокъ дывыцца, якъ винь робе, и думаетъ: «мало винь цюкае, а багато робыцца». Пишовъ винь до матыри и каже: «цей дидь, мабудь, ны простый чоловикъ, бо винь шо-сь мало цюкае, а багато робыцца; чы ны святыи Мыкалаи це, бо шо-сь похожий на ту икону»? — Богъ ёго знае, каже маты, може и винь. — Отъ зробывъ дидь корабля и пойихалы воны. Други купци пойихалы дня за тры раньче, а воны догналы ихъ и выпередылы, а купци и кажутъ: «де ты соби такого дида узявъ?» а винь каже: «Богъ давъ». Отъ прыйихалы воны; дидь и посылае его до царя; царь каже: «переночуй тры нocy въ склепу и

беры, скилько хочешь, товару». Парубокъ прыйшовъ до того дида, росказавъ ёму, дидъ тоди и каже: «добре, пиды теперь до царя, ныхай царь дастъ тоби пудъ меду, пудъ клочья и пудъ маку». Той парубокъ пишовъ до царя, царь давъ ему все, шо винъ просывъ. Тоди дидъ каже: «иды-жъ ты въ склепъ, возьмы, умочы прядиво у медъ и обвиды кругомъ себе, макомъ обсыпъ, и на тсби о-цей свяченый ножыкъ и обчеркнысь нымъ кругомъ себе, бо тамъ е царьска дочка, и вона выйде до тебе и буде тебе просыть здорово, шобъ ты глянувъ на неи, а ты, Боже тебе сохрани, ны дывысь на неи, такъ якъ ты йи ны бачышь». Пишовъ той парубокъ у склепъ. Выйшла вона до ёго та й просе: «подывысь на мене, яка я!» а винъ ны хоче дывыцца на неи, а вона зновъ: «чого жъ ты ны дывысь на мене, яка я бѣрава и одита гарно, чого ты ны дывысь на мене?» а винъ такы ны хоче дывыцца на неи. Отъ уже пивни заспивалы, и вона пишла на свое мисто. Царь и посылае сторожа: «пиды, подывысь, чы хотъ кисточки ёго е тамъ?» Сторожъ пишовъ, отперъ, бачыть, шо винъ живой, пишовъ до царя и каже: «ше живой». Пишовъ той парубокъ и на другу ничъ и такъ зробывъ, якъ на перву. Отъ треба ёму итты на третю ничъ, а винъ уже боицца итты; дидъ той и каже: «ты ны бѣйся, иды, бо й я тамъ буду; ты знаишь, хто я такый?» а винъ каже: «не, ны знаю!» — Я святой Мыколай; ты ны бѣйся и гляды, зновъ такъ зроби, якъ тоди, бо теперь вона дуже буде добывацца, шобъ тебе изьисты; вона зновъ буде просыть, шобъ ты дывысь на неи, упосля побаче, шо ничего ны може зробыть, то вылытыть наверхъ, зирве крышу и буде шукать, шобъ ухватыть за голову, а ты тоди быры кныжки и свичку, иды туда, де вона лыжала, та ляжь тамъ и чытай. — Отъ пишовъ винъ въ склепъ. Вона баче, шо ничего ны зроби, вылытила наверхъ, зирвала крышу та й шукае ёго; найшла вона стуло: «ага, каже, ты тутъ!» взяла стуло та трахъ объ землю — и побыла все стуло. Отъ уже время итты йи ложицца зновъ; пишла вона, дывыцца, а винъ лыжьыть. «А чого ты тутъ лигъ?» а винъ каже: — такъ! — «вставай!» — не, ны встану! пырыхрыстысь тры раза и

скажи: во имня Оцца и Сына и Св. Духа, аминь! — Вона пырыхрыстылась и сказала. Тоди винь уставъ и стали воны ходыть по склепу. Отъ царь посылае сторожа, каже: «пиды, подывысь, чы хоть кистки е ёго». Сторожъ прыйшовъ, отперъ, бачыть, шо воны удвохъ ходять, пишовъ и сказавъ царю. Отъ воны выйшлы изъ склепу и пишлы до дида. Дидъ ихъ поблагословывъ та й каже: «идить вы до царя, ныхай и царь васъ поблагословыть». А царь вылизъ на третій этажъ и позаклынавъ и двери, и викна. Прыйшлы воны, а царь заперся и ны хоче, — боицця. Якъ началы люды уговаривать ёго, а винь злизъ, поблагословывъ ихъ и каже: «возьмы соби товару, скильке хочешь, и йи тоже быры зъ собою». Набралы воны товару и пойихалы до дому. Йидуть воны коло лиса, а вона и каже: «пиду я въ цей лисъ, густыть мене!» Дидъ каже: «литы!» Вона якъ полетила туда, а напротивъ неи галичъ вылитила, взяли йи по-пидъ руки и видуть. Дидъ и каже тому парубкови: «буде вона давать тоби яблука, а ты ны йижь, кажы, шо упосля зъимъ!» Отъ прылытила вона на корабль, прынысла чытыри яблока въ платочку и каже: «на, зъижь, якы воны гарны!» а винь каже: «ныхай упосля, теперь николы». Отъ дидъ той наславъ на ней сонъ, узявъ, розривавъ яблуко та й показуе: «подывысь, каже, яка тутъ гадына! якъ бы ты зъивъ, то и у тебе було бь о-це»; тоди взявъ, распоровъ йи, а тамъ гадынь — ажъ кышитъ! винь взявъ, вычыстывъ йи, выполоскавъ, тоди сцилывъ йи, а вона схватылась та й каже: «отъ якъ я заснула!» Прыйихалы воны до дому, той дидъ пишовъ соби, а воны стали соби торговать товаромъ, тымъ, шо прывызлы (с. Плетеный Ташлыкъ. Запис. П. Калашниковъ). Ср. Рудченко, II, 27, № 12; Чуб., II, 27, № 7.

6. Про баранчыка.

Булы соби дидъ и баба бидны-прыбидны, а дитей у ныхъ було богато. Дидъ сказавъ: «я пиду шукаты роботы, а якъ ны найду роботы, то пиду въ лисъ, шобъ мене вовки зъилы». Иде винь и баче: стоитъ пидъ дубомъ

чоловикъ, а то бувъ святой Мыколай. Св. Мыколай спытавъ: «чого ты, диду, тутъ ходышь»? Дидъ каже: «иду я, — якъ ны найду роботы, то пиду въ лисъ, шобъ мене вовкы зъили». Тоди св. Мыколай сказаъ: «на тоби цѣго баранчыка; якъ прыйдешь до дому, то скажи: «потрусусь, баранчыку»! Дидъ прыгнавъ баранчыка до дому, каже баби: «простылы скатырку»! Баба простылыла скатырку, дидъ поклавъ баранчыка на скатырку и сказаъ: «потрусусь, баранчыку»! Баранчыкъ потрусывся и изъ него выпалы разны стравы: и горилка, и канфеты, и горихи. Тоди дидъ созавъ всихъ сусидивъ и начавъ зъ ними гуляты. Дидъ и баба повпывалысь; тоди сусиды кажутъ ёму: «продай намъ цѣго баранчыка»! — А скилько жъ вы мини дасте? — «Сто рубливъ», сказалы воны. Винъ взявъ у нихъ сто рубливъ и виддавъ имъ баранчыка. Колы у дида ны стало грошій, винъ и каже баби: «пиду шукаты роботы, якъ ны найду роботы, то пиду въ лисъ, шобъ мене вовкы зъили». Отъ винъ ны знайшовъ роботы и иде въ лисъ, колы бачыть — стоить пидъ деревомъ св. Мыколай. Св. Мыколай пытае ёго: «де твій баранчыкъ»? Винъ каже, шо продавъ ёго. Тоди Мыколай сказаъ: «на тоби другого баранчыка, та гляды, ёго ны продавай»! Тоди чоловикъ той прыгнавъ баранчыка до дому, прызвавъ всихъ сусидивъ, каже: «сёгодня мы будымо гуляты»! Сказаъ баби, шобъ простылыла скатырку, тоди каже: «потрусусь, баранчыку»! Баранчыкъ потрусывся, виттыль выскочылы дванадцать молодцивъ и началы лупыть дида батогамы, прыказуя: «а ны продавай баранчыка, а ны продавай баранчыка»! (Новоархангельскъ. Запис. В. Колодченко-Суббота) Ср. Рудч., II, 125; Чуб. II, 350; Манжура, въ Сборн. Харьк. Общ., II, 74.

7. Про Ивана и жинку ёго—витрану дочку.

Бувъ соби чоловикъ и жинка, малы воны соби сына Ивана. Отъ той чоловикъ и жинка вмерлы, остався сынъ одынъ. Пишовъ винъ служить до одного чоловика. Служывъ винъ ему тры годы; якъ выйшовъ ему срокъ, Иванъ и каже: «дядько, ну, давайте мини гроши»! Давъ

ему хазяинъ гроши, пишовъ винъ, купывъ собі ладану, пишовъ пидъ гору и пидкурывъ ладанъ. Отъ Богъ и посылаетъ ангела до Ивана: «бижи, спытай ёго, чого ёму треба»? Иванъ и каже: «ничого мини не треба, мини треба жинкы!»! Полетивъ ангель на небо, каже Богови: «винъ хоче жинкы!»! Иванъ упячь куре ладаномъ. Богъ у другый разъ посылаетъ ангела: «бижи, спытай, чого винъ хоче одъ мене»? Ангель полетивъ та й пытаетъ Ивана: «чого ты хочешъ»? — Я ничого не хочу, — я хочу, щобъ Богъ мини жинку давъ!»! Полетивъ ангель на небо та й каже: «жинкы хоче!»! Отъ ёму Богъ посылаетъ черезъ ангела жинку. Сила жинка коло ёго; жинка ёму ничого не каже, а винъ жинци ничого не каже. Отъ Иванъ и каже: «ну, будемъ, жинко, що-сь робыты! гайда, наймемось!»! Пишлы воны до одного чоловіка, а въ того чоловіка молотылы на току молотныкы; ти молотныкы убыралы тикъ. Жинка Ивана и пытаетъ: «що вы робите»? — А же жъ, бачъ, що робымъ, — тикъ убываемъ, бо дощъ находе!»! — Вона и каже: «не бійтесъ, дощу не буде!»! Де взявся витерь, розигнавъ вси тучи. Отъ той хазяинъ и наймае ихъ: жинку йисты варыть, а чоловіка хлибъ молотыть. Отъ той хазяинъ полюбывъ жинку Ивана, та хотивъ ёго истребыть изъ свита, щобъ на ёго жинци женьщя. Хазяинъ и каже Иванови: «знаешъ що? — пиды ты, піймай мини дванцять вовкивъ!»! Иванъ прыходе до жинкы та й плаче. Жинка пытаетъ ёго: «чого ты, Иване, плачешъ»? — Э, якъ мини не плакать: сказавъ хазяинъ, щобъ я ему прывивъ дванацять вовкивъ! — «Не плачь, чоловіче! на отъ цей тоби клубочокъ та иды по прямиъ дорози, буде тоби дорога лежать и вправо, и влѣво, ты сядь на-середыни, заплющъ очы та й покоты цей клубочокъ, щобъ не бачывъ, куды винъ покотыцца». Взявъ Иванъ клубочокъ та й пишовъ. Иде винъ, дывыцца: дорога и вправо, и влѣво; взявъ винъ, сивъ, заплющивъ очы та й пустывъ клубочокъ; покотывся клубочокъ и ганяе вовкивъ по лиси; чуе Иванъ: трещыть — клубочокъ дванацять вовкивъ гоне. Занявъ тоди Иванъ вовкивъ та й погнавъ хазяинови: «онъ, подывыцца пидыте въ сарай: тамъ — дванацять вовкивъ!»! Хазяинъ пишовъ, подывывся,

та й каже тоди Иванови: «ну, теперь прыжены мени дванацять медвѣдивъ!»! Иванъ пишовъ до жинкы та давай плакать. Жинка й пытае ёго: «чого ты плачешь, Иване»? — Якъ мини не плакать? — сказавъ мини хазяинъ, щобъ я прыгнавъ ёму дванацять медвѣдивъ. Жинка й каже ему: «не плачь! на тоби отъ цей клубочокъ, та иды по прямій дорози; буде тоби дорога и вправо, и влѣво, ты сядешь насередыни та й пустышь клубочокъ, щобъ не бачывъ, куды винъ покотыця». Иванъ взявъ клубочокъ и пишовъ. Дывыця: дорога и вправо, и влѣво; сивъ насередыни, закрывъ очы та й пустывъ клубочокъ. Клубочокъ покотывся, зганяе медвѣдивъ. Иванъ взявъ дрючокъ та й погнавъ медвѣдивъ. Прыгоняе до дому та й каже хазяинови: каже, я вамъ прыгнавъ дванацять медвѣдивъ. Хазяинъ и каже: «ну, добре, теперь ты мини прынесы гусли!»! Иванъ иде до жинкы и плаче. Жинка пытае: «Чого ты, Иване, плачешь»? — Якъ мини не плакать? сказавъ хазяинъ, щобъ я ему прынисъ гусли! — «Не плачь! На тоби отъ се полотенце, пузырочовъ воды и отъ сей кусочокъ хлиба, та иды до пизной ночи; такъ у лѣву руку буде стоять хата и въ неи буде свитло горить». Иванъ вставъ раненько та й пишовъ. Иде винъ, уже смеркло, баче винъ: въ лѣву руку — хатка, тамъ свитло горить. Иванъ вѣйшовъ въ ту хатку. Тамъ сидыть тикы одна баба (а та баба була витряна маты). Иванъ каже: «добрый вечеръ!»! — Доброго здоровья! а чого тоби треба, чоловиче? — «Та я прыйшовъ попросыця переночувать!»! — Добре — каже. Та баба и пытае Ивана: «а у тебе жъ е що небудь йисты»? Иванъ каже: «есть кусочокъ хлиба, буде зъ мене, я зымъ кусочокъ хлиба та ляжу спать». Баба каже: «може, ты борщъ будешь йисты»? Иванъ каже: «ни, я не хочу». Баба каже: «а може, тоби постелыть»? — Нѣ, мини не нужно, у мене ось е одежина, я простелю та й ляжу. — Изывъ Иванъ кусочокъ хлиба та й лигъ спать. Прыходе тыи бабы чоловикъ та й пытае бабы: «що це таке за чоловикъ»? Вона каже: «Богъ ёго знае, прыйшовъ просыця ночувать». — А ты жъ ёму йисты дала? — Баба каже: «давала, та не хотивъ». — А постелыла ты ему? — «Винъ ничего не хотивъ». Дидъ и

пытае бабы: «де жъ сыны»? — Та полетилы туда, де нема мелятого. — «А ты жъ имъ сказала, щобъ воны тамъ не баловалысь»? — Я имъ казала. — Дидъ каже баби: «давай, жинко, йисты, та ляжу спаты». Повечерявъ та й лигъ спать. Ось незабаромъ прылитають сыны та й пытають: «мамо, що це таке за чоловікъ»? — Та це по-дорожній, попросився переночувать. — Повечерялы сыны и ляглы спать. Иванъ вставъ раньше всихъ, умываецця съ пузырьочка, а баба обзываецця: «чоловиче добрый, та же онъ — кружка, умыйся съ кружки!» — Та я цією водою умыюсь! — Умывся Иванъ та начавъ утырацця полотенцемъ; баба побачыла те полотенце: «Э, це, каже, полотенце наше! це, каже, мабить, нашъ зять, бо я й свой доцци таке давала полотенце». Давай баба пытать ёго, видкиля винъ. Иванъ все чысто ии розказавъ, баба каже дидови: «це нашъ зять!» А дидъ каже: «ну, якъ зять, то й добре, спытай же его, чы наша дочка жива»? А баба каже: «я ёго пытала, винъ казавъ, що жива. — Ну, бабо, позви теперъ сынивъ, нехай воны прынесуть горилкы. — Сыны прынесли водкы, началы воны гулять. Дидъ пытае Ивана: «куды жъ ты, сыну, йдешъ»? Иванъ каже: «я служу у одного чоловіка и той чоловікъ мене пославъ, щобъ я ёму прынисъ гусли». Дидъ и каже своимъ сынамъ: «знаете що, диты? пидить вы до моря, розвернить море и достаньте видтиля гусли, та принесете сюды до мене». Сыны полетилы, розвернули море, досталы гусли та й полетилы назадъ до дому; вийшлы въ хату та й кынулы на стиль гусли; гусли началы грать, а Иванъ дывыцця, вытрищывъ очы. Взявъ Иванъ гусли, попрощався съ тестемъ и съ тещею та й пишовъ до дому. Батько й каже сынамъ: «знаете що, дити, отнесить свого шуряка до дому!» Сыны догналы Ивана та й понесли ёго дому. Прыходе Иванъ до дому, баче, у хазяина весилля. Иванъ пробыраецця въ хату, жинка побачыла его та й каже хазяину: «постой, я пиду, дамъ по чарци людямъ». Пишла, начала всимъ людямъ давать по чарци водкы; якъ прышлось до ии чоловіка, вона ему дала одну, тоди другу, тоди третю. Иванъ тоди взявъ, пидійшовъ до стола та й кынувъ передъ хазяиномъ гусли. Хазяинъ дывыцця на ёго.

Иванъ тоди каже своій жинци: «ну, теперь гайда! будь винъ проклять съ своимъ добромъ!» Тикы що воны вый шлы, де взявся витерь, де взялась буря, згоривъ той хазяинъ со всимъ своимъ добромъ. А Иванъ тоди ставъ жить та поживать, та добра наживать (Записано отъ крест. мальчика изъ Б. Виски). Ср. Рудч., II, 153; Чубин., II, 7; Драг., 290. (*)

8. Иванъ и наймитъ.

Живъ соби багатый чоловікъ съ жинкою, у ихъ бувъ наймитъ, а дитей ны малы. Той чоловікъ захотивъ зробить що нибудь таке, шобъ поправылось Богу, може — дума — Винъ дасть имъ сына. Тамъ, де воны жылы, була здорова балка, а въ тий балци було таке болото, шо ныззя було пырыижжать; той чоловікъ построивъ черизъ ту балку мистъ и якъ окончывъ его, посила своего наймита пидслухать, шо будутъ казать люды, якъ будутъ проходить чиризъ мистъ. Наймитъ пишовъ и засивъ пидъ мистъ, сыдыть и слухае. Чуе, идутъ люды и балакають, а то йшовъ Исусъ Христосъ съ апостоломъ Петромъ. Исусъ Христосъ и каже: «у того чоловіка, шо цей мистъ построивъ, родыця сынъ Иванъ и винъ шо ны попросить у Бога, Богъ ёму дасть». Той наймитъ пишовъ до дому и каже хазяину, шо нычого ны чувъ. Чиризъ ныдилю родывся у нихъ сынъ и ёго назвалы Ивановъ. Той наймитъ ночью укравъ ёго и понисъ до одной мамкы, шобъ вона его прокормыла и выростыла до трёхъ годъ, а винъ ии заплатыть за це. Той чоловікъ якъ проснувся утромъ, пытае: «а де-жь нашъ Иванъ»? А жинка каже: «ныма, де-сь дився». Чоловикъ напався на жинку та й каже, шо та ёго де-сь дила, та взявъ ии, закопавъ по поясъ въ землю и начавъ кормыть помыями. Якъ пройшло три года, наймитъ росчытався съ хазяиномъ, пишовъ, взявъ Ивана и каже ёму. «попросы у Бога, шобъ винъ давъ тобі коляску и четверку добрыхъ конивъ». Той попросывъ, и тутъ же она и явилась; силы и пойихалы въ городъ. Въ городи наймитъ каже Ивану: попросы у Бога, шобъ винъ построивъ тутъ такий домъ, шобъ ны у кого ны

(*) Ср. также Афанасьевъ II, 297 и др. (Прим. ред.).

було такого»; той попросивъ, и стали оны жить. Чиризъ годъ наймитъ захотивъ жинищя — и жинився. Разъ, якъ Ивана ны було дома, винъ розказавъ своїй жинци, якъ винъ розбогативъ и якъ Ивана укравъ. Въ другый разъ, якъ ны було уже наймита дома, ёго жинка и спрашивае Ивана: «де твои батько и маты»? Той каже: «не знаю». Тоди она все ёму и розказала. Якъ прыйшовъ наймитъ до дому, Иванъ зробивъ ёго собакою, привязавъ веревкою за шию и повивъ до свого батька. Тамъ вони и закопали на мисто матери въ землю, а сами стали жить и поживать (Новоукраинка. Т. Арсирій).

9. О конць свѣта.

Говорять, шо якъ родився Исусъ Хрыстосъ, то Богъ спорився изъ чортомъ, переспоривъ чорта и заперъ у клітку на дви тысячи литъ. Якъ пройдутъ ци годы, то чортъ прыйде въ золотыхъ рызахъ, буде ходыть по зимли съ тыквою и даватъ людямъ йисты й пыты: замисть хлиба та земли, а замисть воды — смолы; тому, хто зъистъ того, шо винъ дастъ, то винъ зробыть пичать на руци, шобъ знать, а якъ не буде йисты, то винъ того буде на горячый сковороди жарыть (Запис. отъ крест. мальчика изъ Плетенаго Ташлыка).

10. Объ чортахъ.

Жилы соби чоловикъ и жинка, малы вони соби дви дочки: одна здорова, друга маленька. И за селомъ була пуста хата, туды дивкы собыралысь на досвиткы. Отъ ся дивчына узяла съ собою свою сестру, шобъ та складала почынкы. Отъ вони собралысь туды и ждуть парубкивъ. Ждутъ вони, ждутъ — не прыходять парубкы, а колы въ пивночы прыходять пять парубкивъ и несутъ съ собою горилку. А то булы чорты. Силы вони на лавку и позакручувалы хвосты по пидъ лавку. Та старша сестра съ своею маленькою сестрою сидила на пичи; меньча складала почынкы на виконце, побачыла отъ цихъ парубкивъ съ хвостами, упустыла почынокъ и каже своїй

сыстри: «ой, лелю, лелю, я упустила починокъ, ходимъ на двирь та визьмимъ ёго, бо я боюсь!»! Та сестра пишла зъ нею, а меньча и каже ии: «ой, лелю, лелю, шо намъ робыть? якы це парубкы — съ хвостами! отъ, ходимъ въ хату та побачышь! намъ треба тикать!»! Пиднялы вони починокъ, пишлы въ хату, та старша сестра побачыла та й злякалась. Потымъ меньча сестра сказала: «ой, лелю, лелю, я хочу на двирь!»! А та систра каже: «сама выйды!»! Вона каже: «я боюсь!»! Старша сыстра довго отказувалась провысты ии на двирь, потимъ согласылась. Пишлы вони на двирь, а меньча сестра и каже: «ходимъ тикать, а то вони насъ позамучують!»! Пустылысь вони тикать до дому, бачыть меньча сыстра, шо за ными гоняцца, вона каже старшій: «бачышь ты ту копычку прядива? ходимъ до нёго швытче, та тамъ и сядемъ, тоди побачышь, шо буде». Силы вони. Прыбигае чортъ, а та меньча сыстра и каже ёму: «ой, бадю, бадю, якъ це прядиво трудно робыть! якъ начнемъ мы орать, та ораемъ, та ораемъ, та ораемъ; якъ зачемъ волочыть, то волочымъ, та волочымъ, та волочымъ; якъ зачемъ сїять, та сїемъ, та сїемъ, та сїемъ; якъ зачне воно росты, та росте, та росте, та росте; якъ зачемъ мы его вырывать, та вырываемъ, та вырываемъ, та вырываемъ; якъ зачемъ вьязать, та вьяземъ, та вьяземъ, та вьяземъ; якъ зачемъ возыть, та возымъ, та возымъ, та возымъ; якъ зачемъ мочыть, та мочымъ, та мочымъ, та мочымъ; якъ зачемъ его быть, та бьемъ, та бьемъ, та бьемъ; якъ зачемъ его терты, та тремъ, та тремъ, та тремъ; якъ зачемъ его прясты, та прядемъ, та прядемъ, та прядемъ; якъ зачемъ его ткать, та тчемъ, та тчемъ, та тчемъ; якъ зачемъ его билыть, та билимъ, та билимъ, та билимъ; якъ зачемъ его шыть...» ище вона цихъ словъ ны договорыла, якъ пивень заснивавъ,—той чортъ и лопнувъ. Вони побиглы скорійше до дому, розказалы батькамъ и матерямъ тыхъ дивокъ. Батькы и матери прыйшлы въ ту хату, а ты чорты позамучувалы ихъ и повишалы до стели. Взялы ты батькы и матери и поховалы ихъ (Записано отъ крест. мальчика изъ Новоархангельска. Разказъ извѣстенъ также въ Б. Вискѣ).

11. Якъ вивчивсь чортъ на гайдѣ грати.

Въ давне времена ны було ны сіеи грамоты, що тыперынькы, и ны було ниякои музыки, що якъ теперъ повчылысь. Одынъ зпырыдъ другого хватае, все для залицанья. Першу для гранья духову музыку выгадавъ чабанъ (винъ бувъ изъ молдуванъ), да таку хымерну, шо и въ чорта ны було. Заризавъ козу, знявъ зъ неи шкуру цилькомъ, якъ тыперынькы вовкивъ луплять, вычынывъ йи по своему да выголывъ; де була гузка, стягнувъ шнуркомъ и вставывъ зъ дерыва пробку и кругомъ неи завязавъ крѣико, щобъ духъ ны выходывъ; де була голова, также вставывъ вороночку, шкуру стягъ шнурочкомъ, а въ вороноцци провыртивъ дирочку и вставывъ въ неи дудочку съ хлопоньчыкомъ, якъ въ ковалевимъ михови; де була права передья нижка, ввѣязавъ вороночку зъ дирочкою, де лива нога, встромывъ довге дудлыще зъ очертянымъ басовымъ пыщомъ, съ край того дудлыща рижокъ; друге дудлыще, те, що въ правій нози, трошкы корочче, зъ шистю дирочкамы, щобъ пырыбырать пальцямы, якъ треба грати, и тежъ зъ краю зъ рижкомъ; та якъ заграе, то ажъ ворогамъ тяжко! якои завгодно, заграе: чы нашой — то й нашой, чы руськой — то й руськой, а ни, — ще й паньской. Заграе було на висилли, якъ хто захоче почванытысь, да загадае; а вже якъ почне той волоськой доины, то й ны пырыслухайшь. Ны разъ було пытають его: де ты въ чорта вчився? Отъ разъ ходывъ винъ за вивцямы да й гравъ якоисъ. Чортъ позавыдувавъ ёму и показавсь въ такой хорошій одежи: въ суконнимъ жупани, пидперезаный шовковымъ поясомъ, въ постольцяхъ зъ рыминными волоками, якъ було ходять парубкы заможныхъ людей. «Продай, каже, гайдѣ, — шо схочышь, те й заплачу». — Може бъ я й попомъ схотивъ — каже чабанъ. «Якъ попомъ схочышь, то й будышь, тилькы щобъ ты мене вивчивъ грати, а я тебе письма, тилькы щобъ ты справлявъ мини гайдѣ». Отъ то згодылысь; отдавъ чабанъ чорту гайдѣ, а чортъ чабану азбуку, напысану на якому-сь пиргаменьти. Пишовъ чабанъ у сло-

боду, а тоди въ другу, да все показуе свою азбуку, да доказуе свое происхожденя, шо попивскый сынъ волоськои церкви. Люды одынъ по другому стали зъ нымъ знакомыця да горилку пыть. Разъ зійшлась вся громада, зпысали всихъ на карбижъ (на палыци наризали щотъ людей) и зъ тою грамотою по приговору мира послали зъ прозьбою до архырея, шо, мовъ, попивскый сынъ степный быть попомъ. Самъ владыка пырыщывавъ всихъ и благословывъ посланныкови наризать карбижъ навскись, а самъ скрышивъ навхрысть, шо розришино попивскому сынку попуваты. Отъ-то зъ масляныци да й чырызъ пистъ побувъ винъ попомъ. На вылыкдень на утрени пипъ вбрався въ рызы; ажъ той самый — ны пры хати згадуючы, да й ны пры насъ, гришныхъ — чортъ прыносыть гайду да й каже: «поправъ, а ни, — то й попомъ ны будышь». — Да ну, шо се ты? — «Ни, якъ ны поправышь, то й попомъ ны будышь! тоби обидня, а я взявся на высили гратъ». Сюды, туды, пипъ свое, а чортъ свое. Дали пипъ справывъ. «Ну, каже чортъ, колы справывъ, то й заграй, шобъ мини на висили очыма ны лупать, якъ погане гратыме». — Да шо се ты, чи то жъ можна гратъ въ церкви, ходимъ лучче до дому, я тамъ заграю. — «Ни, — тутъ! я сховаюсь въ паламарню, а ты грай!» Пипъ зъ горя да зъ пичали загравъ ни сякой, ни такой, якъ кажуть: о-такой гралы, якъ чорта ховалы. Люды вси на попа грымають: одынъ каже — рострыгты, другый каже — а хто жъ намъ паску посвятыть? а дали здумалы за грамоту, на якый архырей свою руку прыложывъ, и прыговорылы попа положить и ту палку въ цуры побыть. Такъ и зробылы, а чортъ ходыть въ нывыдымымъ образи та й каже: «ны сердься, бо ты жъ и самъ знаишь, шо ныльзя выйты въ попы не бытому; то якъ тебе ны были малымъ, то теперь хоте разокъ старымъ» (Плетеный Ташлыкъ. Запис. Ив. Болѣлый).

12. Разказы о кладахъ.

1. Булы у одного чоловика досвиткы. Прыйшовъ туды дидъ, такый соплывый, шо гыдко було на него ды-

выщя, прыйшовъ та й каже: «обитрите мини, дивчата, сопли». А дивчата якъ завырыщать: «ой, лышенько намъ, ой, рыгать будымъ», та й розбиглысь по куткамъ; а одна дивчина пидишла до сопльового дида и утерла ему сопли. Отъ тоди той дидъ и розсыпався въ гроши. Котра дивчина обтерла сопли, то та гроши збырае, збырае, а котра ны обтерла, то тильки що хопыть грошивъ, такъ заразъ и стане ракомъ (Антоновка. Запис И. Шевко).

2. Росказувалы, що у одныей жинкы въ нашый деревни на пасху горыть у угли кладъ оттого, що прежде тутъ була война и закопалы тутъ грошы. Одынъ годъ, якъ настала пасха, выйшовъ якийсь чоловикъ изъ земли и сказавъ: «копайте тутъ и найдете кладъ, а то, якъ не выкопаете, то згорыть хата». Писля пасхи началы копать и нашлы богато грошый (Плетеный Ташлыкъ).

3. А то ище кажуть: въ нашый-такы деревни одна жинка ишла изъ церкви, а за нею погнався билый баранъ. Вона прыбигла до дому и сказала про це старымъ людемъ, а ты люде сказалы ии: якъ бы ты обвернулась и ударила лѣвою ногою, то винъ розсыпався бъ у гроши (Плетеный Ташлыкъ).

4. У нашый деревни, коло большой дороги есть Маркова могыла. Росказують, шо вже давно було це: йихалы прозь ту могылу люде и везлы водку; якъ дойихалы вони до Марковой могылы, и чогось остановылысь; дывляцця, а изъ теи могылы выходыть хлопчыкъ и веде биленьку собачку; и каже винъ имъ: «дайте мини бочонокъ водкы, а я вамъ дамъ о-цю собачку». Вони дали ему бочонокъ водкы, а винъ и щезъ, а собачка осталась; взяли вони ту собачку за веревку, а вона и розсыпалась у грошы (Аврамовка).

5. Одна жинка встае въ ночи та й баче, що спидъ полу выходыть гуска. Походыла, походыла та гуска по хати та й вернулась опьять нидъ пиль. На другой день утромъ та жинка росказала про це свои матери та й пыта: «шо це значыть»? а маты й каже: «якъ бы ты ударила ии лѣвою рукою навидли, то вона бъ розсыпалась въ грошы». Вона стала шукать нидъ поломъ, думала, шо, може, е та гуска, шукала, шукала и не нашла (м. Семеновое).

6. Одынъ разъ до одной жинкы прыйшовъ у нocy дидъ изъ длиною бородою та й каже: «утры мини носа». Вона не схотила и винъ пишовъ. Рано вона спрашуе у старыхъ людей: хто то бувъ у ней? вони кажуть: то были гроши у тебе, якъ бы ты була утерла ему носа, то винъ розсыпався бъ въ гроши. Перегодя дня два, вона съ своимъ чоловикомъ пишла въ лисъ, дывыця, а въ лиси яма, та повна гадюкъ, жабъ и всякои нечысти; вони злякалысь та пишли до дому и тоди питають старыхъ людей: чого то тамъ яма повна гадюкъ? имъ и кажуть: якъ бы вы взяли паличку та перекинули черезъ яму, то тамъ бы были гроши (Аврамовка).

7. У одній хаты у углу постоянно горило на Діянiе и выходывъ изъ того угла чоловикъ сывый. Ти люды, шо жылы въ хаты тый, разъ взяли тай ударылы ёго, а винъ и розсыпався и зробылась куча червонцивъ. (Петро-островъ).

8. Одынъ чоловикъ выстроивъ хату, а въ тій хаты шо-сь лякало; винъ взявъ и продавъ їи бидни вдови. Та вдова на Пасху, рано—вси диты пишли въ церкву—осталась вона одна. Колы у пивночы чуе вона: шо-сь сыдыть пидъ поломъ и стогне; «де я ляжу?» та жинка взяла, чысту скатерку простелила и каже: «якъ шо добре, то иды, ляжъ на цій скатерци». Дывыця вона: изъ-пидъ полу вылазыть старый дидъ, лигъ на скатерку и розсыпався золотомъ. Та жинка собрала и стала богато жить (Большая Виска).

9. Въ мистечку Ставидлахъ розказують, шо два чоловика пишли шукать кладъ. Прышлы вони на те мисто, де зазналы, и стали копать. Колы у пивночы имъ прывставляиця, шо будто за ними богато вiйська женеця. Вони на втыкы. (Б. Виска).

10. Двумъ чоловикамъ прыснылось, шо въ такомъ-то мисти есть кладъ; вони пишли рыть ёго; прышлы туда, дывляиця: у стини двери; вони увiйшлы туда, а тамъ левъ здоровый; идутъ вони, а винъ стоить, ны трюга ихъ; идутъ вони дальши, а тамъ стоить другой, вони прошлы коло ёго, той тоже ны тронувъ; пишли дальше, стоить

третій, а той уже ны пускае ихъ; воны хотилы иты, а той левъ якъ крыкнувъ, такъ ты люды и полякалыся; колы дывляцця: стоить чоловикъ, блискучый, наче золото, тай й пытае ихъ: «чого вы прыйшли?» воны кажуть: «мы чулы, шо тутъ есть кладъ»; той чоловикъ каже: «прыдить черезъ годъ». Ти люды пишли до дому; идутъ, а за ними бижить блискучый чоловикъ; воны начали тикать, а той чоловикъ догнавъ ихъ, та бывъ ихъ у шыю, ажъ до самого дому. На другой годъ воны упъять пишли за кладомъ; имъ уже билше ничего ны случалось, воны вырыли той кладъ, подилылысь у двоухъ та стали таки богаты, шо и въ сили ны було такихъ богачивъ. (В. Виска. Запис. В. Харченко).

11. Кажуть, у Петроострови, у яру Ликгенатимъ-тамъ е кладъ. Росказують, шо то була турецька земля, и тамъ, якъ завоювалы наши туркивъ, то туркы тамъ закопалы два погрибы, повны золота, та теперь тамъ земля осовуецця. Кажуть, шо скоро буде видно ти погребы. (Петроостровъ).

12. Коло нашої деревни е Курячи могылы. Кажуть, колы-сь зимою йихавъ курятныкъ изъ Хмелёвой, та збывся зъ дороги и побачывъ въ сторони горбъ снигу, — думавъ, шо тамъ хто-ныбудъ живе, повернувъ туды киньми и пойихавъ, а тамъ нычого ны було, самый снигъ. Винъ выпрягъ кони, лигъ спать та й замерзъ. Такъ и могылы осталысь по ёго прозванію. Отъ тыхъ могыль на спочинъ соньця, коло дороги закопаны грошы. Росказують, шо тамъ колы-сь былысь запорозци съ туркамы, побылы ихъ и однялы у нихъ все, шо було, а у туркивъ тыхъ було и грошей богато; наклалы воны грошы на повозку и везлы ихъ, но коло Курячихъ могиль поламалась ося, воны остановилы повозку, выкопалы яму, упхнули туды повозку и затопталы землю. (Глодоссы).

13. Ишла одна удова изъ сыномъ. Идутъ воны та идутъ, та ё ляглы спать; а та вдови прыснылось, шо де-сь воны ишли лисомъ, а въ рови протикала вода, и де-сь голубъ лита надъ нею и каже ии: «тутъ твои гроши, тики твій сынъ ны дастъ узять». Вона прокинулась и пишли воны дальше. Такъ и случылось. Шо та жинка

хоче взять, а той сынъ у воду ии. Дали та жинка вытягла яко-сь ти грошы, а той сынъ узавъ, убывъ ту жинку, забравъ гроши, а ти гроши поробылыся жабами (Б. Виска. Запис. В. Харченко).

14. На Діянія одынъ чоловікъ пишовъ до церкви на всиношну, тики осталась дома жинка та диты. Отъ имъ и показався кладъ: зразу показалася имъ коняча голова, а тоди волошка въ нахрами, а дали свыня. Вони полякалыся и поховалыся, а ёго и ны стало (Петроостровъ. Запис. М. Арнаутовъ).

13. Зализный вовкъ.

Булы соби дидъ та баба, у ихъ бувъ сынъ Иванъ. Пишовъ Иванъ въ лисъ на охоту. Побачывъ винъ зализного вовка, хотивъ убыть его, а винъ, якъ побачывъ Ивана, и погнався за нымъ, а Иванъ скорище вылизъ на великого дуба. Зализный вовкъ каже Иванови: «ничого, я тебе на твои свадьби ззимъ», та й пишовъ соби. Иванъ злизъ зъ дерыва, иде до дому та плаче. Прыйшовъ до дому та й каже: «мамо, я буду жыныця». Маты отвича: «жынысь, сынку!» Иванъ ожынывся, стали грать музыкы, колы дывляця люды,—ажъ зализный вовкъ. Люды стали крычать: «зализный вовкъ бижить!» Иванъ скоренько на коня та й побигъ въ лисъ. Дывыця: стоить хатка на курячи нижди. Иванъ спутавъ коня и пишовъ у хату, а тамъ сыдыть баба, та и каже: «чого ты сюды забрався, Иванъ?». Випъ розказавъ, якъ було, вона каже: «ну, на-жъ тоби ци трое ячокъ, та гляды, якъ будышь йихать черезъ сонливе поле, то стыррыжы, щобъ яичканы выкотылыся изъ пазухы. Попрощався Иванъ съ бабою та й пойихавъ дальше. Прыйихавъ на сонливе поле та й впавъ съ конякы, коняка побигла, а трое ячокъ выкотылыся изъ пазухы и поробылыся собакамы; ихъ було звуть: одного важко, другого—лышко, третёго—чутко. Иванъ уставъ и пишовъ дальше пишки. Дывыця: стоить хатка на курячи нижди; вйшовъ въ неи, тамъ сыдыть баба (а баба та була вовкова маты). Чутко псчувъ, що у скрыни зализный вовкъ, и сказавъ важкови, важко лигъ на скрыни. А баба каже: «жжыны у-чу шобаку,

чого вона на шкряни лягла?» А Иванъ каже: «ныхай тамъ! що вона тобі робить!» Пырыночувавъ Иванъ та й пишовъ на охоту въ лисъ. Баба выкопала яму на порози, а вовкъ лигъ у неи, шобъ, якъ буде Иванъ иты, то ззисты ёго. Отъ иде Иванъ зъ схоты, а чутко почувъ, що на порози вовкъ, та сказавъ важкови, важко лигъ на ямци, а баба каже: «жжыны у-чу шобаку шъ порога». Иванъ каже: «ныхай лыжыть». Баба тоди каже: «що ты хочышь жа чыхъ шобакъ?» а винъ каже: «двисти рубливъ». Баба дала ему двисти рубливъ, а собакъ заперла на дванадцятыро зализныхъ дверей. Иванъ мирщій до дому, а баба выпустила зализного вовка. Иванъ вылизъ на дуба, та якъ свысне! Собаки почулы, выбылы двери, догналы вовка, розирвалы. Тоди Иванъ злизъ зъ дуба, взявъ съ собою собакъ и пишовъ до дому. Отъ вамъ казка, а мини бублыкывъ вязка, вамъ постилъ вошый, а мини торбу грошый (д. Патринова. Запис. Грецкій). Ср. Рудченко, I, 149; Драгом., 271.

14. *Иванъ, сынъ козацкій.*

Живъ соби козакъ; мавъ винъ соби сына Ивана. Той сынъ и каже: купыть мини доброго коня, я пойиду, побачу вашъ увесь степъ. Батько давъ ему коня, винъ пойихавъ. Йиде, баче—лежить гадюка. Винъ хотивъ ии стрелять, вона й каже: «не стреляй мене, Иванъ-сынъ козацкій, пидъидь блыжче, я тобі щось скажу». Винъ пидъихавъ, вона стрибнула ему на шыю и обкрутылась кругомъ шыи. «Теперь, хочъ що хочешь робы, я не отчплюся, поки ты не одвезешь мене въ ломаны замкы». Винъ пишовъ и сказавъ батькови. Батько давъ ему грошый и винъ пойихавъ. Йихавъ винъ довго и сивъ отдыхать, а коло ёго чоловикъ пасъ волы. Винъ пустывъ свого коня пастысь, а корова того чоловика пидыйшла до ёго коня и каже: «скажы своему хазяину, якъ выкупе винъ мене изъ теи биды, то я ему скажу, де ломаны замкы». Винъ купывъ ту корову, а корова и каже ему: «будешь ты йихать чыризъ стекляный мость, а тамъ буде сыне море, а за сынимъ моремъ буде темный лисъ, такой що и птыця не пролетыть; якъ перейдешь чыризъ

той лисъ, — тамъ и ломаны замкы». Винъ пустывъ ту корову на волю, а самъ пойихавъ. Перейихавъ винъ чиризъ той стеклянный мостъ, а тоди перейихавъ чиризъ море, а тамъ поблчывъ такой темный лисъ, що ны можна ны якъ перейихать, но кинь ёго перенись. Баче винъ здоровый домъ, пидъихавъ винъ до крыльца, а та гадюка такъ и скочыла зъ ёго шыи и побигла въ комнаты. Колю баче: выбигае така гарна дивка и клыче ёго въ комнаты. Винъ пишовъ, а тамъ ище дви. Воны й кажутъ ёму: «Иванъ, сынъ козацкій, якъ ты хочышь: чы быть нашимъ братомъ, чы пойдешь до дому?» Винъ остався быть ихнимъ братомъ. Старша й каже: «прослужы ты у насъ у каждой годъ, мы тоби заплатымъ». Винъ остався служыть и пишовъ до самой меньшой. Прослужывъ годъ и прыйшовъ до старшой сестры. Вона й каже: «якъ буде вона тоби давать золото, серебро, ты не хоты ничего, тикы скажы, щобъ вона тоби дала чобитки — скороходкы. Винъ пишовъ и сказавъ менчій сестри. Вона зразу не хотила давать, но потимъ дала. Тоди винъ прослужывъ у среднёи и тоже прыйшовъ до старшой сестры; старша сестра сказала: «не бери у ней ничего, тикы нехай дасть шапку — невыдымку». Та и дала ему. Тоди винъ прослужывъ у самой старшой. Старша сестра ему дала сорочку, таку що пуля не пристане. Винъ тоди пойихавъ до дому. На дорози состривъ винъ городъ, излизъ изъ коня; якъ излизъ изъ коня, то загрузъ по колина, бо тая сорочка така була сыльна; потимъ ввійшовъ до одного чоловика въ хату и начавъ просыть воды напыця. Ему дали воды такой грязной, пополамъ зъ болотомъ. Винъ пыта: «чого у васъ вода грязна?» — У насъ змій воду пиднявъ и царь казавъ: якъ хто убье того змія, то винъ выдасть за ёго свою дочку. — А Иванъ, сынъ козацкій, сказавъ, що убье того змія. Дали знать про це царю. Царь прыйихавъ до ёго, щобъ винъ выходывъ на войну съ тымъ зміемъ. Винъ сивъ на свого коня, тоди выйихавъ на войну зъ зміемъ. Ударывъ ёго пальцемъ и убывъ и закопавъ его въ землю и поставивъ стовбъ до неба. Царь выдавъ за ёго дочку, а вона ны любила ёго, а любила того змія, що винъ убывъ, и хотила украсты у ёго сорочку и дать

змієви. Разъ вона и каже ему, щобъ винъ скинувъ ту сорочку, а вона вымые. Винъ скинувъ, а вона однесла ии змієви. Змій якъ надивъ ту сорочку, то вырвавъ стовбъ и выйшовъ изъ земли; тоди пишовъ быцця зъ Иваномъ, сыномъ козацкимъ; убывъ ёго и порубавъ на кусочки, завязавъ въ лантухъ и причепывъ до хвоста ёго коня. Той кинъ побигъ у ломаны замкы, бо ёму тамъ було добре, а тутъ и йисты не дають. Старша сестра упизнала его коня, развязала лантухъ и побачыла своёго брата, исцылыла ёго и дала ёму хытрость. Винъ и пойихавъ до дому. Прыйихавъ винъ зновъ въ той самый городъ, зробывся селезнемъ и плава коло берега. А той змій ходывъ на охоту, побачывъ такого гарного селезня и хотивъ вловыть, скинувъ сорочку и полизъ. А той селезень усе дальше плыве; якъ зализъ змій по шыю, а той селезень ударывся объ каминь и зробывся Иваномъ-сыномъ козацкимъ; надивъ ту сорочку и убывъ того змія. Тоди пойихавъ до дому та ставъ жыть (Б. Виска). Ср. Чубин., II, 437.

Въ другомъ вариантѣ (д. Аврамовка) героемъ является сынъ приказчика; онъ несетъ змѣю въ гор. Хвалынскъ; въ лѣсѣ ведутъ резиновыя ворота, и онъ проникаетъ въ него, привязавшись «коняци пидъ черево»; его встрѣчаютъ два змѣя—братья той змѣи, которую онъ привезъ; за службу имъ онъ получаетъ чоботы-скороходки, мечъ-кладенецъ и сорочку-сымыряжку. На обратномъ пути вступаетъ въ бой съ змѣемъ, поѣдавшимъ дѣвицъ, и женится на царевнѣ, которую спасъ отъ змія.

15. Про змія.

Жилы собі дидъ и баба и въ нихъ были тры дочки; старша и меньча прялы, а середня у двори поралась. Дидъ кажного дня ходывъ въ поле и якъ прыходе до дому, то каже жинци: «чого ты ны посылаишь мини обидать? я цилый день тамъ мучусь—орю и дуже хочу йисты; прышли завтра старшою дочкою». Та дочка начала отказывацця, каже батькови: «тату, я не понесу, бо не знаю, де ваше поле». А винъ тоди: «узнаишь, каже, я узавтра якъ буду иты въ поле, то буду стругать палку, ты по тимъ стружкамъ и прыйдешь». На другой день той чо-

ловикъ пишовъ въ поле и дорогою стругавъ палку, а змій узнавъ про це, взявъ, вси стружки попырыдувавъ до своей хаты. Якъ уже прыйшла пора несты обидать, старша дочка выйшла, побачила слидъ и пишла по тому слиду. Иде вона, иде, уже смеркаецця, а ше батька ны выдно. Вона захотила уже сильно йисты; сила вона тоди на дорогу, повечеряла, встала и пишла дальши. Ны пройшла вона ще и версту, якъ побачыла хату и тамъ огонь. Вона тоди пырыхрыстылась и сказала: «слава Богу, це вже тутъ мій батько». Ввійшла вона въ ту хату и бачить: тамъ вечеря змій. Змій тоди ій каже: «иды вечерять». А вона ему каже: «ны хочу». Винъ тоди якъ крыкне: «я тоби кажу: сидай вечерять!» А вона ему зновъ каже: «я вже вечеряла, несла батькови та не дошла до ёго, та сама взяла и зъила». Змій упьять крыкнувъ на неи: «такъ иды и у мене вечеряй!». Йи уже ничего було робыть, сила вона вечерять. Йистъ вона, а та говъядына солодка, бо изъ людей. Якъ вони повечерялы, ляглы спать. Дивка та встала рано, а змій ище раньче. Змій тоди каже йи: «теперь ты будь моею жинкою; на тоби ось ключы и це яблуко; ходы скрызъ по всимъ комнатамъ и сараямъ, тилька въ ци дви коморкы ны заходъ». Сказавъ и польтивъ. Вона тоди пишла во вси комнаты и побачыла цилы дижкы золота, серебра и миди. Закортило йи и въ ти коморкы подывыцця; одчыныла ци коморкы, пишла та такъ и ахнула, бо тутъ находылись мертвы люды, а въ другій стоялы цилы дижкы крови. Заглянула вона туды и упустила яблуко. Вытягла вона тоди те яблуко, обмыла ёго, но на хвостыку осталось трошкы крови. Прылита змій и заразъ потребувавъ у неи яблуко. Та дала ему, винъ подывывся и спытавъ: «ты ходыла въ ци коморкы?»—Ни, ны ходыла!—«Брешышь, стервына душа, бо ходыла!» Взяеъ тоди сокиру, одрубавъ йи голову и кынувъ у коморку.—Прыходыть дидъ до дому и каже свойй жинци: «чого ты ны присылаишь йисты?»—Дывы, якый, я жъ тоби послала! де-сь и дочкы нима, мабудъ, заблудыла.—«Ну ны балакай, а на другый день прысылай меньчою дочкою, я буду иты до поля и сыпать пепеломъ». На другый день пишовъ винъ въ поле

и сыпавъ дорогою попилъ, а змій упьять пырыдувъ до своей хаты. Якъ прыйшла пора, послала баба меньчою дочкою обидать диду. Та понесла по слидамъ по пипилу. Иде вона, иде, уже смыркаецця, а все ны выдно батька. Сила вона сама, повечеряла, встала и пишла. Колы дывыщя: стоить хата, и тамъ свитыщя. Вона тоди пырыхрыстылась и сказала: «слава Богу, це вже, мабудь, мій тутъ батько». Ввійшла вона въ хату, побачыла змія, каже ему: «здрасувуй!»—Здрасувуй, добра дивчына! чого ты сюда заблудыла? — пыта змій. Вона каже: «нысла бутьку вечерять та й заблудыла до васъ».—Ну, лягай спать, колы такъ—кажы змій. Лягла вона. Рано, якъ вона встала, змій каже йи: «будь моею жинкою; на тоби ось ключы и яблуко и ходы скрызъ, тики въ ци дvi коморкы ны ходы!»—и полетивъ. Ту закортило питы въ ти коморкы. Оччыныла вона одну комору, побачыла тамъ свою сестру и начала плакать; оччыныла вона тоди другу коморку и побачыла тамъ дижкы, нахылылась, шобъ роздывыщя, а яблуко и упало изъ-за пазухы. Выняла вона те яблуко, обмыла ёго а коло хвостыка осталась кровь. Прылита змій и каже: «давай вечерять!» Вона дала ему вечерять, а винъ за вечерею йи и пыта: «ты ходыла въ коморкы?—Ни, ны ходыла!»—«А ну, покажы яблуко!» Винъ подывывсь на яблуко, узявъ мовчкы сокыру, одрубавъ йи голову и кынувъ у комору.—Прыходыть упьять чоловікъ и каже жинци: «чого ты ны прысылаишь йисты?»—Та якъ же ны прысылаю? вже и другои дочки нима....—«Ну, завтра прысылай третею дочкою!» Пидыйшла средняя дочка до батька и каже: «я ны знаю дороги!»—Та я, каже, буду роскыдать по дорози картоплю, ты й найдешь слидъ.—На другой день пишовъ винъ упьять орать и роскыдавъ дорогою картоплю, а змій опьять пырыдувъ. Якъ прыйшла уже пора, маты послала дидови йисты среднею дочкою. Та пишла по тому слиду. Уже смыркаецця, а вона ны баче батька. Сила вона, повечеряла, устала, побачыла хату и пишла прямо до неи. Ввійшла, а тамъ змій вечера. Змій каже йи: «сидай вечерять!» Вона сила и начала вечерять. Писля вечери ляглы вони спать. Якъ встала середня дочка,

то змії сказавъ їй: «будь моею жинкою, на тоби отъ-ци ключи и яблуко, ходы скризь, тики у ци дви коморкы ны ходы!» и полытивъ. Закортило їй побачить, шо въ тихъ коморкахъ лыжыть, шо винъ каже, щобъ ны йты. Оччыныла вона одну и побачыла тамъ своихъ сестеръ, зачыныла скорійше и пишла въ хату. Прылита змії и пыта їй: «ны ходыла въ коморкы?»—Ни, ны ходыла! «А ну, покажы яблуко!» Вона показала, а винъ сказавъ: «ну, правда, ны ходыла». На другый день вона сказала змію: «я чула, шо мій батько бидный.» А винъ каже їй: «хиба есть мало золота и серебра, набери тай пошлы!» Вона тоди пишла у садъ, піймала гаву и сказала їй: «прынысы мини живущои и умырущои воды, а то розирву!» Та гава полытила и прынысла їй воды. Тоди вона взяла, обрызкала своихъ сестеръ, положила ихъ въ сундукъ и заперла; прыйшла до змія и сказала: «возьми ось-цей сундукъ и однесы до моего батька!» Той змії однисъ. Чырызъ стики тамъ годивъ у цієї дочки родывся сынъ—половина змія, а половины людны; — вона опьять каже змію: «мій батько бидный!»—Ну, набыры золота та и одишлы—каже змії. Вона тоди наложыла золота, пырырубала свою дытыну пополамъ, укынула у комору, а сама пишла и сказала змію: «возьмешь тамъ сундукъ та однесешь до дому, а я пиду до кумы». Тоди выйшла, влизла въ сундукъ и заперлась. Змії взявъ сундукъ, однисъ, прылытивъ до дому и побачывъ, шо жинкы нема. Винъ тоди догадався, шо вона его пидманыла, та ничого було робыть (Плетеный Ташлыкъ).

16. Про двоихъ бративъ.

У городи у Москви и въ городи Парыжѣ и къ намъ поближе; тамъ солому сикуть, пырогы пикуть, сино смажуть, пырогы помажуть. Живъ соби одынъ старыкъ у лиси, ставывъ тенета, ловывъ имы пгыць, зайцивъ и тымъ соби живъ, бо ныдалечко бувъ городъ. Разъ винъ поставивъ тенета, а туды попалась вутка, тики ны проста, а зъ надписомъ на голови: «хто зъистъ голову, той зробыцца царемъ;» а на грудяхъ бувъ другой надпись: «хто зъистъ сердце, той буде плювать червонцями». Старыкъ

чытатъ, звистно, ны вмивъ, узявъ и понисъ ту вутку на базаръ, щобъ продатъ, а за ти грошы купыть соби тамъ чого треба. Тики що выйшовъ зъ лису, иде соби дорогою, колы це ёго доганя панъ четверкою коней; спрашуе той панъ у старыка: «продаешъ вутку?»—Продаю, пане.—Купывъ панъ ту вутку, грошей за неи, може, и билшъ давъ, якъ запросывъ старыкъ, бо винъ, якъ прочитавъ надпысь, думаетъ соби: «що мини и билшъ ему дать, колы я теперъ буду царемъ, та шей плювать цервонцями буду?—грошы буду мать.» Старыкъ писля того пишовъ соби въ городъ, а панъ до дому. Прыйижжа панъ до себе, оддае ту вутку своему поварю и каже: «ось ижжаръ мини цю вутку, та гляды, ныкому ны давай йи йисты, и самъ ны куштуй, а хочъ и дашъ, такъ щобъ мини неприминно оставывъ головку и сердце». Ижжарывъ поваръ ту вутку и поставывъ у шкапу. А въ того пана було два мальчыка, которыхъ винъ прыживъ изъ своею любовницею. Старшый изъ ихъ отворывъ ту шкапу, дывыцца, ажъ тамъ лыжыть жарына вутка изъ надпысомъ; винъ прочитавъ той надпысь, сычасъ изъивъ самъ голову, а сердце понисъ и давъ меньчому брату. Кинувся поваръ до тыеи вутки, а у неи одъидена голова и выинете сердце. Що тутъ робыть? А ти мальчыкы й кажутъ: «це мы збылы, а щобъ панъ ны взнавъ, то зарижъ собачку, ижжаръ йи голову и сердце и и дай пану». Тики що поваръ зажарывъ ту голову и сердце, поставывъ на стиль, видкиля ны взалась кишка, схопыла ту голову и сердце; поваръ за нею,—эге! йи й слидъ простыгъ. А ти два хлопця утиклы зъ паньского дому, идуць соби дорогою и доходятъ до такого мистя, де ниско дорогъ сходяцца; силы воны тутъ оддыхнуть; тики менчый заснувъ, а старшый узявъ и пйшовъ. Иде, иде, прыходе въ одынъ городъ; а тамъ якъ разъ царъ умеръ, ёго сыйчасъ-же выбрали у цари. А менчый братъ тымъ часомъ проснувся, дывыцца: брата ёго нима; пишовъ винъ соби дорогою, доходе винъ до лису, иде лисомъ, дывыцца: растутъ билы ягоды; зирвавъ винъ одну ягодку и зробывся молодцемъ такимъ, що ны треба й лучшего; нарвавъ винъ соби тыхъ ягодь, иде дали, дывыцца: чорни ягоды растутъ, изъивъ одну зъ тыхъ ягодокъ, зробывся рогатымъ

конемъ; набравъ и тыхъ ягидь соби; иде дали, дывыця: растутъ красны ягоды, изъивъ одну—зробився старыкомъ; нарвавъ и тыхъ ягидь соби; зновъ изъивъ билу ягоду и зробився опять молодцемъ. Иде дали дорогою; прыходе якъ разъ у той городъ, де ёго братъ сыдыть царемъ. Заходе винъ у крайню хату, а тамъ жылы старыкъ со старухою; винъ и каже имъ: «буду я у васъ жыть».—Добре,—одвича старушка,—будешъ намъ за сына; я ось пыку пырижкы та носю продавать на базаръ, а теперь ты будешъ носыть, а я буду тикы пыкты.—На другой день винъ понисъ продавать пироги; дорогою захотилося ему йисты; попробувавъ винъ пырижокъ—ны понравывся ему писля паньскихъ; плюнувъ винъ, дывыця,—а на мисця слюны червоньць выкотывся; винъ ще разъ плюнувъ—опять выкотывся чырвоньць; тоди винъ ти пырижкы пороздававъ ныщимъ, а червоньць понисъ старуси; та такъ зрадила, що винъ стики наторгувавъ. Писля того той парынь каждый разъ такъ робывъ: пиде, пироги пороздае, тоди плюне и прыносе хазяйци червоньць. Колы винъ вже багацько наплювавъ тыхъ червонцивъ, думаетъ соби: пиду теперь, куплю лавку, буду торговать. Пишовъ, сторгувався, тоди прыходе до старыхъ и каже: «ну, я вже бильшь зъ вами ны буду жить; ось я проведу рукою посередыни по червонцяхъ: одну половины соби бырыть, а другу я соби возьму». Купывъ винъ ту лавку, сыдыть у ней и торгуе, а на викни поставывъ у склянци билы ягоды. Идутъ царьскы слугы, побачылы ти ягоды, спрашуютъ: «а шо це за ягоды?» а купецъ той отвича: «це ягоды ны просты, кажна ягода по сту рубливъ».—Чомъ же жъ вони таки дороги?—спрашуютъ слугы. А купецъ одвича: «бо це таки ягоды: хто ихъ зыистъ, той зробыця молодцемъ». Слугы сычасъ доложылы объ цёмъ царыци,—жинци старшого его брата. Царыця сыйчасъ купыла ту ягоду, зыила и зробылась така красавыця, що и у свити трудно зыскать. Писля того царыця посыла до того купця своихъ слугъ, щобъ позвалы его до ней. Прыходе той купецъ до царыци, а вона каже ёму: «даваймо грать у карты». Силы вони гулять у карты, тики купецъ програвъ усё, що мавъ у своей лавци; тоди винъ, щобъ не

оштрамыцца, возьме, одверныцца та й выплюне червонецъ, такъ щобъ царица ны замитыла. Тики царица яко-сь замитыла, що винъ робе,—думае соби: «стривай, я-жъ у тебе выпытаю, якъ це ты робышь». Якъ напоила его добре, винъ и проговорывся, що у ёго у середины е таке гниздечко, видкиля винъ выилёвуете червонци. Вона сычасъ насыпала ёму у выно сонного порошку; винъ выпывъ и заснувъ; тоди вона ёму залыла у ротъ такого зилля, щобъ винъ вырвавъ. Винъ вырвавъ; тоди царица сычасъ узяла те гниздечко, а его велила однысты въ лавку. Просыпаецца той купецъ, плюнувъ,—а червоныць ны выпавъ, другый разъ—те-жъ саме. Тоди винъ догадався, що це царица выиняла у него гниздечко. Думавъ, думавъ соби, якъ бы выманить у неи те гниздечко, та й надумавъ. Выставывъ винъ на викни у своей лавци чорни ягоды. Идутъ царьски слугы и спрашуютъ у ёго: «а що це за ягоды?»—Э, одвича винъ, це таки ягоды, що якъ хто ихъ изьистъ, такъ стане такой красывый, ще краще вашей царици». Слугы сыйчасъ це сказаны царици; вона послала ихъ, щобъ купыть. Купылы вони тихъ ягидъ, царица якъ зъила, такъ и зробылась рогатымъ конемъ. Що тутъ робыть? Посыла вона слугъ до того купца, щобъ сыйчасъ его прывылы до неи. Купецъ той каже: «зробить зализны дрогы и запряжить доброго коня, я васъ повызу у лисъ, тамъ пошукаю такого зилля, щобъ васъ зробыть опьятъ красавыцею, тики ны забудьте изъ собою узять тры пруты: зализный, мидный и дротяный. Пойихалы вони у лисъ, прыйихалы, купецъ тэй останывывъ коняку, тоди уставъ, привъязавъ рогатого коня до дерева и давай ёго быть тыми прутами, ще й прыговорюе: «а дety дила мое гниздечко?» Царица мовчыть. Пырыбывъ вже зализный и мидный пруты, а вона усё ны каже; начавъ винъ йи быть дротянымъ прутомъ, бывъ, бывъ, ажъ тоди тики вона сказала, де заховала ёго гниздечко. Пишовъ винъ, узавъ те гниздечко, тоди прыйшовъ, одязавъ царицу и пустывъ йи, а самъ пишовъ до дому. Прыийжжа царица до дому и жалунция царю. Вывъ сыйчасъ велывъ схватыть того купца и повьсыть. Прывылы купца, винъ и просыть у царя позволения передъ

тымъ, якъ ёго повисять, попрощаця изъ усима. Царь позволювъ. Начавъ той купецъ прощаця навпершъ изъ народомъ, каже: «прощайте, люды добры», а тоди до царя: «и ты, братъ, прощай!» Царь тоди: «стый, стый! якъ ты кажишь?» Тутъ вони призналысь, тоди царь веливъ палачу повисыть царыцю, а самъ повивъ своего брата у дворець и зажылы соби умести. И доси жывуть, постольцямы хлибъ нёсять та жують (Красноглазовка. Запис. А. Янковскій). Ср. Чуб. II, 424.

17. Якъ мужикъ прыкащыка въ пекло визъ.

Бувъ соби панъ, та такой злый, що всякого облупыть, хто ему шкоду зробыть. Нанявсь до ёго чоловікъ; той чоловікъ все ему такъ робывъ, що панъ ёго й не бувъ ни за що. Того пана прыкащыкъ та сказавъ,—хоть якъ, а буде его быть, и выдумавъ, щобъ той ёго чоловікъ у пекло визъ. Чоловикъ запригъ повозку и поихалы. Йидуть та й йидуть, ажъ стоить хата; зайшлы въ ту хату, а тамъ баба сыдыть. Чоловикъ йи пытае: «далеко ще пекло?» Баба каже: «ось тутъ, за лисомъ». Той чоловікъ повизъ его за лисъ, прыйижжае, ажъ тамъ—яма. Изъ ямы выскакують чорты та й пытають: «чого вамъ треба?» Чоловикъ каже: «ось я вамъ привизъ прыкащыка». Той тоди прыкащыкъ излякався и ставъ просыть чоловіка, щобъ винъ ёго изъ биды выручывъ. Чоловикъ ему каже: «бижы скорійше до дому, а я самъ зъ ными управлюсь». Якъ прыкащыкъ побигъ, выбигъ самый старший чортъ та й пытае: «а де-жь той чоловікъ?»—а винъ каже: «утикъ». Чорты на ёго розсердылысь и затыгли ёго въ ту яму та й кажутъ ему: «на що ты насъ пидманывъ? за те, що ты насъ пидманывъ, ты долженъ намъ служить тры годы; кажутъ: ось на тоби отъ цей батожокъ,—якъ винъ побъеця, тоди тоби строкъ выйде!»—и далы ёму ще коняку та й кажутъ: «не кажи на цю коняку: но, била! а кажи: гиття!» Чоловикъ той повозывъ тою конякою, уже ботижокъ бъеця; винъ змытывъ, що ёму скоро строкъ выйде, и якъ уже сама шийка осталась, винъ тоди сказавъ на коняку: ну, била! и изъ коняки зробывся чоловікъ, та й каже ёму: «я того пана, що

ты въ него служывъ, батько, и скажы ёму, щобъ винъ вытягъ ти грошы, що въ сволоци лежать и зробывъ за ихъ панахыдку». Чоловикъ якъ пойхавъ до того пана, та й переказавъ слова батька. Той панъ заплакавъ, вытягъ ти грошы и зробывъ за ихъ панахыдку, ище й чоловіка наградывъ. Тоди той соби чоловикъ ставъ жыть-пожывать та добра наживать. (Записано отъ крестьянскаго мальчика изъ с. Никольскаго, Эрделевской вол.).

18. *Якъ Иванъ витра шукавъ.*

Жилы соби дидъ та баба и ны було у ихъ ныколы дитей, а дидъ дуже любывъ дитей; було якъ прыйде слипый старыць зъ маленькымъ поводачемъ, то винъ того хлопчыка и за стилъ сажает, и дасть ему грошей на дорогу. Отъ разъ прыйшовъ до ёго старыць зъ поводачемъ и попросывсь до ёго въ хату; той ихъ пустывъ и нагудувавъ ихъ, и напоивъ; тоди старыць ему й каже: «колы ты мене такъ угостывъ, то й я жъ тебе угостю», давъ ему и ёго баби меду и пишовъ своею дорогою. Черезъ годъ у бабы родывся хлопчыкъ, та такой гарный, що ще, мабудь, нихто такого и ны бачывъ. И назвалы того хлопчыка Иваномъ. Ставъ той хлопчыкъ росты не по днямъ, а по часамъ и въ симъ часивъ вырись такъ, якъ у симъ годъ. Отъ якъ вырись винъ, то й ставъ просыть батька й матирь, щобъ пустылы ёго подывыцца на свить Божий. Довго вони ны пускалы ёго, бо винъ у ихъ бувъ одинъ, тоди винъ каже батькови: «якъ вы мене ны пустите, то я умру». Бяцько й маты тоди ёго благословылы, и винъ пойхавъ у чужи край. Отъ прыйхавъ винъ у чуже царство, а те царство дуже тырпило одъ витру. Тоди Иванъ сказавъ цареви: «якъ ты оддасы за мене свою дочку, то я твое царство ослобоню одъ витру.» Царь согласывся. Тоди Иванъ узывъ коня, булаву и пойхавъ шукать витра. Довго винъ йизывъ и ни якъ ны мигъ найты витра. Тоди винъ зайхавъ до одной бабы и спытавъ дорогу до витра; баба ёму и сказала: «до витра ше далеко и трудно до ёго добрацца; винъ живе у чужихъ лиси и до ёго ше нихто ны доходить; на ось тоби клубочокъ,—винъ тебе доведе до витра, тикы якъ прыйдышь

до ёго, то дыржысь добре на своему кони, шобъ винъ тебе ны здувъ, бо якъ издме, то тоди ты ничего зъ нымъ ны зробишь, а якъ винъ, може, спатыме, то ты ёго у мишокъ упхны и дыржы ёго пры соби». Такъ винъ и зробишь; якъ прыйхавъ винъ до витра, то заразь ёго у мишокъ и пойхавъ до царя. Царь зъ радости оддавъ свою дочку за Ивана. Иванъ тоди взявъ до себе своего батька й матиръ и такой бенкетъ задавъ, що я ще й ны бачывъ николы такого, та колы-жъ ны довылось мини тамъ быть, бо дуже багато було у мене роботы, тикы чувъ, що воны у двоухъ жылы довго и щасливо. Отъ вамъ и казка, а мини бублыкывъ вьязка, вамъ маленька дытына, а мини гарна дивчина (Миролюбовка. Запис. Кравченко).

19. О бабѣ—ягѣ.

1. Живъ соби чоловикъ и жинка. Було въ ихъ двое дитей. Якъ воны вже поумыралы, то ти диты остальсь сиротамы и жылы у своей бабы. Та баба ихъ що-сь не злюбыла, послала ихъ въ лись до бабы-яги. Отъ ти диты якъ прыйшлы въ лись, то й зострилы бабу—ягу, и кажутъ йи: «прыймы насъ до себе, бабо!». Вона ихъ приняла. Якъ вона вже зъ нымы троухы познакомылась, то й загадала имъ роботу: «наносить, каже, воды въ баню решетомъ». Отъ ти диты не знаютъ, якъ наносить воды решетомъ. А въ той бабы бувъ кить; винъ имъ и сказавъ, якъ наносить решетомъ воды: «визьмитъ, каже, да замажьте глыною дирочки въ решети, то тоди и наносите.» Отъ ти диты такъ и зробылы, наносылы решетомъ воды. Баба тоди й каже: «натопить баню безъ соломы». Кить зновъ имъ сказавъ, що въ баки пидъ полкою воны найдуть дручечекъ, той дручечекъ воны подпалятъ та й на-топлятъ баню. Ти диты такъ и зробылы зновъ. Баба попарылась та й пойхала соби въ лись, а имъ ще загадала яку-сь роботу. Отъ ти диты уже захотылы утикты отъ той бабы до дому; взялы, попросылы у того kota со-виту, якъ утикты до дому. Винъ имъ и розказавъ все, якъ треба; воны взялы и дали коту кусокъ сала. Якъ выйшлы воны на двиръ и хотылы тикать, то на ихъ на-пала собака; воны дали йи шматокъ хлиба, вона ихъ и

пропустила. Якъ прыйшли воны до воритъ, то ворота не одчынялысь; воны взяли, ихъ помазали саломъ, ворота ихъ и пустылы. Ще ти диты якъ просылы у кота совиту, то винъ имъ давъ щитку и платочокъ и сказавъ имъ: «якъ буде за вами баба—яга гнаця, визьмить щитку, покладить за спыну, то ззади васъ зробыця густый лисъ, такый, що баба не переберецця, а якъ уже баба переберецця черезъ той лисъ, то визьмить, покладить за спыну платочокъ, то ззади васъ зробыця широка ричка, то баба тоди, може, не переберецця черезъ ту ричку, тоди вы й утичите до дому». Ти диты такъ и зробылы. Якъ ще баба—яга за нымы не гнать, то воны дойшы до колочои сосны; сосна ихъ и не пустыла, загорожувала имъ дорогу и колола имъ въ очы. Ти диты взяли и перевязалы ленточкою гиллякы сосны и тоди пройшы. Якъ прыйихала баба—яга изъ лису до дому, та якъ не застала тихъ дитей дома, то стала быть кота за те, що винъ пустывъ дитей, а кить йий и каже: «я скільки тоби годъ служу и ты мини не дала ни кусочка хлеба, а воны мини дали кусокъ сала». Баба тоди прыйшла до собаки и пытае: «нащо ты ихъ пропустила?» Собака каже: «я скільки тоби годъ служу, то ты мини ничего не давала йисты, а воны мини дали кусокъ хлеба». Тоди баба прыйшла до воритъ да й каже: «на що вы ихъ пропустилы?» Ворота й кажуть: мы скільки тоби годъ служымъ, то ты намъ не пидлыла даже й воды, а воны насъ помазали саломъ». Баба—яга тоди прыйшла до сосны та й пытае: «а ты на що ихъ пропустила?» Сосна и каже: «скільки я тоби годъ служу, то ты мини гиллякы не перевязала даже мстузочкою, а воны перевязалы мене ленточкою, за те я ихъ и пропустила.» Тоди баба—яга пустылась въ погоню за тыми дитьми. Якъ побачылы ти диты, що за нымы женеця баба—яга, то воны взяли та й поклалы за спыну платочокъ, то ззаду ихъ зробылась широка ричка. Ноки баба—яга найшла, де перейты, то ти диты далеко утиклы, а якъ вона вже перейшла, то знова пустылась за нымы гнаця, то ти диты взяли та й поклалы за спыну щитку и позади ихъ зробывсь такый густый лисъ, якъ стена. Отъ баба бл.

лась, былась и не перейшла черезъ той лисъ, такъ и вернулась до дому съ пустыми рукамы. А ти диты прыйшли до дому до своеи бабы и теперь живутъ та поживаютъ, та добра наживаютъ (Записано отъ крест. мальчи-ка изъ Плетенаго Ташлыка). По другому варианту, записанному П. Шулешко въ Ново-Стародубѣ, дѣтей посылаетъ къ бабѣ-ягѣ мачиха; по дорогѣ они заходятъ къ бабушкѣ, которая даетъ имъ лепешку, масла, кусокъ говядины и стричичку (ленточку); въ остальномъ варианты сходны.

2. Живъ соби чоловикъ и жинка, и було въ ихъ четверо дитей: тры дочки и одынь сынъ. Вони того сына бырыглы, никуды ны пускалы. Одынь разъ той хлопцыць выскочывъ изъ хаты на двиръ, а баба-яга его схватила и понесла до себе. Вона дала ему яблучокъ граця и посадила на викно. Ти люды послалы свою старшу дочку шукать его. Иде вона, дывыця: стоить яблуня. Та яблуня и каже тый дивци: «визьмы, мыне оббыры, соби яблучокъ набыры». А та дивка и каже: «мини николы, треба брата шукать». Иде вона дальши, дывыця: стоить сливка; сливка й каже йи: «визьмы, мыне оббыры, соби сливокъ набыры». Та дивка й каже: «мини николы съ тобою возыця, треба иты свого брата шукать». Иде дальши, дывыця: лыжыть паляныця; та паляныця и каже йий: «возьмы, мыне пырывырны на другый бикъ тай возьмы соби палянычокъ». Вона и паляныци отказала. Иде вона, дывыця: лежить смолка, та смолка и каже: «возьмы мыне!» Та дивка отказала и йий. Иде вона, дывыця: стоить хатка на курячихъ нижкахъ, а на викни сыдыть йин братъ. Вона зрадила, пидыйшла до дверей, отворыла двери, ввійшла туды, дывыця: сыдыть баба—яга. Вона поздоровалась изъ нею, а та баба и пытае: «чого ты прыйшла?» Вона каже: «до васъ служыть». Та баба прыняла йин. Та дивка и каже: «давайте, я вамъ, бабо, поськаю». Баба каже: «поськай». Та дивка съкала, съкала, помы баба заснула. Тоди вона взяла свого брата и побигла изъ имъ до дому. Проснулась баба, наробыла крыку и побигла въ догонъ за дивкою. Та дивка дывыця, шо та баба йин догоняе, добигла до смол-

кы та й каже: «смолко, смолко, прыкрый мыне!» Та смолка й отказала йи. Баба догнала йи и отняла йи брата. Тоди послалы другу дочку. Тый доци случылось те-жь same. Тоди послалы меньшу дочку. Иде та дивка, дывыця: стоить яблуня; та яблуня и каже йи: «возьмы, мыне оббыры, соби яблучокъ набыры!» Та дивка яблуню обобрала, соби яблучокъ набрала. Иде вона дальши, дывыця: стоить сывка; та сывка й каже йи: «возьмы, мне оббыры, соби сывокъ набыры». Та дивка и сывку обобрала, соби сывокъ набрала. Иде вона дальши, дывыця: лыжыть паляныця; та паляныця и каже: «возьмы, пырывырны мыне на другый бикъ та возьмы соби палянычокъ». Та дивка набрала соби палянычокъ. Иде вона дальши, дывыця: лежыть смолка; та смолка й каже: «визьми мене». Та дивка взяла смолку. Иде вона, дывыця: стоить хатка на куриныхъ ножкахъ, а на викни сыдыть йи братъ. Вона взяла, росклала ему все, шо набрала съ собою, тикы смолку оставыла у себе за пазухою. Баба и пытае йи: «чого ты прыйшла?» Вона каже: «служыть». Та баба прыняла йи. Та дивка и каже йи: «давайте, я поськаю вамъ». Баба согласылась и та дивка до тыхъ поръ сыкала йи, помы баба заснула. Тоди та дивка намазала баби смолкою очы, взяла брата и побигла до дому. Проснулася баба, крычыть: «кыцю, кыцю, роздыри мини очыци!» А котыкъ каже: «пидижды, награюсь изъ яблучкамы». Баба зновъ каже тому котыняти: «роздыри мини очыци!» Котыня каже: «пидижды, награюсь изъ сывкою». Баба упыять каже тому котыняти: «роздыри минн очыци!» Котыня упыять каже: «пидижды, найимсь паляныци». Баба каже котыняти: «роздыри мини очычи!» Те котыня якъ начало дряпать йи, чысто подряпало морду и очы повыдырало. А та дивка давно уже була дома изъ своимъ братомъ. Началы вони жить та поживать, та добра наживать. А та баба такъ и осталась слпшою (Ново-Стародубъ. Запис. П. Шулешко).

20. Мертва кума.

Жила себи одна бидна жинка, а у ней була богата кума, и богата кума умерла, а бидна прышла до ней на

похороны. Богату кому гарно удины, надины на ней багато пырстнивь и похоронылы. Бидни захотилось забрать уси пырстни у богатой кумы, и вечеромъ, якъ уси спалы, взяла вона сокыру и пишла до гробу богатой; розрыла гробъ, открыла домовыну и одрубала у ней руки ажъ до ликтивъ; прыйшла до дому, награла окропу, полизла на ничъ и обпарювала йи руки, знымала пырстни и надивала на свои руки. Колы у пивночы багата кума встала и прыйшла до хаты бидной кумы. А бидна кума заперлась ажъ за трое дверей. Вона стала пидъ первыми диврямы та й спивае:

И куры сплять,
И гуси сплять,
И вода спыть,
И люды сплять,
Вся зымля спыть,
Тикы моя кума ны спыть,
И окропы нагривае,
Мои руки обпарюе,
Мои перстни изнымае,
На свои руки надивае.

Якъ проспивала цю письню, то первы двери отперлысь; она тоди пидыйшла пидъ другы двери, проспивала цю саму письню и ты двери отчынылысь; потомъ пидыйшла пидъ трети двери, проспивала письню—отчынылысь и трети. Тоди ввійшла въ хату, де сыдила кума на ничи, взяла йи за косы и начала быть; была, была, потимъ потаскала йи у гробъ и зарылась землею (Плетеный Ташлыкъ. Запис. В. Письменный).

21. Бидный и дѣти.

Було соби два брата—одынъ бидный, а другый багатый. У бидного умерла жинка и оставыла ёму трое малыхъ дитей: два хлопчыка и одну дивчину. Наставъ голодъ; у бидного нима ны куска хлиба, голода и винъ, и диты ёго. Бидный було часто ходыть до багатого, шобъ той накормывъ ихъ. Той дававъ имъ, помы давалось, а дали и каже братови, якъ той прыйшовъ до ёго, шобъ

винъ позычывъ ёму хлиба: «чого ты до мене лазышь? я жъ ны буду кормыть васъ до самого лита (а тоди якъ разъ була зима), у тебе жъ есть багацько дитей,—зарижь одно, та й кормы другихъ!» Биднякъ подумавъ трохи, заплакавъ та й пишовъ до дому. Дома найшовъ винъ ножыкъ и ставъ ёго гострить. Колы це прыходыть до ёго ёго дивчына та й пыта: «тату, на шо ты гострышь ножыкъ?»—Оце—отвича батько—нагострю цей ножыкъ, зарижу одного изъ васъ та буду годувать другихъ, бо брать уже ны дае намъ бильше ничего.—«Тату, ны рижь насъ!» закрычала дивчына: «мы ляжымъ спать и ны будимъ просыть у васъ хлиба, ажъ покы у насъ ны буде свій» —Добре, якъ ны будыте просыть, то ны буду ризать—каже батько. Ти диты якъ лягли спать,—проходыть одынь день, воны ны встають, проходыть другый—воны все сплять. Батько уже и людей кыкавъ, и попа—ничого ны помогае, сплять ёго диты, тике видно, шо жыви, бо дыхаютъ, Прошла зима, воны все сплять! Цей годъ бувъ урожайный, а бидный посіавъ десятинь съ пьять хлиба и уродывъ у ёго хлибъ дуже гарный. Якъ началы хлиба спить, биднякъ пишовъ скорыще, накосывъ снопывъ зъ десять, обмолотывъ, просіавъ и измолоеъ, а на другый день зробывъ два хлиба и посадывъ у пичь. Тике-шо ти хлибы спыклысь, и биднякъ начавъ ихъ вытягать, прокыдаиця старша дытына, за нею друга, а тамъ и третя и пытають батька: «тату, а шо, есть уже хлибъ?» Батько, якъ почувъ ихъ голоса, то ны могъ вымовить ни одного слова отъ радости; цилуе ихъ, гладыть и ны зна, шо имъ и сказать. Накинець винъ узнавъ, що ёго диты ще голодны, посадывъ ихъ за стиль, нагудувавъ добре и тоди начавъ опьять ихъ цилувать та обнимать. Съ тихъ поръ зажылы воны трохи лучче и николы бильше ны збырався той чоловикъ ризать своихъ дитей (Б. Виска. Запис. К. Харченко),

22. Про царильныка.

Бувъ соби одынь мужыкъ багатый, була у ёго дочка дуже брва, Наталка, и хто Наталку не прыходывъ сватать, мужыкъ не хотивъ йи отдавать. Прыходылы попы,

дьяконы и дякы, а винъ имъ каже, що не оддамъ я за васъ свою Наталку, я йи оддамъ за Бога. Царильныкъ почувъ, що мужыкъ говорывъ, та й каже попови: «батюшка, дайте мини сто рубливъ, я йи засватаю». Пипъ давъ ёму сто рубливъ, винъ соби накупывъ ризъ, накупывъ соби свичокъ и прынявъ соби двухъ товарищывъ и сказавъ своимъ товарищамъ, що отъ я буду Богъ, а вы будете святы, одинъ буде Петро, а другой буде Павло. (*) Пишлы вони сватать Наталку, купилы штофъ водкы и закопалы въ провалля; пишлы вони до того мужика; царильныкъ вылизъ на хату, позасвигювавъ свичкы, а Петра и Павла поставывъ коло виконъ, а самъ ставъ злизать зъ хаты. А той мужыкъ побачывъ та й каже жинци: «ось, каже, Богъ иде». Уходятъ вони у хату уси тры, кругомъ царильныка свичкы горять, у ризахъ у поповскихъ винъ. Винъ и каже: «здрасуйте! знаете, чого я до васъ прыйшовъ?» Каже: не знаю. «Оддасте вы за мене дочку свою?» А мужыкъ каже: «чы я такой достойный, що до мене Богъ прыйшовъ сватать дочку?» А Богъ каже: «значить—достойный, колы прыйшовъ». «Ну—каже,—якъ за Бога, то можна и оддать». Ну, давай вони сватацця. А Богъ каже: «знаишь, Петро, якъ мы ходылы по земли ще за царя Оннаго, та мы закопалы въ провалля водку,—пиды, каже, прынысы йи». Той пишовъ, прынись, сватаня попилы вечиромъ, а на ранокъ щобъ винчацця. (**) Повинчалысь вони, и уже треба имъ йихать, а батько пытае Бога: «що тоби, каже, Боже, дать?» А Богъ каже: «дайте мини сундукъ грошей». Батько давъ ему сундукъ грошей и пару коней добрыхъ и выпровадывъ ихъ. До йихалы вони до курыня того царильныка, и каже йи чоловікъ: «ну, каже, годи богувать, бижы скоть завиртать». Вона заплакала та й пишла. Винъ поставывъ сундукъ у куринь, кони пустывъ на выгонъ, самъ сивъ пидъ куринемъ. А люды йидуть зъ степу, та на степь, та й

(*) Вар.: Попамъ и дякамъ принадлежитъ починъ обмана; они то и сопровождаютъ царильныка вс время сватовства и принимаютъ въ послѣднемъ участіе.

(**) Вар.: Дѣдъ слѣдуетъ за нимъ съ цѣлью провѣрки словъ жениха и, асвратившись домой, убѣждаетъ жену, что это—дѣйствительно Богъ.

бачуть, що того мужика дочка одганяе скоть одъ царыны, та й кажуть мужикови: «за кого ты свою дочку оддавъ?» А мужыкъ: «за Бога». А воны ёму кажуть: «хиба Богъ царыну стереже, що твоя дочка скоть отъ царыны одганяе?» Мужыкъ людамъ не повиривъ, по-йхавъ, самъ побачывъ, а тоди каже жинци: «правда, що люды казалы». Поклыкавъ винъ тоди брата своего одного и другого и собирающа воны убыть ёго. (*) А винъ узнавъ, узявъ—піймавъ соби зайця и веде по-надъ царыною, а воны идутъ, хотять ёго убыть, доходятъ до ёго та й пытають: «що це таке ты ведешъ?» каже: «жыве серебро;» «що жъ ты хочышь за ёго?» каже: «трыста рубливъ; воно, каже, способне, ёго, каже, на свій степъ вывести, пустить, то буде хлибъ незберимый, и тоди опьять можно уловыть.» Воны дали ему трыста рубливъ, уже и забулы, що хотилы ёго убыты; вывели воны того зайця на свій степъ та й пустылы и тилькы его и бачылы, та й кажуть: «правда, що жыве серебро; ну, мы пидемъ до ёго взавтра, ныхай намъ гроши верне; а якъ не верне, то убьемъ». А винъ узнавъ, що хотять ёго на другой день убыть, упіймавъ вовка та й веде надъ царыною. Ти люды идутъ, хотять убыть его, пидходятъ та й пытають его: «що це ты водышь?»—Вивчура, що овецъ плоде; за одну ничъ, каже, тыщи дви наплоде.—«Ну, кажуть, продай намъ его».—Купить, каже. «Що за его?»—«Девьятьсотъ рубливъ — «Ну, каже, на».—Винъ узявъ гроши и оддавъ ёго имъ съ полою. Воны идутъ до дому та й совитующа. Старшый узявъ вивчура та й каже: «ныхай винъ упередъ у мене буде, бо я старшый». А у ихъ у каждого було овецъ по тыщи три. Отъ старшый братъ узявъ вивчура на перву ничъ до себе, заперъ его межъ свои вивци, винъ за ничъ чысто подавывъ ихъ. Мужыкъ до сходъ сонця выходе оччинять двери—не може ны якъ оччыныть, та й думае соби: «не выпустывъ я ихъ у двиръ, кошара, каже, мала, а винъ наплодывъ, що й дверей не оччынышь». Езявъ винъ тоди, вырубавъ стину, колы дывыцца: вси вивци подушини. Мужыкъ запригъ

(*) Вар.: Обязанность мести принимаютъ на себя братья дѣвушки.

кони та й повывозывъ овецъ на степь, щобъ и браття не знали. Приходе другый братъ та й пытае: «а що, багацько овецъ наплодывъ?» каже: «багацько, уже й на степь выгнавъ». — Ну, каже, теперь давай мини цёго вивчура, нехай теперь у мене наплоде овецъ. Винъ узявъ, заперъ ёго на ничь у свою кошару, а винъ и у того подушывъ вивци. Той давъ третёму брату, и у того той вивчуръ подушывъ такимъ же родомъ вивци. Тоди вони кажутъ: «гайда, убьемъ ёго». А винъ взявъ, заризавъ свиню соби, вынявъ зъ ней пузырь, наливъ кровью, привязавъ жинци до бока и взявъ рубъ и заклавъ йи пидъ платокъ спереди, такъ щобъ винъ тикы чуть дыржався. Приходятъ вони на другый денъ. Винъ узявъ калатушку, та якъ трахне жинку по голови, а той рубъ и выскочывъ; а тоди взявъ ножъ, та якъ накрычыть на жинку: «давай обидать!» та ножомъ пидъ бикъ, а жинка и впала, якъ мертва; винъ тоди узявъ батигъ, та батогомъ якъ ударывъ, а вона и ожила. А мужики думалы, що й правда це, та й кажутъ ёму: «продай намъ цю штуку!» Каже: «купить!» — Що хочъ за ней? — «600 рубливъ, вы, каже зыробите ихъ за одни суткы, тикы щобъ вирно были по голови: каждый разъ, якъ ударите, рубъ выскочетъ». Вони и полакомились, дали ему 600 рубливъ, узялы цей увесь прыпасъ и пишы до дому. Пришы до дому та й совитующа. Самый старшый узявъ прыпасъ, та каже: «нехай винъ у мене упередъ буде, бо я старшый.» Пришовъ винъ до дому та якъ ударе жинку по голови калатушкою, а вона и вытяглась, а винъ йи тоди ножомъ пидъ бикъ, та й кишкы зъ ней выпустывъ; тоди узявъ батигъ та давай жинку быть, — а вона уже й не жыва. Ну, приходе наранокъ братъ меньчий: «ну що, пыта, наробывъ грошей?» — «Наробывъ, каже, и въ комору склавъ». Винъ узявъ той увесь прыпасъ, пришовъ до дому, та й убывъ и свою жинку. На третій день приходе третій братъ: «що, каже, наробывъ грошей?» — «Наробывъ» — каже. Той каже: «ну, давай же теперь и мини цей прыпасъ». Узявъ винъ той прыпасъ, пришовъ до дому и такимъ же самымъ родомъ убывъ и свою жинку. Тоди вони собралысь вмисти та й кажутъ: «гайда утонымъ ёго, а то

якъ убьемъ, то намъ буде грихъ». Отъ воны узялы, завязалы ёго у мишокъ та й вкынули въ воду, а тоди той мужыкъ узявъ свою дочку та ставъ жыть та поживать та добра наживать, (Б. Виска. Запис. Ревва). (*)
Вариантъ конца сказки см. у Чуб., II, 514 и у Драг., 343.

23. *Кругленьке словечко.*

Задумавъ одынь парубокъ жыныця. Отъ думаетъ винъ, кого бь тутъ у старосты узаты? пиду я до своего ридного дядька, визьму я ёго у старосты. Такъ и зробывъ; прыйшовъ до дядька и каже: «дядюню, дядюню, пособишь, пожалуйста, моему горю, ходымты, я васъ пошлю у старосты». Дядько пытае: «а до кого, племенныку, думаишь мене посылаты?»—Я думаю, дядюне, хоть бы и до Гордія Ивановыча Вертогора, у его дивка брва: очы черны, сама моторна,— треба бь до неи посылаты.—Дядько ему и каже: «я бь пособишь бы твоему горю, якъ бы ты бувъ трошкы росторопнійшый, а то пидешь съ тобою мыжь люды, та тикы стыду черезъ тебе наберемся и съ тымъ и вернемось». Племенныкъ каже: «якъ то вы такъ, дядьку, кажете, шо я ны расторопный, хйба я уже дурный, чы що?»—Да ны то шо ты дурный, а тилько шо у тебе мова яко-сь то ны дуже гарна,—шо скажишь, то усе ны до дила.—«Якъ то такъ?»—Да такъ! Оце якъ пидемо, увийдемо у хату, то ты подумай, шо тамъ треба зь людьмы говорыты!—«Якъ то, шо говорыты?»—Якъ ты увийдышь у хату, поздоровкався-бь зь людьмы гарненко, подумавъ бы, якого словечка тамъ сказаты гарненко, кругленького — «Ну, спасыби, дядьку, за добру науку! Такъ я уже и буду казаты». Пышлы воны до Гордія Ивановыча. Той попросывъ ихъ у хату, посадывъ за стылъ. Началы воны про свое дило говорыть, а молодой сыдыть за столомъ и думаетъ: «якъ бы тутъ ны забыть дядькове наставленіе? якого бь тутъ словечка сказаты бы гарненко и кругленького?»—да й надумавъ: якъ крыкне на усе горло: «обручь! обручь! обручь!» Гордій Ивановичъ и

(*) Вар.: Въ послѣдній разъ царильныкъ спасается отъ мстителей, призывавшихъ жертвы.

вылупывъ на его очы та й пытае: «де це ты бачышъ обруча?» а нашъ молодой и каже: «эге, шо-жъ, шо ныма обруча? — мене дядько такъ учывъ, шобъ я сказавъ словечко кругленьке, гарненьке; ну, я и сказавъ кругленьке: якого люби ще круглішого треба, якъ обручъ?!» (Плетеный Ташлыкъ. Зап. Н. Сербуль).

24. Про птычку.

Бувъ соби чоловікъ и жинка. Вони жили бидно, було у йихъ трое дитей маленькихъ. Чоловикъ державъ шинкъ. Отъ одынъ разъ поїхавъ винъ по горилку однимъ бочонкомъ, взявъ зъ собою макогинъ, а другий оставивъ дома жинци. Йиде винъ до дому уже зъ горилкою, якъ де ны взялась птычка и сила на боченкови. Винъ йи прогнавъ, а вона и другий разъ сила. Тоди винъ розсердывся и кынувъ на ней макогомъ. Птычка полетела, бо винъ йи не попавъ, а бочонокъ розбывъ зовсимъ, такъ шо вся горилка вытекла. Тоди другий разъ птычка сила у конякы на голови, винъ якъ попудыть макогомъ на ней, та не попавъ по ній, а въ коняку по голови та й убывъ коняку. Тоди винъ пишовъ до дому пишкы и розказуе жинци, шо зъ нымъ случылось, а жинка ему стала розказувать про свою биду: «отъ-се якъ разъ и тоби беда, а мини ще гирше: незабаромъ якъ ты мавъ прыйихать, де-сь взялась птычка, сила на викни, а потимъ и въ хату влетела и сила дытны на голову, я здуру кынула макогомъ на ней и убыла дытну; вона сила другий дытны на голову, я погарячылась и те убыла макогомъ; такъ и трете; тоди птычка полетела соби». Чоловикъ и каже жинци: «якъ прылетьтѣ вона ще, ты йи пиймай, зарижъ, жжаръ и я ззимъ». Тильки шо винъ це сказавъ, якъ вона й прылитае, а жинка пиймала йи, заризала, жжарыла и чоловікъ изывъ йи якъ разъ въ недилю передъ службою; найився та й пишовъ до церкви; та такъ молыця, бѣе поклоны; якъ нагнеця, ударыть поклонъ, а зъ нымъ и беда: шо-сь въ середыни отзываецця; люде сміюця кругомъ и поотходылы одъ нѣго. Прыишовъ винъ до дому та й розказуе жинци, якъ все було въ церкви и каже йи тоди: «я стану ракомъ, а ты бый мене въ

зядь, може, якъ-ныбудь выбышь йи видтиль». Взяла жинка той самый макогонъ, была его, была, не може ны якъ выбыть. Тоди чоловікъ каже: «бый ще спереду, по голови!» Вона якъ трахне, чоловікъ и вывырнувся и очы пидь лобъ пустывъ. Вона думала, що винъ встане, може, колы бачыть—лежыть та й годи. Тоди вона уже догагалась, шо вбыла чоловіка, поховала ёго та й стала жить ще въ гиршій биди, якъ впередь (Запис. отъ крест. мальчика изъ с. Калниболота; извѣстна также въ с. Тишковкѣ).

25. Вчора мали, а чырызъ ничь стари.

Два воловныка прожили литъ скилько умести дружно и безспорно. Ото яко-сь въ одынъ осинній день наварылы обидать да й розговорылысь, говорылы про се и про те, чогу вже вони ны говорылы, докиль ны стало чогу говорыть. Отъ и каже одынъ другому: «давай поробимось маленькымы да ще будымъ говорить по дытячий». —Ну й будымо маленькымы.—Одного изъ ихъ звалы Хведирь, а другого Гарасымомъ. Отъ и каже Хведирь: «пиды, завырны волыкы, Гарасько, а я кашку простудю». Пишовъ Гарасько до воливъ, а Хведько всю кашку поивъ. Прыйшовъ Гарасько одъ воливъ и пытаиця: «де каска?» —У дуси!—каже Хведько. «Ну, пиды жъ ты, Хведько, завырны волыкы», сказавъ Гарасько. Хведько пишовъ завыртать волы, а Гарасько укынувъ въ огонь его кожухъ и спалывъ. Прыйшовъ Хведько одъ воливъ и пытае Гараська: «де кожуся?»—У жыжи!—Схопывъ тоди Хведько Гараська за чупрыну, а Гарасько Хведька тоже за чуба, схопылысь, побылысь и, покынувшы волы, пишы до пана жалувация. Заяывъ Хведирь панови, що Гарасымъ ему кожухъ спалывъ да ще й пыку набывъ; Гарасымъ показавъ, що це було, якъ вони були маленькымы; Хведирь заключывъ, що слова Гарасыма вирны. Панъ одиславъ ихъ ни съ чымъ и на случай хторичного быспокойства обяывъ обомъ наказаніе. Хведирь и Гарасымъ и доси живутъ старымы, а малымы ны робляця (Плетеный Ташлыкъ. Запис. И. Болѣлый).

26. Чыпурысь.

Бувъ соби у одного чоловика бычокъ, и ёму було уже тры года. Той бычокъ бувъ такой ученый, шо якъ хозяинъ прынысе ёму йисты и скаже: «чыпурысь, (*) иды йисты», то винъ тике почуе, заразь и бижыть до его. Кто бъ ны прыйихавъ до того чоловика, то винъ заразь водывъ его до бычка и показувавъ ёго. Отъ одынъ разъ прыйихавъ до его зъ одного сила дякъ въ гости; винъ заразь повивъ его до Чыпурыся, начавъ росказувать, якый винъ ученый, и шо якъ бы ёго выучыть, то зъ ёго була бъ людына. А дякъ и каже ёму: «знаишь шо, чоловиче, оддай мини цёго бычка въ ученіе и ривно чиризъ годъ прыйиждяй до мене за нымъ, а до тихъ поръ винъ буде уже чоловикомъ; за ученье я зъ тебе багацько ны визьму, давай десять рубливъ, та й буде зъ мене» — Мужикъ согласыся и давъ зазаръ дякови десять рубливъ. Дякъ узявъ бычка и пойихавъ до дому. Скоро винъ прыйихавъ, то заразь узявъ та й заризавъ его. Проходыть ривно годъ, чоловикъ запригъ коняку, набравъ сина въ повозку и пойихавъ до дяка. Прыиждяе винъ туды та й пытаиця дяка: «а шо, чы выйшовъ зъ мого Чыпурыся чоловикъ?» — Эге, ще й якый! — каже дякъ — уже у такымъ-то городи губырнаторомъ. — Чоловикъ вырнувся до дому, набравъ ще бильше сина въ повозку, шобъ було шо йисты Чыпурысёви дорогою, и пойихавъ ажъ у городъ. Прыиухавъ винъ у той городъ, распытався людей и пойихавъ прямо до губырнатора. Скоро винъ прыйихавъ, та заразь набравъ сина добру вьязку и хотивъ иты съ тымъ синомъ до губырнатора, но часовый ёго ны пустывъ, а доложывъ самъ губырнаторови, шо якый-сь чоловикъ хоче бачыть ёго прывосходытыльство. Губырнаторъ думавъ, шо, може, прыйшовъ якый-ныбудъ чоловикъ съ просьбою, и прыказавъ ёго заразь впусыть. Чоловикъ уходыть у хату зъ вьязкою сина, пидходыть до губырнатора и каже: «о, мій Чыпурысь, мабудъ, забувъ уже свого хазяина!» и тыче ёму у ротъ те сина. Губырнаторъ

(*) Винъ дуже бувъ чыстолютный, за то ёго хазяинъ и прозавъ Чыпурысь.

россердився и пытаиця, шо ему нужно, а винъ таке свое: «та ну-жъ, Чыпурьсь, шо ты, ны пизнаешъ своего старого хазяина, который тебе выглядивъ и выкормивъ, пойдимъ упьять до дому!»—и все тыче те сино ёму у ротъ; той думавъ, шо винъ зъ ума зійшовъ, и прыказавъ, шобъ ёго вывылы, но винъ начавъ упыраця и все-таки свое: «та ну жъ, Чыпурьсь, хйба ты такы ны пизнаешъ мене? на ось тоби, пойижъ трохы сина, то тоди пойдимъ до дому». Насылу его яко-сь вывылы, а тоди засадылы въ острогъ на тры дня. Якъ скоро ёго выпустилы изъ острога, то винъ скорише запригъ свою коняку, прыйхавъ до дому, та й каже жинци: «знаешъ, шо, жинко, бувъ я у нашего Чыпурься, но винъ ны пизнавъ мене, а прыказавъ ще посадыть на тры дня въ острогъ». И съ тыхъ поръ той чоловикъ закааявся йиздыть до своего Чыпурься и отдавать бычкивъ до дяка въ ученіе. А дякъ изъивъ бычка та ще й заробывъ десять рубливъ (Большая Виска. Запис. К. Харченко).

27. Панъ и мужикъ.

Разъ панъ йхавъ у базаръ съ кучиромъ. Колы бачуть воны: веде чоловикъ козу на базаръ. Панъ пытае: «що за цю козу?» Чоловикъ каже: «дайте коня одного, бо ця коза вовкивъ ловыть». Панъ тоди каже кучеру: «Ванька, отдаймо коня одного,—однымъ будымъ йхать, а коза буде вовкивъ ловыть». Колы воны йидуть дорогою, бачуть: стоятъ два вовкы, а панъ каже: «Ванька, выдышь волковъ?—оны наши будутъ». Пустылы козу, вовкы піймалы козу и зъылы. Панъ тоди: «Ванька, это ны та коза, шо вовкивъ ловыть, а вовкы её ловяты; мужыкъ обмануль насъ; стой, я сяду на этого коня, дожену его и выдеру коня». А мужикъ той узявъ коня за козу, завивъ его у лисъ, поставывъ, а самъ выйшовъ на дорогу, а панъ йиде. «Здоровъ, мужичокъ! ны бачывъ ты, тутъ ны йхавъ мужикъ конемъ?»—Бачывъ, пане, винъ пойхавъ у лисъ; а дайте мини цёго коня, я дожену ёго». Панъ давъ коня, мужыкъ узявъ того, шо у лиси бувъ, та й утикъ. А панъ ждавъ, ждавъ и вернувся до Ванькы. «Вотъ, Ванька, мужикъ обмануль меня, узявъ

и цёго коня. Ну, какъ, Ванька, будымъ ѣхать? Ты везы, а я буду ѣхать!» Запригся Ванька, везе. Отъ уже ничь. Дойихалы воны до скрыты сина и стали ночувать. Панъ у шуби, панови тепло, а Ванька тико у жукети, Ваньки холодно; панъ лигъ на брычци, а Ванька улизь у мишокъ та лигъ пидъ скрытою. У пивночы Ванька уставъ, роздився, та: «фу — каже — упривъ!» А панъ каже: «шо ты, Ванька, я у шуби змерзъ, а ты упрѣль?» А Ванька каже: «бо я у мишку бувъ». Панъ тоди каже: «на тебѣ шубу, а меня завяжи у мѣшокъ». Тоди Ванька завязавъ пана у мишокъ, а самъ удыгъ шубу, а потимъ узявъ бычъ, та якъ начавъ молотыть по мишку, а тоди выпустывъ пана зъ мишка и начавъ стогнать: «ой, Боже мій, побыло мене», каже Ванька. А панъ каже: «бо ты дурынъ, вотъ я: какъ меня ударить въ одынъ бокъ, а я на другой повернусь». Тоди панъ запригся и начавъ тягты, а Ванька сивъ за пана и прыговаривае: «знай, пане, якъ минять козы за кони, тыперъ везы самъ». Отъ якы булы паны прежди (Ново-Архангельскъ. Зап. В. Ковтонюкъ). Короткій варіантъ у Манжуры, въ Сб. Харьк. Общ., II, 82.

28. Якъ найшли вора (Быль).

Одынъ чоловикъ укравъ у другого капусту. Той пишовъ жалиця у росправу, каже, шо Лищымъ укравъ капусту. Прийшовъ и Лищымъ у росправу и отказуецця, шо ны кравъ капусты. А у росправи бувъ зборщыкъ подативъ, винъ и каже: «отъ я узнаю вора; берить вы поясъ и идить у сины, а я визьму другой кинець, пырыкыну черезъ двери и буду отсюда тягнуть». Все ухватывысь за поясъ и держаця, а зборщыкъ крычыть: «узялыся уси?» — Уже, узялыся! — «Та, кажеця, ны уси узялыся?» опьять крычыть зборщыкъ. — Уси узялыся, — ерычатъ ти за дверью. «А той, шо капусту укравъ, дѣба узявся?» ерычыть зборщыкъ. — Та й я узявся, — крычыть Лищымъ. «А якъ и ты узявся, то заплаты за капусту, а ни, — оддай капусту тому, шо ты укравъ у ёго», каже зборщыкъ. Той злякався, ны знавъ, шо и казать, и говорыть, шо помылывся. А тоди, часа черезъ два признався. Пишлы воны все

у шинокъ, выпылы мугурычу и помырылысь. И доси помынають люды хытрого зборщика (Плетеный Ташлыкъ. Запис. Н. Сербуль).

29. Про двоихъ братьевъ.

Жилы два брата: одынь багатый, а другой бидный. Умерла у того багатого баба, той поклыкавъ пона и заховалы йи, а цей бидный у ночи пишовъ, откопавъ йи, прынисъ до багатого у комору, напхавъ повынъ ротъ борошна и пишовъ до дому. Рано багатый пишовъ у комору, дывыця: стоить баба; винъ излякався и побигъ до бидного брата, росказавъ ему и каже: «иды, заберы у мене борошно, бо я не хочу йисты те, шо мертва баба помняла». Той бидный прыйшовъ, забравъ все борошно, поховалы ту бабу и прыйшлы до дому. А той бидный зновъ пишовъ у ночи, откопавъ йи, прынисъ до багатого и укынувъ у сажъ, тамъ, де було два здоровыхъ кабана, узявъ, ножомъ поколовъ тихъ кабанивъ, шобъ кровь изъ йихъ ишла, обмазавъ баби ротъ и пишовъ до дому. Рано багатый уставъ, дывыця, а ему мертва баба покусала кабанивъ. Винъ побигъ до меньшого брата и каже, шобъ прыйшовъ, забравъ кабанивъ, а то опяты, каже, прыйшла мертва баба и покусала ихъ. Той бидный прыйшовъ, забравъ кабанивъ, заховалы ту бабу зновъ и вернулысь до дому. Увечери той бидный пишовъ на кладбыще и сыдыть тамъ, прыйижжае на кладбыще пипъ и той багатый, шобъ панахыду отправать. Отправылы панахыду, йидуть до дому, а въ теи конякы було лоша. Той бидный спиймавъ те лоша, роскопавъ бабу, посадывъ на лоша и пустывъ. Дывляця пипъ и той багатый: йиде баба на лошати, доганяе ихъ; воны порозбегалыся, а та баба все сыдыть на лошати; воны тоди побиглы до бидного брата, шобъ винъ отчепывъ бабу отъ того лошаты. Бидный и пыта: «а шо дасте? Я зроблю такъ, шо вона не буде билше ходыть». Воны кажутъ, шо дадутъ ему тры пары воливъ; винъ тоди взявъ, одвизъ ту бабу на кладбыще, укынувъ у яму и каже: «будь ты трыжды проклята, шобъ я съ тобою носывсь!» И закыдавъ землею. (Записано отъ крест. мальчика изъ Б. Висли).

30. *Линывы люды.*

Лыжить чоловікъ изъ жинкою въ саду пидъ яблунею, а на двори дуже жарко. Чоловикъ и каже: «отъ добре було бь, якъ бы о-це яблуко упало прямо мини въ ротъ само!» А жинка: «и охота, каже, тобі говорыть въ таку жару!» (Пл. Ташлыкъ. Зап. В. Письменный).

31. *Якъ чоловікъ учывъ линыву жинку.*

Була соби у одныхъ людей дочка та дуже линыва, ни до якои работы не визьмеця, а все або гуля, або на печи спыть, та ще й маты у неи була така, що пидтакувала йи усе: «гуляй, каже, доню, у молодости, а на старисть уже робы сама на себе, горе тебе всѣму науче». Ну, о-це жила соби дивчына, та й стала уже дивкою, треба вже и замижъ виддавать; колы жь йи не хоче ниhto брать, бо дуже ледача. Отъ знайшовсь такы такой парубокъ, що пославъ до неи свативъ. Батько та й маты, звистно, обрадувалалыся; тильки маты й каже: «А що, сыну, чы ты йи не будышь быты?—Ни, мамо, не буду, я вже знаю, що зъ нею робыть». Ну, о-це вони посваталыся, повинчалыся, забрали скрыню и пойихалы до молодого. Жилы вони писля свадьбы такъ, якъ уси, а тутъ наступа косовыця, а молодой и каже всимъ своимъ домашнимъ, такъ щобъ и жинка чула: «Ну, слухайте вси, —хто скильки наробе сѣгодня, той стильки и йисты буде, а хто ничого не наробе, той ничого йисты не буде!» — и пйшли уси въ степь, а Оляна осталася зъ старою матерью молодого. Подумала вона соби та й каже: «ни, це, мабудь, мій чоловікъ пожартувавъ! и мій батько казавъ, що йисты не дасть, якъ не буду робыть, одначе жь дававъ!» — подумала о-це вона соби такъ, та й лягла соби спать на пичку и проспала до обиды, а тутъ вже и прыходятъ зъ поля обидать, бо поле недалеко було. Чоловикъ та й почавъ пытаты усихъ, хто скильки наробывъ. Отъ одынъ каже: я косывъ, другой каже, що винъ снопы вязавъ, третій каже: а я возывъ хлибъ на тикъ. «А ты,

жинко, що робыла?» — Я... я нічого! — «Ну, то й йисты будышь нічого!» Здохнула тутъ Оляна, а у животи ны-
наче хто возомъ йиде. На другый день чоловікъ той
опять наказуе своимъ, а Оляна и рада була-бъ уже
узяця, колы-жъ це йи первына. Ото взяла вона видра
и прынесла воды, та такъ утомилася, що й прылягла,
та до обида и пролежала. Прыходятъ зъ степу, а чоловікъ
опять почавъ пытаты, хто що робывъ. Той каже—то, дру-
гый—то. «А ты, Оляно, що робыла?» — Я сегодня воды
прынесла на обидь! — «Ну, то на жъ тоби кухлыкъ воды,
а обидать не дамъ.» На третій день якъ пишы у си на
роботу, заходылась Оляна помагать бабци, бо вже дуже
йисты захотилося: наносыла дровъ, прынесла воды, за-
мыла у хати, пичъ затопыла, тисто замисыла... тики що
обидь поспивъ, ажъ глядь уже и зъ роботы идуть; йи
ажъ сумно стало, що время такъ швыдко пробигло. На
цей разъ вже и Оляна пообидала и вычерять налаго-
дыла. Такъ вона проробыла до недили. У недилю пишы
у си у церкву, а Оляна осталася обидь лагодыть. Тутъ
прыходе йи батько, щобъ одвидать свою дочку, якъ йи
жывецця у зятя; прыйшовъ—и не надывыця на свою
дочку: и пичъ сама затопе, обидь залагодыть, у хати по-
замитае, ... винъ ажъ руки росставывъ та й пытае йи:
«якъ це тебе чоловікъ твій до роботы навчывъ?» Вона
мовчыть, ажъ тутъ изъ церкви йдуть; Оляна выбигла
живійшь зъ хаты, прынесла сыру кожу, дала своему
батькови и каже: «нате, тато, мнить хоць цю кожу, бо
тутъ таки люды: якъ хто нічого не робе, то ёму и йисты
не дають». Подывувався старый, взявъ кожу и заходыв-
ся мнять. Прыходе тутъ молодой хазяинъ, глянувъ на
старого, поздоровався и пытае его: «що це ты робышь,
старый?» — Кожу мну, бо мини дочкаказала, що у васъ
тому йисты не дають, хто нічого не робе». Зарыготавъ
той чоловікъ и каже: «кынь, батько, цю кожу, це я
свою жинку прыучавъ до роботы не молотомъ, а голо-
домъ». Засміявсь тутъ и старый, обнявъ своего зятя и
на радостяхъ выпывъ. А молоди началы зъ того часу
жыть та пожывать та й добра нажывать (Хуторъ Бере-
зинка (Лазаревича). Запис. Гермутъ).

32. Якъ Катря плакала по своему чоловікови.

Катря була ще зъ дивчука прыкирна плакать надъ покійныкомъ. Було, якъ хто вмре изъ ридьни, то ёго ныхто въ свити ны обплаче краще, якъ Катря. Отто вже вона стала и вылыкою дивкою и замижъ выйшла, да й пожылы вони чымаленько зъ чоловікомъ, вже й диточокъ прыдбалы. Отто же вони колы-нибудь якъ залаюцца зъ Катрею, то винъ и начне корыты Катрю: «ты сяка, ты така, нымимаха, ты ны спыкты, ны зварыть, ны прясты, ны пошыть; отъ побачу—каже було чоловікъ,—якъ я вмру, то що товди зъ тебе буде!»—Эге, нысы, Боже мій, смерть, якъ бы я тыбе хороше поховала!—А тутъ, якъ разъ ны съ того, ны съ сёго захворавъ Олекса да й Богу душу отдавъ. Катря до кумы: «чы ныма, сестро, у тебе, позычь миня чымъ руки поккрыть?»—Ныма, сестро, я напяла, да те й ны снувала.—«Охъ, сыстрычко, позычь хоть клубочокъ!» Взяла Катря у кумы клубочокъ и начала снувать Олекси то за зубъ, то за ногу за палыць, бо снивныци ны было, да якъ заплаче: «охъ, Олексе мій, голубчыку мій, на кого жъ ты насъ кыдаешъ? ты жъ знаешъ, шо й варыво ны кладыне, и конопли ны терты, и диточки обдерты! да куды жъ ты выражаисся и въ яку дорогу? заростуть вси ти стежечкы й дорижкы, де ходылы твои нижкы! охъ, Олексо мій, Олексо, встанъ да подывысь, на кого жъ ты похожий?»—На кобзу, бисова дочко!—промовывъ Олекса, да й соби заплакавъ съ такою гиркою долею (Шл. Ташлыкъ. Запис. И. Болѣлый).

33. Лыха жинка.

Давно, давно, якъ не тилько насъ, но и дидывъ нашихъ ны було на свити, живъ въ однимъ сили мужыкъ, звалы его Потапъ, а его жинку Прыська. Мужыкъ любывъ свою жинку, якъ свою душу. Жылось ёму и ничого, бо винъ бувъ не вбогый, тилько бувъ ныщасный тымъ, що жинка его не любила, а тилькы то и думала, щобъ его стровыты, або дурнымъ зробыты. Потапъ все знавъ и ту дурноту зъ головы кулакамы выгонявъ. Но жинка це терпила, а те, що задумала, не забувала. Прышла весна, долины и горы просохлы и де—де трава зазеле-

нила. Потапъ не теряе годыны, съ плугомъ выйхавъ на степъ на дви ныдили ораты, а жинка зосталась дома гуляты; тилькы одна йи була робота, що всякый день рано обидъ варыла и на степъ чоловикови носыла. Разъ нысла Прыська обидъ, а дорога була по-идъ ставомъ и рыбаки ловылы рыбу; Прыська у нихъ купыла рыбы, пришла до чоловика, дала ему обидаты, а сама пишла на рылю дывыця и въ борозну рыбы накыдала. Пообидавъ Потапъ и начавъ ораты, дывыця: въ борозни жыва рыба. «Эге, жыва рыба въ зымли,—мабудъ, колысь тутъ бувъ ставокъ!» Покрынувъ Потапъ ораты, давай рыбу въ борозни збыраты. Позбыравъ всю рыбу и погонычемъ до дому пославъ. Погонычъ хазяйци рыбу отдавъ и йи такъ сказавъ: «дядько просывъ васъ, щобъ рыбу зварылы, або спыклы и взавтра обидаты вымыслы». Прыська того дня рыбу спыкла и съ кымъ зналась, зыла, а на другой день ячминного кулишу наварыла и на поле чоловикови вынысла Сивъ Потапъ обидаты, подывывся въ горщокъ: няма рыбы. «Прыська, а де рыба?»—Яка, чоловиче, рыба?—«А та, що я выоравъ?»—Потапе, чы ты здуривъ, чы начынаишь дурить? де жъ ты бачывъ, щобъ рыба въ зымли була, та ще на степу? ты мене дурною звешъ, а якъ бы ты бачывъ самъ себе, то ты самъ на себе не похожий, и въ тебе очы переминылысь, якъ у чорта. Покрыдай ораты, та иды до старосты и ныхай тоби на голови зордию прочытае». Россердывся Потапъ на жинку, схватывъ отъ плуга истыкъ и хотивъ жинку быты, а вона давай до дому тикаты. Бигъ, бигъ Потапъ за жинкою и ны догнавъ и ставъ на свою жинку крычатъ: «ныхай я прыйду до дому, дамъ я тоби дурня!» Прышла до дому Прыська, рада була, що начала добре, и якъ знала, що йи чоловикъ ввечери до дому прыйде, поклыкала до себе куму и стала йи просыты: «кумасю моя мыла, що мини робыты? прыйде мий Потапъ ввечери и буде мене быты, бо винъ на мене дуже россердывся; а вы, кумасю, останьтеся у мене и, може, вы его уговорыте, бо винъ васъ дуже уважае». Кума Прыськына послушала и стала Потапа ожыдать. Ввечери, було уже темно, Потапъ иде до дому, дуже сердытый; побачыла жинка, що иде

йїи чоловикъ, сховалася пидъ коминъ, а кума зосталася сама въ хати. Ввійшовъ въ хату Потапъ и начавъ кричать: «Прыська, чортъ бы тебе взявъ, де ты?» За Прыську кума обизвалася и стала кума гамуваты: «куме Потапе, що зъ вами, чого вы такъ расходылысь?» Не спизнавъ Потапъ свою куму по голосу, а думавъ, що то его жинка,—а на ту биду въ хати було темно,—схватывъ куму за косы и ставъ йїи быты. Бывъ Потапъ куму, та ще прымовлявъ: «о-це тоби та рыба, о-це тоби дурный, о-це тоби то, що ты мене до старосты посылаешъ, щобъ винъ мини надъ головою молитвы чытавъ, та ще заразъ называешъ мене кумомъ! якый я тоби кумъ!?» и давай ще гирше йїи быты. Довго бывъ Потапъ куму, стико влизло, а пидъ кинець взявъ и косы видризавъ. «О-це тоби, Прысько, щобъ ты мене дурнымъ бильше не робыла, бо ты це и взавтра скажышь, що я тебе не бывъ!» Вырвалася кума зъ рукъ кума, потыхеньку помандрувала до дому—ныма на голови волосся, ще й до того добре побыта; сказала бъ своему чоловикови—боицця, бо ще й винъ буде быты. Не вечеравше лигъ Потапъ спаты и пидъ голову положывъ косу. Довго сыдила Прыська пидъ комыномъ, не входыла до хаты, покы йїи чоловикъ добре не заснувъ. Чуе Прыська, що чоловикъ спыть, ажъ хропе, ввійшла потыхеньку въ хату, вытягнула косы и ихъ сховала, а писля того пишла въ хливъ, де стояла кобыла, побыла ей морду, спыну, видризала хвоста и положила чоловикови пидъ голову, а сама вылизла на пичъ и лягла спаты. Рано проснувся Потапъ и ставъ жинку будыты: «Прысько, вставай! уже тыперъ ты порозумнила?» Встала вона съ печи, якъ будто бы ничего ны знае, заговорила до Потапа ласковымы словами и на лавци сила. «Потапе мій мылий, що тоби таке мерещицця? и що ты це кажышь? и чого ты на мене сердыся и кажешъ на мене, що я вчора була дурна? ты мене весь вникъ робышь дурною, а якъ бы ты бачывъ самъ себе, тоди бъ и мени повирывъ, якый ты ставъ, и очы въ тебе переминылысь,»—и начынае плакать. Потапъ подывывся на жинку та й каже: «годи тоби, Прысько, хымерыны робыты, бо й сегодня буду тебе я быты». Прыська

одвернулась и засміялась: «постий, каже, проклята пара, вже не далека та година, я зроблю съ тебе дурня!» «Потапе, каже, мій мылий, що ты кажышь, колы ты мене бывъ? це тоби друга рыба, що выоравъ на стыпу». Россердывся Потапъ на жинку и хотивъ йиі заразъ быты, но жинка була хитрійше чорта; пидыйшла до чоловіка, ласково въ очы подывылась и каже: «Потапе, Богъ съ тобою, що ты це хочешъ робыты? колы ты мене бывъ? угамуйся!» Потапъ скоса подывывся на жинку и сказавъ: «о, я тоби докажу, що я тебе бывъ и тоби косу видризавъ». Кынувся винъ до лавкы, де спавъ, засунувъ руку пидъ подушку и вытягнувъ киньськый хвистъ и не дывыцца на него—показуе жинци. «Потапе, угамуйся! хйба це косы мои? це хвистъ кобылы! ты бывъ кобылу, а не мене!» Пишовъ Потапъ зъ хвостомъ въ хливъ и дывыцца: справди, кобыла побыта, и хвистъ видризаный! Вырнувся до хаты, сивъ на лавци и думае: «може, справди я бывъ кобылу и йиі хвоста видризавъ?» А Прыська баче, що чоловіка трохи одурыла, заплакала и стала его просыты, щобъ винъ ны тратывъ годыны, пишовъ до старосты, щобъ винъ ему зордію чытавъ. Въ тимъ сели бувъ староста трохи письменный и зордію вмивъ чытаты. Здуривъ Потапъ, пославъ жинку до старосты. Вона того давно й хотила, а якъ прышла до нёго, таке ему наговорыла, що винъ йиі повирывъ. Прышла Прыська до дому, заставыла чоловіка бычка рябенького за шыю налыгаты, а сама піймала рябенького ливныка и пидъ полу сховала, щобъ чоловікъ ёго ны бачывъ. Выйшовъ зъ двору Потапъ, та й до жинкы заговорывъ: «Прысько, а на що мы бычка взяли?»—Я ёго подарувала старости, щобъ винъ добре прочытавъ тоби надъ головою молитвы.— «Ну, нехай буде такъ!» Прышла Прыська зъ чоловікомъ въ двиръ, взяла зъ рукъ у него бычка и стала его прывязуваты до тыну, а его послала до хаты. Не вспивъ Потапъ дверей оччыныты, Прыська пустыла бычка до дому, а на ту вырочку прывязала пивня и въ синяхъ чоловіка догнала. «Слухай, Потапе, выерищай очы и кывай худко головою, бо ты такый страшный, що тебе и староста злякаецца!» Ны вспилы вони до хаты ввійты,

якъ вѣйшовъ староста и его жинка въ сины. «Здоровъ, Потапе!» А Потапъ вытрищивъ очы и ставъ кивать головою. «Ты слабый, Потапе?»—Авжежъ! прывивъ вамъ бычка,» каже Потапъ, и не перестает кивать головою. «Панове старосты! каже Прыська, ходимъ на двиръ и побачымъ, якого винъ вамъ бычка прывивъ!» Дывляцця, а коло тыну прывязаный пивень. «Бачите, якого винъ вамъ бычка подарувавъ! винъ зовсимъ вже дурный!» Заразь повивъ Потапа староста въ хату и ставъ на голови молитвы читаты. А Прыська купыла дви рыбы и черезъ кватырку въ хату и всунула рыбу. Баче Потапъ—въ викни рыба—и каже: «въ викно рыбка, рыбка лизе!» Прочытавъ староста зордию и вывивъ его зъ хаты, а Прыська навстричь имъ: «а що, староста, прочыталы? Потапъ дурный, винъ говорывъ за яку-сь рыбу». Прыйшла Прыська до дому съ чоловікомъ, заперла его въ хати, а сама пишла трохи погуляты; гуляла вона, скільки хотила, а ввечери до дому прыйшла. «Потапе, я де була въ тои бабы, що вона багацько знае, вона мини казала, щобъ ты такъ зробывъ: въ мазныцю дѣгтю наливъ и ёго запалывъ, и яке-небудь рябе рядомъ я на тебе надину, и заразь иды по пидъ хаты и махай выще себе и ны до кого ничего ны говоры». Вѣйшовъ Потапъ съ двору, обмотаный въ рябе рядомъ, и въ руди мазныця, а въ йи горыть смола, а винъ пидкидае йи выще себе и иде улыцею по-пидъ хатами. Людѣ зо всего села зибралыся гамуваты Потапа, а винъ свое робе. Прыська иде ззади и потехеньку людямъ каже: «Потапъ начынае казыцця, винъ всихъ васъ покусае, вырыйте яму и кыньте его, собаку, и живого засыпте землею». Подумало общество та й прыговорыло: ныхай пропаде одынъ винъ, чымъ маемъ мы вси показыцця. Староста поттвердывъ, що винъ сказывся, мужики выкопалы яму, вкынули Потапа и накыдали на него могылу. О-таке колысь робылось на свити (Новоархангельскъ. Записаль А. Школа).

34. Дидъ и баба.

Бувъ соби дидъ и баба, и малы вони соби пивныка и курочку. Пивныкъ и курочка пишли на смитныѣ гро-

мадыця и выгрибли горошинку, принесли до дому, а баба навязла до диды: посады горошинку пидь поломъ! Та горошинка выросла ажъ пидь пиль, а баба дидови и каже: пріймай, диду, пиль! Прійнявъ дидъ пиль. Горошинка росте та й росте, выросла ажъ пидь стелю, а баба опьять каже дидови: пріймай, диду, стелю! Прійнявъ дидъ стелю. Горошинка росте та й росте, ажъ пидь крышу. Баба дидови и каже: пріймай, диду, крышу! Прійнявъ дидъ крышу. Горошина росте та й росте, ажъ пидь хмару выросла. Баба й каже дидови: пріймай, диду, й хмары! Прійнявъ дидъ й хмары. Горошина росте та й росте, выросла ажъ до неба. Баба дидови и каже: лизь, диду, до Бога, а що тоби Богъ дастъ, ны давай никому, якъ итymesь назадъ! Дидъ полизь до Бога, Богъ ему й давъ золоты постолы а срибны волока. Иде дидъ назадъ, пасуть пастухы вола. «Здоровъ, диду!» — Здравствуйте, хлопци! — «Де ты, диду, бувъ?» — У Бога! — «Шо тоби Богъ давъ?» — Золоты постолы а срибны волоки! — «Проминяй намъ, диду, на вола!» Дидъ проминявъ, взявъ дидъ вола и пишовъ зъ воломъ. Иде та иде, пасуть пастухы коровы. «Здоровъ, диду!» — Здравствуйте, хлопци! — «Де ты, диду, бувъ?» — У Бога! — «Шо тоби Богъ давъ?» — Золоты постолы а срибны волоки. — «Де жъ ти постолы?» — Проминявъ на вола. — «Де жъ той виль?» — А ось! — «Проминяй намъ, диду, за корову!» — Давайте, хлопци! — Взявъ дидъ корову, пишовъ. Иде та иде, пасуть пастухы телята. «Здоровъ, диду!» — Здравствуйте, хлопци! — «Де ты, диду, бувъ?» — У Бога! — «Шо тоби Богъ давъ?» — Золоты постолы а срибны волоки! — «Де жъ ти постолы?» — Проминявъ на вола! — «Де жъ той виль?» — Проминявъ на корову! — «Де жъ та корова?» — А ось! — «Проминяй намъ, диду, на теля!» Взявъ дидъ теля, пишовъ. Иде та иде, пасуть пастухы свыни. «Здоровъ, диду!» — Здравствуйте, хлопци! — «Де ты, диду, бувъ?» — У Бога! — «Шо тоби Богъ давъ?» — Золоты постолы а срибны волоки! — «Де жъ ти постолы?» — Проминявъ на вола! — «Де жъ той виль?» — Проминявъ на корову! — «Де жъ та корова?» — Проминявъ на теля! — «Де жъ то теля?» — А ось! — «Проминяй намъ за свыню!» Взявъ дидъ свыню,

пишовъ. Иде та иде, пасуть пастухы гуси. «Здоровъ, диду!» — Здравствуйте, хлопци! — «Де ты, диду, бувъ?» — У Бога! — «Шо тобі Богъ давъ?» — Золоты постолы а срибны волоки! — «Де жъ ти постолы?» — Проминявъ на вола! — «Де жъ той виль?» — Проминявъ на корову! — «Де жъ та корова?» — Проминявъ на теля! — «Де жъ те теля?» — Проминявъ на свыню! — «Де жъ та свыня?» — А ось! — «Проминяй намъ за гуся!» Взявъ дидъ гуся, пишовъ. Иде та иде, пасуть пастухы качкы. «Здоровъ, диду!» — Здравствуйте, хлопци! — «Де ты, диду, бувъ?» — У Бога! — «Шо тобі Богъ давъ?» — Золоты постолы а срибны волоки! — «Де жъ ти постолы?» — Проминявъ на вола! — «Де жъ той виль?» — Проминявъ на корову! — «Де жъ та корова?» — Проминявъ на теля! — «Де жъ те теля?» — Проминявъ на свыню! — «Де жъ та свыня?» — Проминявъ на гуся! — «Де жъ той гусь?» — А ось! — «Проминяй намъ, диду, на качку!» Взявъ дидъ качку, пишовъ ажъ до бабы. «Здоровъ, бабо!» — Ну, шо жъ тобі, диду, Богъ давъ? — «Золоты постолы а срибны волоки!» — Де же ти постолы? — Проминявъ на вола!» — Де жъ той виль? — «Проминявъ на корову!» — Де жъ та корова? — «Проминявъ на теля!» — Де жъ те теля? — Проминявъ на свыню!» — Де жъ та свыня? — «Проминявъ на гуся!» — Де жъ той гусь? — «Проминявъ на качку!» — Де жъ та качка? — «А ось, я тобі прынисъ!» И стали вони хозяйнувать. Було у ихъ пивныкъ и курочка и третя качечка. Звалысь вони хозяинами на всю слободу. Отъ вамъ казка, а мини бублыкивъ вьязка (Записано отъ женщины изъ с. Алексѣевки). Ср. Чуб. II, 97; Драг., 360; Манжура, въ Сб. Харьк. Ист.-Фил. Общ., 88.

35. *Брехня.*

Якъ бувъ я малымъ хлопцемъ, та наннявся до пана тылята пасты. Панъ давъ мини хлиба въ торбынку. Я погнавъ тылята пасты. Пасу та й пасу, стало мини холодно, я лигъ въ борозеньку, заховався одъ витру та й заснувъ, та проснувся ажъ у нocy. Подызывся на вси стороны: нима тылятъ. Я тоди давай бигты. Бижу та й бижу, прыбигъ до села, сивъ коло кырныци та й сыдю.

Прийшла дивка по воду та й каже: «чого ты, хлопчыку, тутъ сыдышь, иды до мене до хаты!» Я пишовъ. Колы це прыходыть до неи друга дивка та й каже йи: «на шо ты ёго прийняла? тутъ будутъ музыки грать, хлопци будутъ, а винъ, паганый, буде тутъ сидить! выжны ёго! а знаишь якъ? возьмы, торбынку ёго вынысы на прызьбу та й запы двери!» Вона вынесла торбынку и заперла двери. Я тоди знявсь та й побигъ; а вже ничъ; бижу та й бижу я, бачу — стоитъ хата, прыбигаю, — а то клуня. Я ввійшовъ, налапавъ тамъ постиль и подушку, лигъ та й лежу. Колы це прыходыть жинка та й кричить: «Романе! Романе! а ты тутъ?» (а до неи ходывъ дякъ). А я кажу: «тутъ!» А вона каже мини: «на тоби цю курку и кнышь!» Я взявъ той кнышь и курку, поклавъ въ торбынку, та ходу! Бижу та й бижу, бачу: стоитъ скырта. Я зробывъ дирку и влизъ. Ззивъ курку и кнышь та й лигъ спаты. Рано проснувся та й лежу. Колы чую: хто-сь йиде. Я прытаився (а то йихавъ дякъ, той, шо ходывъ до жинкы). А винъ прыйихавъ та й смыче сино наверхъ мене. Насмыкавъ та й бере сино на повозку и мене съ синомъ выкынувъ на повозку, та й сивъ на мене. А я думаю: «колы бъ ты злизъ изъ повозкы, то я бъ надувъ тебе». Йидымъ мы та йидымъ, колы це винъ злизъ, я тоди за коняку та й утикаю одъ ёго, и ны могу одъ ёго утикты. Я тоди злизъ, одрубавъ голобли, сивъ вырхомъ, та ходу, а винъ мене и такъ доганяе. Я тоди прыйихавъ до вырбы, вылизъ на вырбу и по ній долизь до неба. Пишовъ я по неби и тамъ мене не прыймають. Бачу: одынъ чоловикъ одвъязувае волю. А я думаю: «колы бъ ты ны забравъ налыгачывъ, то я спустывся бъ на землю!» А винъ и налыгачы забравъ. Я тоди давай изъ грычаной половы сукать канатъ. Ссукавъ канатъ, спустывся на землю, иду та иду. Найшовъ другого хлопця такого, якъ я. «Здрастуй, братъ!» — Здоровъ! — «Куда ты идешь?» — А такъ, шобъ де шо-ныбудъ украсты та ззисты! — «И я такый, ходимъ у двоухъ!» — Ходимъ! — «Ну, знаишь, шо?» — Шо? — «Ходимъ до мого дядька, тамъ есть така комора, то я тебе пидниму, а ты влизышь!» А я кажу: «ходимъ!» Пишлы, прышлы до коморы, винъ пидынявъ, я влизъ,

а винъ мини каже: «тамъ есть глечыкъ молока и меду»! Я подавъ ему медъ и молоко, колы це ёго дядько вбѣраиця въ поле и говорыть своѣй матыри, шобъ вона учыныла хлибъ и спыкла, поке винъ прыйиде изъ поля. А винъ злякавсь, пустывъ дручокъ, а я остався тамъ, та й думаю: «колы бѣ ты прыйшла за борошномъ, я тоби стрыгну штуку»! — та й заховався. Колы це вона прыходыть за борошномъ, а я тоди вылизъ та й упхнувъ йи въ солomlaныкъ, а самъ утикъ, та й заховався въ тылятныкъ; а ше ничъ. Пидыйшло до мене одно теля, а я бахъ его по лоби, та й убывъ; прыйшло друге теля — я й того убывъ; прыйшло трете — и трете убывъ. А тоди каюсь, шо такой шкоды наробывъ, та давай тикать. Прыбигъ до одной жинкы въ хату, а вона родыть дытыну та й посылае мене за бабою. Я пишовъ, а баба каже: «якъ пырынысешъ мене чырызъ кладку, то пиду»! А я кажу: «пырынысу»! Отъ идемъ, идемъ мы, прыйшлы до кладкы, я взявъ йи и нысу. Донисъ до середины та й кынувъ въ воду. Прышовъ до жинкы та й кажу йи: «ны хоче баба йты»! А жинка каже: «ну, на тоби качалку та стырыжы дытину, шобъ китъ ны пырыступывъ»! Я взявъ качалку, а вона пишла. Колы це тутъ китъ стрыбъ чырызъ дытыну, а я хотивъ ударить кота, та качалкою по дытыни, та й убывъ йи. А тоди давай тикать. Съ тыхъ поръ вже я живу дома (с. Калниболотъ. Зап. Мамалать).

36. Прибаутка.

Якъ бувъ соби та ны мавъ соби, изробивъ соби нетесаного тесака, та й пойхавъ нетесанымъ тесакомъ у поле ораты, та выоравъ нывку, та посіавъ конопель, та й выросла верба. Полизъ я трусуть грушъ, та натрусывъ симъ мишкивъ гричаной вовны, та намеловъ тютюну. Нюхайте, господа, я ище привезу. Рознюхалысь, розчхалыся, ажъ у трактыръ попалыся, началы водку пыты и началы людей биты. Усякин нашнн господа водки напилыся, тютюну нанюхалыся, зъ людymi подралыся и въ тюрму попалыся (Записано въ Елисаветградѣ). Ср. Манжура, въ Сб. Харьк. Общ. II, 126; Драг. 372.

37. Про глухого.

«Здрастуй, кумъ!» — Купывъ кобылу! — «А що давъ?» — Зъ лошамъ. — «Нехай вона тобі здохне!» — Дякую за добре слово! (Тишковка. Запис. Мурашкинъ).

38. Разказы о жидакъ.

1. *Жыдъ у млыни.* Разъ йихавъ одинъ мужыкъ въ друге село въ млынъ, а дорогою ему треба було перыижжати черезъ лисъ. Якъ винъ йихавъ селомъ, то дорогою наципывся жыдъ, шобъ ёго пидвезты у те село. Якъ винъ ны одмагався, а жыдъ таки кландавъ его, шобъ взявъ съ собою; ничего було робыть, треба було взять жыда. Дорогою мужыкъ дума соби: шо-бъ я тобі зробывъ, шобъ ты ны циплявся бильше? А вже смеркало; якъ вони пидъижжалы до лиса, то сонце вже зайшло. Далекое было видно корчи, шо торикъ корчувалы мужыкы лисъ; винъ ёму й каже: «а дывысь, онъ розбойныкы на дорози сыдять!» — Ахъ, ссо я буду робыть! — каже жыдъ. Мужыкъ каже: «Онъ тамъ есть у мене порожній мишокъ, шо я маю купыть силь въ ёго — я тебе заховаю туды и скажу имъ, шо я везу зерно въ млынъ». Заховавъ мужыкъ жыда въ мишокъ и поганяе: нно! Якъ тикы винъ пидъихавъ до первого корча, и каже: «здрастуйте, хлопци!» и самъ отвича другимъ голосомъ: «здорово!» — А куды ты йидешъ? — «А въ цю деревню, въ млынъ!» — Шо це въ тебе въ мишку? — «Пшыныця!» — Скильки пудывъ? — «Тры». — Ой, ты брешышь, тутъ буде бильше! — Тоди мужыкъ повернувъ пужално та й давай считать по жидови: «разъ, два, тры, чытыри» . . . «Шо жъ ты брешышь, якъ тутъ чытыри?» — Ба йий Богу, тры! — Якъ же тры, якъ чытыри!» И опять бере пужално и давай по жидови считать: «разъ, два, тры, чытыри» . . . А бачышь, бо чытыри!» — Не знаю, я висывъ въ топчаку, та було тикы тры пуды! — Тото-жъ, йидь, та бильше не брешы!» Якъ вони одъихалы, то жыдъ и пытае ёго: «а далеко вони?» Винъ каже: «далеко!» А вже було близько й село. Пидъихалы вони до села, мужыкъ ставъ, розвязавъ мишокъ; жыдъ и каже ёму: «ахъ, ссо бъ тебе цортъ взявъ! нассо ты казавъ

тры, нехай бы було цтыри, нехай бы мене тики разъ побылы!»! Тоди пишовъ соби до дому и бильше вже ны йиздывъ зъ мужыками тыми, шо везлы зерно у млынъ (Записано отъ крест. мальч. изъ Панчева).

2. *Мужики и жыды.* Два жыда обманювалы мужыкивъ, и ти захотилы имъ отплатыть. Разъ жыды хотилы въ городъ йихать и найняли тихъ мужыкивъ, и ти мужыкы стоворылысь йихать узькою улыцею, де неззя було пройхать двомъ возамъ. Одынъ пойхавъ на одынъ конець, а другый — на другый. Одынъ йиде и крычыть: «постой, я упередъ пройду!» — а той, якъ будто ны чуе, та й пре. Якъ зыхалысь воны, а одынъ крычыть: «чого ты не подождавъ, покы я пройду, я за це тоби дамъ!» — излизъ изъ повозкы, пидыйшовъ до ёго и хотивъ ёго вдарыть, а вмисто ёго ударывъ жыда; той закрычавъ: «за шо ты мого жыда бьешъ? я буду и твого быть!» — злизъ и начавъ чыстыть ёго жыда. Жыды соскочылы съ повозокъ и уतिकлы (Записано со словъ крест. мальч. изъ Плетенаго Ташлыка).

3. *Скупый жыдъ.* Живъ соби въ деревни жыдъ, винъ державъ корчму и скильки разъ винъ мужыкивъ ни на-нимавъ, шобъ йихать у городъ за водкой, та все об-щався имъ купыть осьмушку, — прыйиде до трахтыря: «нехай я тоби тамъ куплю, бо у мене нема милкихъ грошей, не хочеця минять»; прыйдуть у городъ, а винъ каже, шо дома дамъ. Отъ россердывся на ёго сосидъ, той, шо часто возывъ его въ городъ. Разъ жыдъ прыходе до ёго на тикъ, а винъ молотывъ. «Иване, пойдешъ заразъ у городъ»? — Нехай вечеркомъ, бо хлопыць погнавъ кони пасты въ степь! — А кони такы были дома, тикы винъ хотивъ жыда налякать добре, шобъ знавъ, якъ мужыкивъ обманувать. Вечеромъ прыходе до ёго жыдъ, винъ запригъ кони, одився. Жыдъ каже: «пидыдемъ до подвала, тамъ визьмемъ бочонокъ!» Выйихалы зъ села, а дорогсю бувъ трахтырь; винъ и каже тому жыду: «купышь мини тутъ кальмушку!» — Куплю — каже жыдъ. Пидыхалы воны до трахтырю; сонце вже опочыло; жыдъ злизъ, пишовъ въ трахтырь, мужыкъ роспригъ конячку, давъ йи трошкы пойисты, и самъ взявъ мишокъ и пишовъ у трахтырь

повечерять. Пидкликае жыда и пыта: «ну, шо-жь, дасы, чы ни»? — Нехай тамъ, бо у мене нема милкихъ гросый, я тамъ тоби вдвое куплю! — Мужыкъ перекусывъ, — каже жыду: «собирайся, будемъ йихать, пизно, а намъ треба черезъ лисъ йихать», — выйшовъ самъ и жыдъ выйшовъ, запригъ коняку, силы воны и пойихалы. Версты тры одъихалы одъ трахтырю, мужыкъ и каже жыду: «шо мы будемъ робыть? онъ—вовкы на дорези, ззидять»! — А де зъ я динусъ? — каже жыдъ. Мужыкъ каже: «нехай вже мене зъидять и коняку, а я тебе заховаю у цей мишокъ, завяжу и кыну въ цей яръ, шо дойдемъ». Жыдъ согласывся. Тоди мужыкъ кае на коняку: «тиру»! Коняка стала, злизъ мужыкъ и жыдъ. Жыдъ сивъ на землю, а мужыкъ ему лантухъ на голову, винъ тоди пиднявся, той тоди взявъ, завъязавъ мишокъ и положивъ ёго на повозку и пойихалы дальши. Дорогою, якъ воны йихалы, мужыкъ жарыть пужалномъ по оглобляхъ, а самъ коняку прыдержуе за вижки и каже жыду: «и коняка боицца йты»! Въихалы воны въ яръ, мужыкъ взявъ лантухъ зъ жыдомъ та якъ шлёпне ёго въ яръ, чуть не убывъ бидного, а самъ и пойихавъ дальши. Выйихавъ на гору, покынувъ коняку, а самъ иде у яръ къ жыду. Якъ пидыйшовъ близько жыда, начавъ кланцяты зубамы и давай ему щытать ребра ногамы и пужалномъ. Бидный жыдъ мовчыть — и не пыскне. Натрипавъ ему добре бокры, покынувъ ёго, а самъ пишовъ до конякы; тоди сивъ на повозку, повернувъ назадъ и пойихавъ до жыда въ яръ; розвъязавъ жыда и каже ёму: «коняку чуть не порвалы, а я злякавсь, лигъ на повозци, такъ воны и не бачылы мене»! — А до мене якъ прыйслы, зубамы кланцалы, наце тры дни ны йилы, и давай мене роспынать; я думавъ, со мене по кусоцкамъ рстаскають! ухъ, якъ я злякавсь! ходимъ скорийсце! — Тоди воны пойихалы въ городъ, зайихалы до трахтырю, мужыкъ и каже ёму: «купы мини»! — Охъ, куплю я теперь цилу кварту, бо й самъ буду пыть, такъ мене ростурбусувалы, со въ мене и доси болыть все тило! — Купывъ жыдъ бочонокъ водкы и зибралыся воны йихать до дому. На дорози мужыкъ и каже жыду: «А шо, будешъ обманувать? Це-жь я тебе волошматывъ, якъ ты въ яру

лежавъ!»! — Ахъ, собъ тебе цортъ взявъ! якъ бы я знавъ, со це буде, то я бь тоби тамъ въ трахтыри купывъ тры цверткы! — И бильше вже жыдъ ны йиздывъ вечеромъ за водкой и хотъ мужыкъ и не напоминавъ, шобъ купыть ёму, винъ самъ куповавъ ему водку (Записано отъ крест. мальчика изъ Панчева).

39. Про цыганъ.

1. У мужыка два цыгана украли вола, поризалы и пойлы зъ дитьмы. Мужыкъ пишовъ у росправу позывать ихъ. Староста пославъ за цыганамы; пишовъ и той чоловікъ. Цыганъ одынъ бувъ хытрыйшый, а другой дурноватый. Розумный учыть дурного: «ты лизь на горище, а я буду у хати». Прышовъ мужыкъ и бере ёго у росправу; цыганъ каже, шо винъ ны выновать, ныхай, каже, ему Той заплаыть, шо наверху, а той, шо на горищи, думавъ, шо винъ говорыть на ёго, и крычыть: «брешышь, бо и ты заплотышь, бо и ты, и твои диты йлы!»! Тоди обои получылы по дваццать пять горячыхъ и заплаылы за вола (Плетеный Ташлыкъ. Запис. Н. Сербуль).

2. Одынъ чоловікъ пытае: «хто може зысты макитру вареныкывъ»? Цыганъ ажъ пидскочывъ, каже: «я»! Той чоловікъ опяты пытае: «а хто дви копы пшыныци змолотыть»? Цыганъ каже: «говорить, господа, ще й вы за себе, а я за себе выговорывсь, уже жь дви шкуры зъ одного вола не дыруть»!. (Тамъ же, запис. тьмъ же лицомъ)

40. Про молдованъ.

1. *Видкиль узявся молдованъ.* Гнавъ Богъ корову, дорогою вона выкынула кизякъ, а Богъ и пидкынувъ его ногою, шобъ винъ ны лыжавъ на дорози; тикы шо винъ пидкынувъ его, а звиттыль выскочывъ молдованъ, та й каже Богови: «Ши фаши, а де 'наши»? (Запис. Колодченко-Суббота).

2. *Жена-молдованка.* Одынъ парубокъ ожынывся на молдованци, а вона трохы була дурна. Разъ пойхавъ винъ орать, а йи сказавъ, шобъ наварыла йсты та пры-

несла ему въ поле. Вона зварыла йисты, завъязала въ платочокъ горшки зъ обидомъ, взяла макогинъ та давай ихъ чыстыть, побыла геть чысто горшки, а воны все ны йдутъ. Вона тоди полизла на пичъ та й лягла спать, а чоловикъ йи цилый день бувъ голодный. Прыйхавъ винъ увечери та каже: «чого ты не прынесла йисты»? А вона каже: «я горшкивъ была, та воны ны хотилы йты!» Винъ тоди начавъ йи быть, тоди каже: «ну, гляды жъ, завтра прынесы сама, а то буду лупыты ще!» Вона каже: «добре!» На другой день пойхавъ винъ орать, та взявъ уже й кусокъ хлиба. Тоди вона опять бье горшки и посила ихъ у поле; побыла горшки и пишла сама въ поле безъ обиды. Прыйшла вона до ёго, а винъ пыта йи: «а де-жъ обидь»? Вона каже: «шо жъ я буду робыть, якъ не хочуть йты»? Винъ тоди йи каже: «я цилый день не робывъ, бо голодный бувъ, ны мигъ и ходыть и воливъ не пасъ, булы привъязаны; пускай воны пастысь, а сама запрягайсь та оры». Вона тоди пустыла воны, запряглась, хотила потягнуть плугъ, а винъ каже: «а що? бачь! охляла? иды теперь ты пастысь, а воны запрягай, бо воны вже найлысь!» Вона тоди запрягла воны, пишла пастысь. Йистъ траву, йистъ, та вже не може йисты. Винъ тоди каже: «гайда до дому!» Пойихалы воны до дому увечери, вона побигла до своей матери та рассказала йи, що винъ йи муче, запряга въ плугъ, заставля траву йисты. Маты тоди каже своему чоловику: «бижы, та хоть вылай его!» Той на другой день уранци пишовъ, та не заставъ его дома (той пойхавъ у поле), дывыцца винъ, а ёго дочка бье горшки зъ борщомъ и кашою. Винъ каже: «на що ты бьешь»? Вона каже: «бо не хотятъ итты въ поле до чоловика». Винъ тоди каже: «ахъ ты дурна!» та якъ ризнувъ йи разивъ два въ ухо, вона такъ тамъ и упала. Тоди прыижжа ввечери чоловикъ, уходыть у хату та й каже: «драстуй, батько! Чого це ты прыйшовъ»? А той каже: «твою жинку учыты». А винъ каже: «спасыби вамъ, тату, шо учыте!» Батько тоди пишовъ до дому, а жинка ёго пытае: «а шо, вылаявъ»? А винъ каже: «не заставъ дома». На другой день чоловикъ пойхавъ изновъ въ поле, а жинка прыносыть обидать. Винъ тоди ставъ

радый, шо вона прынесла обидать, поїхавъ до дому, поклыкавъ батька та начавъ ёго благодарыть, купывъ ему водкы и справывъ червону чемерку. Батько тоди иде до дому, а жинка якъ побачыла, думала, шо винъ весь въ крови, та лае свого зятя, каже: «отъ, сучый сынъ, побывъ и батька, якъ дочку, мабудь, це й мене побье»! — выбигла до чоловіка навстричу, та якъ побачыла, шо то чемерка червона, та ажъ злякалась. Тоди вони пишли зновъ до зятя, а зять и матери купывъ червоный платокъ. Та тоди той чоловікъ зъ жинкою начавъ жыть, такъ, якъ треба (Записано отъ крест. мальчика изъ Петро-острова).

3. Повстрѣчался молдованинъ съ мужикомъ. Молдованинъ ѣхаль въ городъ, а мужикъ изъ города. «Буна время»! — привѣтствуетъ молдованинъ мужика. Мужикъ, не понявъ его, отвѣчаетъ: «у ярманку бувъ»! «Буно ди миняца»! говоритъ молдованинъ. Опять не понявъ, мужикъ отвѣчаетъ: «будьмо миняця», полагая, что тотъ хочетъ съ нимъ мѣняться лошадьми. «Да унди офость»? спрашиваетъ молдованинъ. Мужикъ отвѣчаетъ: «ничого, шо куцый хвостъ, а гляды, якъ въ упряжи иде»! — и разъѣхались (Плетеный Ташлыкъ. Запис. И. Болѣлый).

4. Жилы соби тры молдованы и не вмилы балакать по нашому. Пишли вони въ поле. Бачуть: тры мужыка оруть. Ти молдуваны стали коло нихъ и слушають, шо вони кажутъ. Ось, почувы вони, шо одынъ мужыкъ сказавъ: «мы»; потимъ чуютъ, — другой каже: «за мирку гороху»; дали почувы: «такъ намъ и треба». Отъ пишли вони шляхомъ и кажутъ соби: «уже мы уміемъ говорыть порусьскы»! Бачуть вони: лыжыть убытый чоловікъ; вони стали коло него, дывляця. Колы тутъ йдутъ мужыкы, пытають ихъ: кто це убывъ чоловіка»? Молдованы кажутъ: «Мы» — За шо? — «За мирку гороху»! Повелы ихъ у росправу, а вони кажутъ: «такъ намъ и треба» (Новоархангельскъ. Запис. В. Колодченко-Суббота).

41. Про литвиновъ.

Одному литвынови чоловікъ давъ грудочку соли. Винъ наварызь соби борщу и поклыкавъ литвынивъ багато.

Воны якъ попробовалы того борщу, а винъ такой добрый! Воны тоди пишы до того чоловіка, купылы у ёго соли, выоралы коло лиса поле и посіялы сіль. Це було въ осени. Отъ, якъ прыйшла зима, снижокъ прытрусывъ землю, а медвидъ выйшовъ изъ лису и походывъ по тому полю, де була посіяна сіль. Отъ лытвыны на другой день прыйшы, дывляця: сльдъ, та й кажуть: «сіль зійшла, та въ лисъ пишла, ходимъ, будемъ шукать!» Ну, воны и пишы по тому слиду. Отъ, дойшы воны по слиду ажъ до берлогы. Одынъ полизъ у берлогу, а медвидъ ему и откусывъ голову. Ци, шо тутъ булы, крычять: «вылазь! вылазь!» — а винъ все не вылазять. Воны взяли и вытягли его за ногу, дывляця: винъ безъ головы. Воны тоди кажуть: «чы винъ бувъ зъ головою, чы безъ головы?» Нихто не знавъ. Тоди послалы до ёго жинкы спытать: чы винъ бувъ зъ головою, чы безъ головы? Отъ двое пишы. Прыйшы воны й пытають жинку: «чы твій чоловікъ бувъ зъ головою, чы безъ головы?» Вона каже: «ны знаю!» а тоди трохы подумала, та й каже имъ: «ни, бувъ зъ головою, бо якъ борщъ йидавъ, то й головою мотавъ!» Ажъ тоди воны узналы, шо винъ бувъ зъ головою (Записано отъ крест. мальчика изъ Петроострова).

42. *Топографическія названія съ мѣстными объясненіями ихъ.*

Акацатовки (Корабельное, Воеводское) получила имя отъ козака Кацата, здѣшняго первопоселенца, жившаго здѣсь хуторомъ вмѣстѣ съ женою и работникомъ и выкопавшаго колодезь близъ берега р. Корабельной; мѣстоположеніе его усадьбы указываютъ на горѣ, гдѣ и теперь еще находятъ черепки глиняной посуды. Тогда проходила здѣсь граница съ татарами. Разъ на хуторъ Кацата произвели набѣгъ татары, при чемъ убили жену его, а работника повѣсили; самъ Кацатъ бѣжалъ въ Елисаветъ (крѣпость св. Елисаветы), откуда отправился въ Полтаву, гдѣ у него были родственники; тамъ собралъ человекъ 100 крестьянъ, купилъ въ Кіевѣ оружія и возвратился на старое пепелище, гдѣ засталъ небольшой татарскій отрядъ, разбилъ

его и погнался за нимъ; тамъ, гдѣ нынче стоитъ с. Семеновка, жилъ тогда козакъ Семень съ людьми; всѣ они соединились вмѣстѣ и потопили татаръ въ Бугѣ. Кацать съ своими людьми, которыхъ уцѣлѣло всего человекъ десять, возвратился на свой хуторъ, раскопалъ засыпанный татарами колодезь, выкопалъ зарытое въ землю золото и снова закопалъ его по курганамъ. Потомъ онъ послалъ человекъ пять въ Кіевщину и въ Полтавщину и тѣ привели оттуда поселенцевъ (Сообщ. Даленко, со словъ столѣтняго дѣда).

Алексѣвка (на р. Сугаклеѣ). Прежде называлась Сугаклеей, настоящее названіе получила отъ перваго помѣщика Алексѣева, купившаго землю у Степана Евгеньевича Желѣзняка. По преданію, здѣсь жило раньше семь запорожскихъ семействъ, въ томъ числѣ и семейство знаменитаго Максима Желѣзняка.

Аникѣвка. По преданію, здѣсь раньше былъ хуторъ запорожца Калныша, прибрѣтенный потомъ таможеннымъ чиновникомъ Аникѣвымъ; онъ и его наслѣдники населили его крѣпостными изъ Курской губ.

Арсенѣвка (Майорское) названа по имени прежняго владѣльца — Арсенія Ѳеодор. Чорбо.

Березнякова балка названа по имени запорожца Березняка, жившаго здѣсь зимовникомъ.

Бессарабія — самый дальній кутокъ с. Петроострова, названъ такъ по отдаленности своего положенія.

Бобринецъ гор. называется по имени запорожца Бобринна, первоначально жившаго здѣсь.

Богодушная рѣка: во времена гайдамачины всякій, кто появлялся здѣсь, рисковалъ Богу душу отдать.

Большой Байракъ (балка); по преданію, здѣсь прежде былъ байракъ (лѣсокъ).

Боросанова балка: пастухъ Боросанъ въ этомъ мѣстѣ имѣлъ овечье тырло.

Бѣдняжка (балка): здѣсь жилъ гайдамакъ Бѣднякъ.

Вербова балка: здѣсь жилъ запорожецъ Вербовый; въ ближайшемъ селѣ Алексѣевкѣ есть и теперь еще крестьянинъ съ такой фамиліей.

Волощина — кутокъ (часть, «конецъ») Петроострова, населенъ преимущественно волохами.

Врадѣвка с. (ананьевск. у.): лѣтъ больше ста тому назадъ молдованинъ Кирилль Владій получилъ здѣсь землю и поселилъ село; потомъ онъ отдалъ ее въ казну и получилъ грамоту на урочище Бурлацкія Криницы — впоследствии Малую Владѣвку.

Гарганова (балка) называется по имени запорожца Гаргана, сидѣвшаго здѣсь зимовникомъ.

Глынянка — часть м. Глоссъ по лѣвую сторону Сухого Ташлыка: здѣсь въ яру — бѣлая глина.

Голодрабовка с. — искаженіе настоящаго названія — Отрадовка: жители отличаются бѣдностью.

Греково с. (Новгородка): первопоселенецъ былъ грекъ.

Грузкая (балка): въ прежнее время — кто ѣхалъ здѣсь — загрузалъ.

Данилова могила: чабанъ Данило устроилъ для себя въ ней курень.

Дикусарова могила: какой-то Дикусаръ жилъ на ней куренемъ, стерегъ баштанъ.

Друкова балка: здѣсь вытаскивали дрючками (жердями) тѣхъ, кто загрузалъ.

Желѣзняка могила (бл. с. Алексѣевки): по преданію, здѣсь жилъ отецъ Максима Желѣзняка.

Жидовка балка: по преданію, здѣсь бурлакъ убилъ жидовку, которая везла съ собой сорокъ тысячъ.

Завадовка дер. названа такъ по имени запорожца Завада, поселившагося здѣсь раньше основанія крѣпости св. Елисаветы.

Заводъ — кутокъ Петроострова: во время военнаго поселенія здѣсь былъ конскій заводъ

Запорожскій городокъ (по дорогѣ изъ д. Ивановки [Селевина] въ Канижъ): говорятъ, здѣсь жили запорожцы.

Запорожскій кутокъ въ с. Алексѣевкѣ (что на Сугаклѣ): по преданію, заселенъ запорожцами, потомъ обращенными въ крѣпостныхъ.

Звонкиивъ бродъ на р. Висуня: когда-то татары ограбили церковь, но ихъ настигли здѣсь козаки; тогда они,

сложивъ все награбленное добро въ колоколь. потопили въ рѣкѣ, на мѣстѣ переправы, и скрылись.

Зелено — кутокъ с. Елисаветградки: много садовъ.

Злодѣйка могила (по дорогѣ изъ Елисаветграда въ Вознесенскъ): жившіе здѣсь бурлаки клали на дорогѣ шкуру, на которую проѣзжіе обязаны были класть, что могли; въ противномъ случаѣ ихъ нагоняли и грабили.

Ивасюка могила (по доорогѣ изъ д. Павловки въ с. Веселовку): говорятъ, недалеко отсюда въ старые годы жилъ въ землянкѣ запорожецъ Ивасюкъ; саженьяхъ въ пяти отъ кургана къ в. находится канава, въ которой, по слухамъ, зарыта большая мѣдная цѣпь.

Кодряковъ яръ (по дорогѣ изъ Панчева въ Новомиргородъ): названъ по имени запорожца Кондрата, скрывавшагося здѣсь.

Кодыма балка (въ с. Солономъ) названа по имени гайдамаки Кодымко, имѣвшаго здѣсь притонъ.

Козакова могила (къ с.-з. отъ Глодоссъ): по преданію, здѣсь жила шайка козаковъ; говорятъ, въ этой могилѣ зарыты церковныя вещи, посуда, бочки съ водкой и пр.

Копанки — балка и хутора: здѣсь много копанокъ.

Корнѣевка с. названо по имени какого-то Корнѣя; первопоселенцы чувствовали здѣсь недостатокъ въ водѣ и сколько ни копали колодезь — все неудачно; тогда колдунъ посоветовалъ каждому хозяину выкопать свой колодезь и назвать его своимъ именемъ; до сихъ поръ осталось тамъ два колодца, которые называются Ома и Герасимъ.

Коротякъ балка: названа по имени запорожца Короткого, жившаго въ ней.

Коротенкова балка — по имени его сына.

Костовата р.: во времена гайдамачины здѣсь можно было сложить кости.

Кривой Рогъ м. расположено въ видѣ криваго рога между Ингульцомъ и Саксаганью; населено частію крѣпостными, частію запорожцами.

Крымска балка: въ ней зимовали чумаки по пути въ Крымъ.

Бурячій степъ (бл. Красной Каменки Алекс. у.): когда-то здѣсь водились степныя куры (стрепета).

Буцовка: козакъ Буцый первый поселился здѣсь хуторомъ.

Бипзачка (часть м. Глодоссъ): здѣсь вода въ рѣкѣ кипитъ, какъ въ котлѣ.

Левкина могила: въ ней похороненъ повѣсившійся крестьянинъ Левко.

Лелековка д. — по имени жившаго здѣсь гайдамаки.

Лозоватка д.: на балкѣ того же имени жилъ козакъ Лозяный; выше по балкѣ находилась его пасѣка.

Лягова могила (бл. Солонago): по преданію, въ ней похороненъ запорожець Ляговой.

Макариха с. (алекс. у.) основано запорожцемъ Макаромъ Маслянымъ, жившимъ здѣсь съ товарищами; есть также названная по его имени *Масляна* крыныця.

Макаровка д. (Алекса́ндро-Николаевка) въ 18 в. отъ Кривого Рога: основана лѣтъ 100 назадъ куцомъ Макаровымъ, который привезъ сюда 12 великороссійскихъ семействъ изъ сѣверныхъ губерній и 10 малороссійскихъ — изъ кіевской губ.; кромѣ того, онъ принималъ къ себѣ разорившихся чумаковъ и переселенцевъ — болгаръ; поселенцы, которые приписывались къ Макарову, получали не менѣе четырехъ десятинъ земли, пару воловъ, хату, домашнюю утварь и на первый годъ освобождались отъ оброка.

Мамаева балка: давно когда-то въ этой балкѣ жилъ богатый человекъ по прозвищу Мамай; съ наступленіемъ панщины онъ бѣжалъ, на р. Бугѣ былъ пойманъ и въ цѣпяхъ приведенъ обратно, но бѣжалъ снова и потомъ выкралъ жену и дѣтей, послѣ чего пропалъ безъ вѣсти.

Мамайка с. называется по имени гайдамаки Мамаея.

Маякъ (курганъ бл. с. Солонago) служилъ запорожцамъ сторожевымъ пунктомъ.

Мертвоводъ р. — за тихое теченіе.

Мертвый ланъ: въ рабочую пору умеръ ребенокъ у рабочаго на этомъ лану.

Михайловка с. (Алекс. у.) прежде, до военныхъ поселеній, здѣсь жилъ хуторомъ бугскій козакъ Михаилъ Дыма.

Монастырище — каменный высокій столбъ среди Ингула, бл. с. Березовки.

Морквина д. по имени запорожца Морквы, жившаго здѣсь зимовникомъ, вмѣстѣ съ работниками; по преданію, задушенъ полозомъ, оставленный безъ помощи недовольными имъ работниками.

Москаленкова балка (бл. Алексѣвки) называется по имени запорожца, жившаго здѣсь зимовникомъ; на памяти старожиловъ здѣсь росла еще Москаленкова груша и былъ колодезь, въ настоящее время засыпанный.

Наглядовка д. лежитъ на горѣ и отсюда далеко видно во всѣ стороны; по преданію, тамъ былъ постъ запорожцевъ.

Новый Бугъ м.: здѣсь стоялъ Бугскій уланскій полкъ.

Палиева скаля (противъ Сѣдневки) называется по имени козака Семена Палия; на скалѣ и теперь еще замѣчается копоть — слѣдъ когда-то бывшей здѣсь кабицы.

Перегоновка (кутокъ Петроострова) заселена крѣпостными, переселенными изъ другихъ губерній.

Песчанское с. На памяти одного 120-лѣтняго старика здѣсь було пусто, водились дикія лошади и козы; однажды чумакъ Песчанскій, застигнутый въ степи зимою, выкопалъ здѣсь землянку и перезимовалъ, а весною вывезъ сюда и семью и основался здѣсь на постоянное жительство; заселено бродягами, которыхъ принималъ къ себѣ Песчанскій.

Петроостровъ: съ двухъ сторонъ окруженъ рѣкою, съ остальныхъ — возвышенностями, такъ что представляеть нѣкоторое подобіе острова; когда-то здѣсь былъ помѣщикомъ нѣкій Петровъ.

Плоскій Камень — названіе балки бл. с. Алексѣвки: всѣ скалы здѣсь имѣють плоскую форму.

Полтавка (Анан. у.) населена крестьянами, выведенными изъ Полтавской губ.

Пятецка балка (по дорогѣ изъ Обозновки въ Елисаветградъ): однажды въ ней зарѣзали проезжаго крестьянина за 5 копѣекъ и за индюка.

Коржева могила (бл. Большой Виски), теперь больше извѣстна подъ именемъ Раскопана Гражданова могила: въ давнее время этимъ мѣстомъ владѣлъ запорожскій ку-

ренный атаманъ Коржъ; въ послѣдствіи какой-то Гражданъ построилъ здѣсь трактиръ.

Пятихатки прозваны такъ чумаками, проходившими здѣсь въ Николаевъ; тогда здѣсь была только корчма и нѣсколько хатъ.

Родына балка (бл. Березовки): здѣсь жилъ разбойникъ Родька.

Романково село, балка *Романкова* и пещера *Романкова* (Анан. у.): по преданію, въ пещерѣ жилъ гайдамака Романко.

Рота (кутокъ Петроострова): во времена военныхъ поселеній здѣсь квартировала пѣхотная рота.

Руській кутокъ (с. Березовки): населенъ великоруссами.

Селце — возвышенная площадь на правой сторонѣ Чернаго Ташлыка, противъ с. Любомирки, съ явственными слѣдами бывшаго здѣсь поселенія; по преданію, здѣшнее населеніе бѣжало за Днѣстръ при наступленіи панщины.

Сидорова балка (бл. Сѣдневки) — по имени запорожца, жившаго здѣсь зимовникомъ.

Сидоровка (Гардоватка) с. на Ингульцѣ, названо по имени запорожца, полковника Сидора Бѣлаго, жившаго здѣсь.

Скаковая могила (Тирасп. у., по Балтской дорогѣ): помѣщикъ с. Малаешты устраивалъ вокругъ кургана конскія скачки.

Спички (лѣсъ): чумаки останавливались здѣсь на отдыхъ, варили галушки, а въ лѣсу этомъ ломали спички для галушекъ.

Супрунова могила (къ в. отъ д. Камышеватой): по преданію, въ ней похороненъ чумакъ Супрунь.

Сѣднеска м.: родоначальникъ Сѣдневыхъ, запорожець жилъ здѣсь сиднемъ, т. е. осѣдло и занимался хозяйствомъ.

Тышковка с. получило названіе по имени какого-то Тышко, первоначально поселившагося здѣсь съ своей родней.

Томковская балка (впадъ въ Ингуль) называется по имени запорожца Томкова, жившаго здѣсь зимовникомъ.

Монастырище — каменный высокій столбъ среди Ингула, бл. с. Березовки.

Морквина д. по имени запорожца Морквы, жившаго здѣсь зимовникомъ, вмѣстѣ съ работниками; по преданію, задушенъ полозомъ, оставленный безъ помощи недовольными имъ работниками.

Москаленкова балка (бл. Алексѣевки) называется по имени запорожца, жившаго здѣсь зимовникомъ; на памяти старожиловъ здѣсь росла еще Москаленкова груша и былъ колодезь, въ настоящее время засыпанный.

Наглядовка д. лежитъ на горѣ и отсюда далеко видно во всѣ стороны; по преданію, тамъ былъ постъ запорожцевъ.

Новый Бугъ м.: здѣсь стоялъ Бугскій уланскій полкъ.

Палієви скеля (противъ Сѣдневки) называется по имени козака Семена Палія; на скалѣ и теперь еще замѣчается копотъ — слѣдъ когда-то бывшей здѣсь кабицы.

Переогоновка (кутокъ Петроострова) заселена крѣпостными, переселенными изъ другихъ губерній.

Песчанское с. На памяти одного 120-лѣтняго старика здѣсь было пусто, водились дикія лошади и козы; однажды чумакъ Песчанскій, застигнутый въ степи зимою, выкопалъ здѣсь землянку и перезимовалъ, а весною вывезъ сюда и семью и основался здѣсь на постоянное жительство; заселено бродягами, которыхъ принималъ къ себѣ Песчанскій.

Петроостровъ: съ двухъ сторонъ окруженъ рѣкою, съ остальныхъ — возвышенностями, такъ что представляетъ нѣкоторое подобіе острова; когда-то здѣсь былъ помѣщикомъ нѣкій Петровъ.

Плоскій Камень — названіе балки бл. с. Алексѣевки: всѣ скалы здѣсь имѣютъ плоскую форму.

Полтавка (Анан. у.) населена крестьянами, выведенными изъ Полтавской губ.

Пятецка балка (по дорогѣ изъ Обозновки въ Елисаветградъ): однажды въ ней зарѣзали проѣзжаго крестьянина за 5 копѣекъ и за индюка.

Коржева могила (бл. Большой Виски), теперь больше известна подъ именемъ Раскопана Гражданова могила: въ давнее время этимъ мѣстомъ владѣлъ запорожскій ку-

ренный атаманъ Коржъ; впоследствии какой-то Гражданъ построилъ здѣсь трактиръ.

Пятихатки прозваны такъ чумаками, проходившими здѣсь въ Николаевъ; тогда здѣсь была только корчма и нѣсколько хатъ.

Родына балка (бл. Березовки): здѣсь жилъ разбойникъ Родька.

Романково село, балка *Романкова* и пещера *Романкова* (Анан. у.): по преданію, въ пещерѣ жилъ гайдамака Романко.

Рота (кутокъ Петроострова): во времена военныхъ поселеній здѣсь квартировала пѣхотная рота.

Руській кутокъ (с. Березовки): населенъ великоруссами.

Селище — возвышенная площадь на правой сторонѣ Чернаго Ташлыка, противъ с. Любомирки, съ явственными слѣдами бывшаго здѣсь поселенія; по преданію, здѣшнее населеніе бѣжало за Днѣстръ при наступленіи панцины.

Сидорова балка (бл. Сѣдневки) — по имени запорожца, жившаго здѣсь зимовникомъ.

Сидоровка (Гардоватка) с. на Ингульцѣ, названо по имени запорожца, полковника Сидора Бѣлаго, жившаго здѣсь.

Скаковая могила (Тирасп. у., по Балтской дорогѣ): помѣщикъ с. Малаешты устраивалъ вокругъ кургана конскія скачки.

Спички (лѣсъ): чумаки останавливались здѣсь на отдыхъ, варили галушки, а въ лѣсу этомъ ломали спички для галушекъ.

Супрунова могила (къ в. отъ д. Камышеватой): по преданію, въ ней похороненъ чумакъ Супрунь.

Сѣдневка м.: родоначальникъ Сѣдневыхъ, запорожець жилъ здѣсь сиднемъ, т. е. осѣдло и занимался хозяйствомъ.

Тишковка с. получило названіе по имени какого-то Тишко, первоначально поселившагося здѣсь съ своей родней.

Тонконогова балка (влад. въ Ингуль) называется по имени запорожца Тонконога, жившаго здѣсь зимовникомъ.

Топыло (балка бл. с. Елисаветградки): прежде здѣсь была топь, покрытая камышами; теперь отъ распашки склоновъ дно балки засорилось и высохло.

Хохлаччина (кутокъ с. Березовки Елисаветградск. у.): населенъ малороссами.

Цыганка балка (бл. Красной Каменки): когда-то здѣсь стояли цыганы.

Чортова (иначе — *Черная*) балка (бл. Петроострова): крестьяне почему-то питаютъ къ ней суевѣрный страхъ; поэтому поставили въ ней крестъ и съ тѣхъ поръ называютъ ее также *Крестной*.

Филонова балка (бл. Сѣднєвки) названа по имени запорожца, имѣвшаго здѣсь зимовникъ.

Цветиха (балка бл. с. Алексѣевки) изобилуетъ цвѣтами.

Шляхетчина — урочище въ 1 верстѣ къ югу отъ с. Малаешты 2 Тираспол. у.; по преданію, здѣсь былъ поселокъ шляхтичей; замѣчаются слѣды кладбища.

У К А З А Т Е Л Ь

къ «Матеріаламъ по этнографіи Новороссійскаго Края»

В. Н. Ястребова.

Предисловіе (1).

I. Суевѣрія и обряды.

A) Представленія о внешнемъ міръ.

Небо. Солнце и луна. Восходъ и заходъ солнца. Пятна на лунѣ (3). Фазы луны. Дни недѣли (4). Праздничные дни. Кругъ около мѣсяца. Весна и зима (5). Затменія. Созвѣздія. Млечный путь. Падающія звѣзды. Кометы. Уромъ. Гроза (6). Горобына ничь. Дождь. Радуга. Градь. Морозъ. Вихрь. Внутренность земли (7). Конецъ земли. На чемъ стоитъ земля. Пронасти (8).

Волы. Лошади. Овцы (8). Свиньи. Собака (9). Кошка. Мыши. Крысы. Летучая мышь. О происхожденіи медвѣдя (Мужикъ срубаетъ ель, говорившую человѣческой рѣчью, и за то превращенъ въ медвѣдя). Отчего у медвѣдя уши и хвостъ куцые? (Любовь къ меду и упрямство медвѣдя) (10). Волки. (Волки испрашиваютъ у Бога или у какого-то святого съѣсть человѣка). Волкъ-чабанъ. (Волкъ — первый развелъ овецъ, которыхъ потомъ присвоилъ Авель). Заговоръ овецъ отъ волковъ. Одъ чего зайцы куццы? (11 и сл.) (Разнообразныя похождения дѣда — баштанника. Въ концѣ концовъ дѣдъ попалъ въ болото; желая вылезти изъ него, онъ ухватился за хвостъ зайца и оторвалъ хвостъ). Отчего у козловъ хвосты куцые? (Козы сотворены чортомъ; когда онъ гналъ ихъ лѣсомъ, они начали лезть на деревья; чортъ, стаскивая ихъ съ деревьевъ, поотрывалъ имъ хвосты). Поганья животныя. Новорожденныя животныя. Пропавшія животныя (13).

Личеніе болѣзней животныхъ. Бѣльмо (13). Вровище. Вши. Кледзь. Жаба. Какъ «заправляютъ» коровъ. Корова не даетъ молока (14). Средство, чтобы корова давала густое молоко. Перелогы (15). Пристрить. Укушеніе паука и гада. Черви у скота (16). Стертыя шеи у скота (17).

Куры. Гуси. Ласточки. Воробей. Почему воробей прыгаетъ, а не ходитъ (Богъ спуталъ воробью ноги) (17). Журавли. Аистъ. О происхожденіи аиста (За нескромное любопытство Богъ обратилъ одну женщину въ аиста и велѣлъ ей питаться гадами). Голуби (18). Костогрызы. Сова (Въ наказаніе за разсѣянность, соколъ выклевалъ совѣ глаза, оттого совы не видятъ по ночамъ). Гадюка. Ужъ. Полозъ. (Одинъ косарь убилъ полоза, безпокоившаго жителей одной деревни, воспользовавшись тѣмъ, что полозъ заснулъ на 25 дней) (19). Жабы. Происхожденіе черепахи (Иисусъ Христосъ обратилъ въ черепаху женщину, которая, желая спрятаться отъ Него, накры-

дась ночвами). Отчего у рака глаза назад: 1. Ракъ пятился назадъ; 2. ракъ былъ недоволенъ тѣмъ, что ему достались маленькіе глаза и просилъ помѣстить ихъ сзади). Ершь (20). Паукъ. Муха. Нужа (вши). Сопечко (Божья коровка). Сорныя травы. Посѣвъ и урожай (21). Жатва. Огородъ. Баштанъ. Капуста. Конопля. Плодовыя деревья (22).

Б. Народный календарь. Багата кутья (22—24). Рождество. Меланка (24—25). Новый годъ (25). Голодна кутья. Крещенье. Масляница. Пущенья (26). Явдоха. Сорокъ мучениковъ. Средохрестье. Благовѣщеніе. Страстная среда. Страсти (27). Страстная свѣчп. Страстная суббота. Приготовленія къ Пасхѣ: крашанки и писанки, способъ ихъ приготовленія, узоры, употребленіе писанокъ. Писанки у Болгарь с. Ольшанки (28—30). Чистые четвергъ, пятница и суббота (30). Разговѣніе. Пасхальныя игры въ блудька и въ трапка (31). Канунъ Юрьева дня и Юрьевъ день (Заговоръ волковъ). Танки (джокъ): Зайчикъ (32), Кострубоцько (33—35), Въ ката и мышку, Кротове колесо (36), Сирый дубъ.—Десята пятница. Ивалъ Купало. Петра и Павла (37). Маковія. Покрова. Бабыне лито. Козьма и Даміанъ. Св. Андрея (38). Храмовой праздникъ (39).

В. Представленія о челоувѣкѣ.

Брови. Волосы. Чесаніе волосъ (39). Пробужденіе. Умываніе и купаніе. Утираніе лица. Потягиваніе. Чиханіе. Иканіе. Слюна и плеваніе (40). Если зовуть по имени. Приготовленія къ сну. Пятиться назадъ.

Счастье въ торговлѣ. Клятва и брань (41). Значеніе сновъ: всходить на гору и сходить съ горы; выстрѣль; деньги; жениться и выходить за мужъ; звонъ и звукъ трубы; зовуть по имени; отпала подошва; плавать; полотно бѣлить; развалившійся домъ; рай. Молитва шедше на войну (42). Любощи (43).

Народная медицина. Бородавки (гузки). Бѣльмо (44—45). Бѣшиха (46—47). Водяна (47). Волосъ. Болѣзни глазъ. Глухота. Грызь (грыжа). Жовтяница. Золотуха (48). Зубная боль (49). Икотка. Кашель. Короста. Крыкльвци (50). Кровотеченіе. Курячья слѣпота. Лихорадка (51). Лишай. Младенческое (52). Насморкъ. Несплячки. Якъ опечесся. Остуда. Перелякъ (переполохъ) (53). Плиснявка. Порѣзы. Призоръ очей (сглазь) (54). Пристрить (55). Лѣченіе слабогрудыхъ. Сояшныци (56). Сухоты (57—59). Укушеніе паука и гадюки. Холера. Чохотка (59).

Недопитая рюмка. Неудобное время для ѣды. Куриная пожка. Молоко. Яйца. Пасха. Хлѣбъ (59—60). Собачій и кошачій мозгъ. Ложки. Одежда. Сорочка. Шапка. Закладка хаты (Разсказъ крестьянина о томъ, какъ онъ гадалъ, благопріятно ли мѣсто для постройки хаты) (60—61). Новоселье. Печь. Дрова (61). Дымъ. Зола. Соръ. Потолокъ. Окна. Порогъ. Столъ. Ключи. Двери и фортки. Подушки. Колыска. Зеркало. Коромысло (62). Ружье заговоренное. Ружье, изъ котораго убить челоувѣкъ. Деньги. Заступъ. Смитныкъ. Млынъ. Борозна. Перекрестокъ. Освященіе колодцевъ (63).

Вѣдьмы: какъ узнать вѣдьму; смерть вѣдьмы; рассказы о превращеніяхъ вѣдьмъ (64). Рассказы о томъ, какъ парубокъ проводитъ ночи

у тѣла умершей дивчины-вѣдьмы (64—66). Вѣдьма открываетъ тайны своего занятія (66—69). Волшебница (69). Разсказъ о томъ, какъ чумаки, дѣйствию чаръ своей жены, леталъ по воздуху (70). Разказы о вовкулакахъ: парубокъ по желанію превращается въ вовкулака и, во главѣ стаи вовкулакъ, нападаетъ на людей (70), свекровь превращаетъ въ вовкулака зятя, св. Юрій даетъ ему въ помощь двухъ волковъ (71); парубокъ обращенъ въ вовкулака дивчиной, по совѣту одного знающаго человека, онъ пробѣгаетъ подъ ея ногами, вслѣдствіе чего возвращаетъ себѣ человѣческой образъ, а она становится вовкулачкою (71—72); вовкулака живетъ въ обществѣ волковъ, надъ которымъ поставленъ старшина, на вовкулаку нападаетъ собака, при чемъ на немъ лопается кожа и онъ снова становится человекомъ (72—73); человекъ дѣлается вовкулакою въ сонномъ состояніи, въ компаніи съ волкомъ онъ прокармливается домашнимъ скотомъ своихъ дѣтей, одинъ изъ его сыновей бьетъ его палкой и онъ обращается въ человека (73—74). Про мертвеца: казакъ ночью попадаетъ къ мертвецу, вмѣстѣ съ нимъ блуждаетъ по деревнѣ, при чемъ мертвецъ умерщвляетъ молодыхъ на свадьбѣ (74—75). Про нычисту силу: путникъ почуветъ на кладбищѣ, ему является мертвецъ, ведетъ его въ село и пьетъ кровь, добывая ее пожомъ изъ угловъ хатъ, послѣ чего на утро многіе оказываются зарѣзанными,—по указанію прохожаго, разрываютъ могилу и находятъ въ ней уныря (75—76). Объ упырѣ: въ одну деревню является таинственное существо и сосетъ у людей кровь, родившійся въ это время богатырь въ единоборствѣ побѣждаетъ его (76—77). Русалки. Утопленники. Домовой (77). Разказы про домового: бѣдный домохозяинъ, по совѣту голоднаго гостя, неудачно пытается поучить домового палкой (77); хозяинъ подстерегаетъ домового, катающагося на его кобылѣ (78). Лятавецъ (перелесникъ) (78). Злыдни; переходя въ новую хату, хозяинъ оставилъ въ старой своихъ злыдней и разбогатѣлъ (78); найдя кубышку, человекъ раскрываетъ ее и на него нападаютъ злыдни (79). Обминокъ: разсказъ одной бабы, которая въ дѣтствѣ видѣла обминка (79). Песиголовцы; образъ жизни и свойства ихъ; разказы о песиголовцахъ: парубокъ служить у песиголовцевъ поваромъ, облизываетъ тарелки послѣ нихъ и отъ этого начинаетъ слышать, какъ говорить трава, потомъ питается вмѣстѣ съ ними и узнаетъ все на свѣтѣ, затѣмъ бѣжитъ отъ нихъ, они нагоняютъ его и, по ихъ лукавому совѣту, выпавшись подъ чернымълемъ, утрачиваетъ свои знанія (80—81); солдаты, отправляясь въ отпускъ, обманомъ выкалываютъ песиголовцу глазъ и спасаются отъ него, прицѣпившись къ животу барана (81); парубокъ ищетъ страха, попавъ къ песиголовцу, выпекаетъ ему глазъ саломъ и, разрѣзавъ волю животъ, прячется въ немъ, а потомъ перелѣзаетъ черезъ заборъ, послѣ чего песиголовецъ посредствомъ хитрости отрубаетъ ему руки (81—82); три брата ищутъ по свѣту горя и попали къ песиголовцу, который заставляетъ ихъ ѣсть человѣческое мясо, а потомъ запираетъ въ погребъ; песиголовецъ съѣдаетъ двоихъ изъ нихъ, но третій выпекаетъ ему глазъ саломъ и, покрывшись овечьей шкурой, бѣжитъ; песиголовецъ даетъ ему черезъ заборъ золотую палочку и, когда онъ взялъ ее,

къ ней пристала его рука, отрѣзавъ которую ножомъ, онъ пускается въ бѣгство (82—83).

Беременность: повѣрья, относящіяся къ ней; вытравленіе плода; рожденіе мертвато ребенка и уродовъ (83—84). Роды (84). Крестины (84—85). Злывки (85). Повѣрья, относящіяся къ первымъ днямъ жизни ребенка (85—86). Уходъ за ребенкомъ: кормленіе грудью, купаніе. Повѣрья относительно дѣтей (86—87). Заговоръ ребенка при отправленіи съ нимъ въ путь (87). Растенія, которыя ѣдятъ дѣти во время игръ и которыми забавляются (87). Самодѣльные игрушки (88). Разведеніе голубей (88). Игры подражательныя: въ свадьбы, въ похороны, поливаніе огородовъ, въ коровы, въ шапки (88). Шутки-шалости: запускать солнце, ложки танцуютъ, отрѣзать рукавъ, перепелыци, проводить скрозь стѣнку, проходить скрозь землю, пятака доставать, въ соломинки, въ церковкы, въ палочки (89—90). Какъ дѣти дразнятся (91). Другія дѣтскія игры: зайчикъ; въ войну; царскія (золотыя) ворота; въ царя (въ разбитного царя); чьй батько дужчый; въ голубей; орель (шулика) и курица; въ полотно; въ кольцо; въ красокъ; въ орѣхи; въ сѣрниковъ; въ деньги; въ пуговочки (съ варіантомъ); въ классы; въ котка; въ серединки (съ варіантами); блудъ; рай — дай (въ рая, въ перстня, курочки, въ гадыла); въ кашни; дысятороцка цурка (молдаванска цурка); шурды-бурды (кгилы); воръ и ворожка (у царя и вора); сорока; борозденька; шапки; въ скрякача; въ бобра; въ борща; ластивка; жмурки; «личилки», употребительныя въ жмуркахъ (91—106). Карточныя игры: въ банка; въ жида; въ пскуна; съ подходомъ; въ сжака; въ ямыха (106—108).

Свадьба. Сватанье (103). Заручины (109). Приготовленіе короваля и шишекъ. Дивычъ вечеръ (дивычникъ) (110). Витье гильца (111). Весилья (112—117).

Похороны. Примѣты, предвѣщающія смерть. Дѣйствія и обряды, сопровождающіе смерть и погребеніе. Сувѣрія, относящіяся къ погребенію (117—118).

II. Легенды, сказки и рассказы.

1. *Дружба Бога съ чортомъ.* Пославъ чорта достать земли со дна морского, Богъ приказываетъ архангелу Гавріилу завладѣть громомъ, который чортъ положилъ на камнѣ. Изъ зависти къ Богу, чортъ творить человѣка, котораго потомъ билеваль и вывернулъ на изнанку. Съ сотворенными имъ людьми чортъ лезетъ на небо, но свергнутъ оттуда. Чортъ строитъ пекло и запертъ въ немъ (119—121).

2. *Богъ и чортъ.* Чортъ пытается сдѣлать бѣднаго богатымъ, но безуспѣшно; это удается Богу (121—122).

3. *Богъ и св. Петръ.* Мужикъ тайно присутствуетъ при трапезѣ Бога и св. Петра три дня подрядъ; каждый разъ сюда прилетаетъ ангель съ вѣстью о рожденіи дитяти, и, на вопросъ ангела, какое счастье новорожденнаго, Богъ отвѣчаетъ: такое, какъ Намъ теперь; въ послѣдній день Богъ и св. Петръ питались однимъ хлѣбомъ, и на вопросъ мужика о его счастья, дали обычный отвѣтъ; мужикъ остался навсегда бѣднымъ (122—124).

4. *О женскомъ господствѣ* По ходатайству одной женщины, апостоль Павель упросилъ Господа передать женщинамъ господство надъ мужчинами. Господь, апостолы Петръ и Павель, странствуя по землѣ упросили одного мужика, въ отсутствіи жены, пустить ихъ переночевать; жена возвратилась пьяная, надѣлала шуму и побилла ихъ (124—126). Въ примѣчаніи—варианты легенды.

5. *Бѣдный челоѡкъ и св. Николай*. Бѣдный взялъ денегъ въ займы у богатаго, призвавъ въ свидѣтели св. Николая, но, не возвративши денегъ, умеръ. Богатый продаетъ тѣло умершаго и икону купцу. Св. Николай дѣлаетъ послѣдному корабль и они ѣдутъ за товарами къ иноземному царю; тамъ св. Николай ограждаетъ купца отъ напастей и способствуетъ благополучному его возвращенію (126—129).

6. *Про баранчика*. Бѣдному дѣду св. Николай далъ баранчика; бѣдный произнесъ: потрусись, баранчику! — и на столѣ явились разные кушанья; соблаздившись на деньги, дѣдъ продалъ баранчика; въ замѣнъ его, онъ получилъ другого, но, при произнесеніи тѣхъ же магическихъ словъ, явились двѣнадцать молодцевъ и избилли дѣда (129—130).

7. *Про Ивана и жизнь его — витрину дочку* Одинъ парубокъ, при посредствѣ ангела, выпросилъ у Бога себѣ жену и потомъ нанялся съ нею къ одному хозяину; желая завладѣть ею, послѣдній пытается его погубить, но, съ помощію жены, Иванъ исполняетъ всѣ данныя ему хозяиномъ съ этою цѣлью порученія, при чемъ попадаетъ къ своему тестю—вѣтру; послѣдній разрушаетъ домъ злого хозяина (130—134).

8. *Иванъ и наймитъ*. Бездѣтнымъ родителямъ Богъ даровалъ сына и обѣщалъ дать ему все, чего ни попросить; подслушавъ эти слова, наймитъ укралъ дитя, выростилъ его и разжился съ помощію его; но жена открыла послѣдному тайну его происхожденія (134—135).

9. *О концѣ свѣта*. Во время рожденія Иисуса Христа Богъ заперъ чорта; черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ рожденія Спасителя чортъ выйдетъ изъ заключенія и начнетъ ходить по землѣ, при этомъ тѣмъ, кто покорится ему, будетъ класть печать на рукѣ, а не покорныхъ—жарить (135).

10. *Объ чортахъ*. На досвѣтки приходятъ черти въ видѣ парубковъ; двѣ дѣвушки—сестры занимаютъ ихъ придуманнымъ ими разговоромъ, пока не пролѣтъ цѣтухъ и черти не исчезли (135—136).

11. *Какъ выучивсь чортъ на гайдѣ играть*. Первый музыкальный инструментъ—козу изобрѣлъ чабанъ. Чортъ выпросилъ у него козу, а его выучилъ грамотѣ, послѣ чего чабанъ сталъ пономѣ. На пасхальную заутреню чортъ является къ нему въ церковь съ требованіемъ починить гайдѣ и заиграть на ней; чабанъ вынужденъ исполнить требованіе и подвергается побоямъ отъ прихожанъ (137—138).

12. *Разказы о кладахъ*. 1) Кладъ въ видѣ сопливаго дѣда; 2)—въ видѣ огня въ углу хаты; 3)—въ видѣ бѣлаго баранчика; 4)—въ видѣ бѣленькой собачки; 5)—въ видѣ гуски; 6) деньги въ видѣ сопливаго дѣда и въ видѣ гадовъ; 7) деньги горятъ въ углу во время Дѣяній и являются въ видѣ сѣдого старика; 8) онѣ являются въ пасхальную ночь въ видѣ старика; 9) кладоискателямъ представляется, что за ними гонится войско; 10) кладъ охраняютъ львы и „блѣскачій“ челоѡкъ; 11) кладъ турецкій;

12) кладъ запорожскій; 13) сынъ убиваетъ мать изъ-за клада, но деньги превращаются въ жабъ; 14) кладъ въ видѣ лошадиной головы, въ видѣ волошки и въ видѣ свиньи (138 - 142).

13. *Зализный вовкъ.* Одного парубка преслѣдуетъ желѣзный волкъ; спасаясь отъ него въ лѣсу, онъ случайно попадаетъ къ его матери, которая выпускаетъ на него сына, но сопровождающія парубка собаки разтерзываютъ желѣзнаго волка (142 - 143).

14. *Иванъ — сынъ козацкій.* По требованію змѣи, обвившейся ему вокругъ шеи, Иванъ—сынъ козацкій несетъ ее въ „ламаны замкы“ и тамъ, за службу тремъ дѣвицамъ, получаетъ въ награду чоботы—скороходы, шапку—невидимку и такую сорочку, что пуля не пристанетъ; на обратномъ пути убиваетъ змѣя и женится на царской дочери; но послѣдняя похищаетъ у него волшебную сорочку, съ помощью которой змѣи убиваетъ его и, разрубивъ тѣло его на куски, въ мѣшкѣ привязываетъ къ хвосту лошади; та прибѣгаетъ въ „ламаны замкы“, гдѣ старшая изъ сестеръ возвращаетъ Ивану жизнь; обернувшись селезнемъ, Иванъ хитростью похищаетъ сорочку у змѣя (143—145).

15. *Про змѣя.* Змѣи хитростью заманиваетъ къ себѣ старшую дѣдову дочку; за нарушение запрещенія ходить въ коморку, гдѣ у него были свалены головы убитыхъ имъ людей, онъ обезглавливаетъ ее; на слѣдующій день дѣлаетъ тоже съ младшей дѣдовой дочкою; средняя дочка хитростью избѣгаетъ такой участи, при помощи живущей и цѣлющей воды возвращаетъ сестрамъ жизнь и отсылаетъ ихъ домой, подъ видомъ золота, въ сундукъ, а потомъ и сама спасается тѣмъ же способомъ (145—148).

16. *Про двоихъ братьевъ.* Пацъ покупаетъ у охотника волшебную утку; его дѣти съѣдаютъ — одинъ голову, а другой — сердце утки и первый изъ нихъ становится царемъ; второй приходитъ въ тотъ городъ, гдѣ братъ его царемъ; узнавъ, что онъ плетъ червонцами, царица лишаетъ его этой способности, но онъ обращаетъ ее въ рогатаго коня; въ виду грозящей ему казни, онъ открывается брату (148—152).

17. *Якъ мужикъ прикащика въ пекло визъ.* Мужикъ привезъ прикащика въ пекло, но послѣдній убѣжалъ; батька его пана велитъ достать спрятанная имъ при жизни деньги и отслужить панихиду (152—153).

18. *Якъ Иванъ витра шукавъ.* Бесплоднымъ супругамъ прохожій старецъ даетъ меду и баба рождаетъ мальчика; выросши, онъ покидаетъ ихъ, приходитъ въ царство, страдавшее отъ вѣтра, прячетъ вѣтеръ въ мѣшокъ и женится на царской дочери. (153—154).

19. *Баба — яа.* I. Двое сиротъ попадаютъ къ бабѣ—ягѣ; при помощи кота, они успѣшно выполняютъ порученіе ея налить воды рѣшетомъ и натопить баню безъ соломы, а потомъ, съ помощью волшебныхъ средствъ, избѣгаютъ вогони. II. Украденнаго бабою—ягою брата ходять искать поочередно три сестры, но удается его спасти только младшей изъ нихъ, при содѣйствіи яблони, сливы, паляницы и смолки, которымъ передъ тѣмъ она оказала вниманіе (154—157).

20. *Мертва кума.* Бѣдную куму, которая вырыла изъ могилы тѣло богатой для того, чтобы снять съ него драгоценныя украшенія, мертвая

кума пугаетъ своимъ появленіемъ, бьетъ ее и уноситъ ее съ собою въ могилу (157—158).

21. *Бѣдный и дѣти.* Бѣдный человѣкъ, по совѣту богатаго брата, рѣшается зарѣзать одно дитя, чтобы его мясомъ накормить остальныхъ; дѣти засыпаютъ и просыпаются только тогда, когда поспѣваетъ хлѣбъ изъ новаго зерна (158—159).

22. *Про царильника.* Гордый своей дочерью отецъ объявляетъ, что согласится выдать ее только за Бога. Нарядившись въ ризы царильникъ высватываетъ ее и, отпразновавши свадьбу, вмѣстѣ съ богатымъ приданнымъ привозитъ въ свой курень; потомъ онъ дурачитъ братьевъ жены (159—163).

23. *Круленьке словечко.* Свать совѣтуетъ женуху показать себя съ хорошей стороны передъ родителями невесты, сказавъ какбе нибудь красивое, круглое словечко; глухой парубокъ крикнулъ во время сватанья: „обручь!“ (163—164).

24. *Про птырку.* По глуности мужикъ разбилъ макотопомъ боченокъ съ водкой и убилъ лошадь, а жинка убила сначала дѣтей, а потомъ и мужа (164—165).

25. *Вчера мали, а чырызъ ничь стари.* Два старика — воловника вздумали въ шутку изображать изъ себя дѣтей, при чемъ одинъ у другого съѣлъ кашу, а послѣдній сжегъ у того кожухъ и дѣло кончилось не шуточной дракой (165).

26. *Чытурыс.* Мужикъ отдаетъ своего бычка въ ученье дьячку, который увѣрилъ его, что изъ бычка будетъ человѣкъ; черезъ годъ мужикъ узнаетъ отъ дьячка, что бычокъ уже губернаторомъ, является къ губернатору и предлагаетъ ему клокъ сѣна (166—167).

27. *Панъ и мужикъ.* Легковѣрный панъ промѣнялъ встрѣчному мужику коня на козу, вынужденъ былъ поѣхать въ открытой степи вмѣстѣ съ своимъ кучеромъ и наконецъ везти послѣдняго на себя (167—168).

28. *Якъ найшли вора (быль).* Дотождливый человѣкъ велитъ всѣмъ присутствующимъ взяться за поясъ и потомъ спрашиваетъ: держится ли и тотъ, кто крадъ; воръ признался (168—169).

29. *Про двоихъ братьевъ.* Бѣдный братъ три раза выкапываетъ изъ могилы жену богатаго брата и, залугивая ее, получаетъ отъ него муки, кабановъ и три пары воловъ (169).

30. *Линивы люды (анекдотъ)* (170).

31. *Якъ чоловикъ учивъ линиву жинку.* Молодой мужъ приучаетъ къ труду лѣнивую жену, послѣдовательно примѣняя къ ней правило, что сколько кто потрудится, столько и ѣсть будетъ (170—171).

32. *Якъ Катря плакала по своему чоловикови.* Въ дѣвичество еще славившаяся искусствомъ причитанія надъ умершими, Катря причитаетъ надъ мужемъ, который притворился мертвымъ (172).

33. *Лыха жинка.* Съ помощію разныхъ хитростей, злая жена заставляетъ мужа повѣрить, что онъ сошелъ съ ума, и наконецъ сживаетъ со свѣта (172—176).

34. *Дидъ и баба*. Дѣдъ посадилъ горошину; она выросла до нево; онъ полѣзъ по ней до Бога; Богъ далъ ему золоты постолы и срибны волоки; онъ мѣняетъ ихъ на вола, вола на корову, корову на теля, теля на свитню, свинью на утку (176—178).

35. *Брехня*. Разнообразныя похождения хлонца—пастуха (178—180).

36. *Прибаутка*. Непередаваемая „писенитыця“ (180).

37. *Про глухого* (181.)

38. *Разказы о жидяхъ* 1. *Жидъ у млини*. Мужики наказываютъ жиды за навязчивость (181). 2. *Мужики и жиды*. Мужики бьютъ жидовъ за плутовство (182). 3. *Скупый жидъ*. Мужикъ пугаетъ скупого жиды волками (182—184).

39. *Про цыганъ*. 1. Одинъ изъ двоихъ цыганъ, которые вмѣстѣ крали, по глупости выдаетъ товарища. 2. Цыганъ—охочъ до ѣды, но не охочъ къ работѣ (184).

40. *Про молдованъ*: Видкиль узався молдованъ: изъ коровьяго кизяка (184). 2. Жена—молдованка: глупость молдованъ (184—186). 3 и 4. Недоразумѣнiя между русскими и молдованами, происходящiя отъ незнакомства русскихъ съ молдованскимъ языкомъ, а молдованъ съ русскимъ (186).

41. *Про литвиновъ*. Литвины посѣяли соль; зимою, увидавъ на снѣгу (который приняли за уродившуюся соль) медвѣжьи слѣды, пришли по нимъ къ берлогу и когда медвѣдь откусилъ одному изъ нихъ голову, остальные отправились къ его женѣ удостовѣриться, была ли у него голова, при чемъ и жена лишь съ трудомъ могла дать имъ отвѣтъ (186—187).

42. *Топографическiя названiя съ мѣстными объясненiями ихъ*. Расположены въ алфавитномъ порядкѣ (187—194).